

Ирина Верехтина

12+

ДЛИННОЕ ЛЕТО

Ирина Верехтина

Длинное лето

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39154010

SelfPub; 2020

Аннотация

Время действия – девяностые годы, место действия – садово-дачное товарищество. Повесть о детях и их родителях, о дружбе и ненависти. О поступках, за которые приходится платить. Мир детства и мир взрослых обладают силой притяжения, как планеты. И как планеты, никогда не соприкасаются орбитами. Но иногда это случается, и тогда рушатся миры, гаснут чьи-то солнца, рассыпаются в осколки детское безграничное доверие, детская святая искренность и бескорыстная, беспредельная любовь. Для обложки использован фрагмент бесплатных обоев на рабочий стол.

Содержание

Часть 1. Девочки-русалочки	5
Глава 1. Дурочка	5
Глава 2. Ничейная картошка	19
Глава 3. Пилипенки	34
Глава 4. Марька	49
Глава 5. Исполнение желаний	60
Глава 6. Недолго думая...	76
Глава 7. Чермен Бариноков	89
Глава 8. Разговор по душам	100
Часть 2. Чужие	108
Глава 9. Лето 1995-го. Бариноковы	108
Глава 10. Фомушкины	123
Глава 11. Пикник	134
Глава 12. Чайкин пруд	142
Часть 3. Суд да дело	150
Глава 13. Лето 1996-го. Повестка дня	150
Глава 14. Преступление и наказание	159
Глава 15. Дядя Витя	164
Глава 16. Смягчающие обстоятельства	172
Глава 17. Послевкусие	178
Глава 18. Когда лютеране читают хадисы	185
Глава 19. Музыка красок	189
Глава 20. Потомки атлантов	197

Часть 4. Год спустя	204
Глава 21. Домашняя девочка	204
Глава 22. Файф-о-клок	213
Глава 23. Капля за каплей	221
Глава 24. Жизненный опыт	227
Глава 25. О том, как разбиваются мечты	239
Глава 26. Сюрприз	241

Часть 1. Девочки-русалочки

Глава 1. Дурочка

В тот день они возвращались с озера, куда их троих, после клятвенных заверений, что они не перегреются на солнце и не получат тепловой удар, не будут нырять и не утонут, отпустили одних, без сопровождения взрослых – четырнадцатилетнюю Аню, одиннадцатилетнюю Розу и восьмилетнюю Аллочку, которая не умела плавать, и бабушка наказала ей не заходить в воду глубже колен и «играться на бережку». Аллочка смотрела на бабушку честными глазами и послушно кивала головой. Но как только увидела пляж, поросший луговым клевером, и прохладную гладь озера, в которой отражались облака, бабушкины наставления вылетели из Аллочкиной головы, как вспугнутые утки из прибрежных камышей.

Аллочка заходила в воду по самый подбородок и бродила по твёрдому песчаному дну, воображая себя русалкой. Ходить по шею в воде получалось плохо: вода была ощутимо упругой, дно неожиданно уходило из-под ног, Аллочка пугалась и начинала плакать. Аня брала её за руку и выводила на берег. Сидя на траве и размазывая по щекам слёзы, Алла наблюдала за Розой, которая резвилась в воде как дель-

фин, вытворяя немислимые трюки. Постепенно Аллочкны рыдания переходили в тихие всхлипы. Она забывала о своих страхах, радостно плюхалась в воду... и всё повторялось сначала.

Аллочка была глупенькой и училась в специальной коррекционной школе-интернате для умственно отсталых детей (в просторечии – в школе для дураков). Летом Аллу с бабушкой отправляли на дачу, чтобы не видеть сочувственных взглядов соседей и не выслушивать «доброжелательных» советов.

Визиты Аллочкиных родителей были скорее деловыми, нежели родственными: они привозили продукты и чистое постельное бельё, забирали вещи, которые нуждались в стирке, и традиционно осведомлялись о здоровье любимого чада, которое, засунув в рот большой палец, молчаливо взирало на родителей в ожидании подарков. Подарки были всегда одни и те же – леденцовые петушки на палочке, жестяные круглые коробочки с монпансье, которые Алла называла монпасье, и мятные пряники, от которых в животе делается холодно.

Когда сумки были распакованы, а холодильник забит продуктами, взрослые садились чаёвничать и вели скучные длинные разговоры. Алла не слушала – о чём. Запихав за щёку леденец, устраивалась под столом на широкой деревянной перекладине и корпела над книжками-раскрасками, высунав от старания язык, пёстрый от облизываемых попере-

менно с леденцом карандашей.

Напившись чаю, родители извлекали дочь из-под стола и, к неудовольствию последней, усаживали за букварь. Восемилетняя Алла (впрочем, через два месяца, в августе 1996-го, ей исполнится девять, чем она страшно гордилась) умела считать до двадцати, читала наизусть выученные с бабушкой стихи, знала цвета радуги и различала геометрические фигуры. Но запоминать буквы у неё не получалось. Их много, разве все запомнишь?

Пытка букварём длилась целый час. Алла вертелась на стуле, хмурила светлые бровки и ныла – что у неё устала голова, что ей надо в туалет, просила пить... Но хитрые уловки не помогали. Девочке терпеливо и настойчиво показывали буквы и заставляли складывать из них слова.

– Ну, давай, дочка, вспоминай, ты же умница у нас. Покажи папе, где «м», где «а», где «к». Правильно! А это какая буква? Не знаешь? Как же так, мы же в прошлый раз учили, и бабушка с тобой всю неделю занималась. Занималась ведь?

Анна Дмитриевна торопливо кивала и отворачивалась, осуждающе поджимая губы. Чего зря ребёнка мучить, всё равно не понимает, вот и пусть её учителя в школе учат, коррекционной, сразу и не выговоришь. Что за родители такие, дитя им родного не жалко! Как ни приедут, до слёз доведут. За учебники засадят и мучают целый час, даром что у ребёнка каникулы...

– Это «а». Это «бэ». Это «кэ». – Алла страдальчески мор-

щила белёдые бровки, послушно водя пальчиком по буквам и разглядывая картинки, виденные ею сто раз и изрядно надоевшие. Полосатый арбуз, который хотелось немедленно разрезать и съесть. Румяная буханка, какие продавались в поселковом магазине. Расписная красивая тарелка – у них дома тарелки другие, не такие, а на даче вместо тарелок эмалированные миски. Алле нравились миски. И деревянные ложки, которыми они с бабушкой ели суп, ей тоже нравились. А в букваре – ложка обыкновенная, железная.

Под картинками стояли буквы: «а» – под арбузом (бабушка говорила – гарбуз, с мягким украинским «гэ»), «с» – под веревочкой с пластмассовыми ручками, у Аллы была такая, бабушка говорила – прыгалка, а мама называла верёвочку скакалкой. Алла могла бы ей возразить, что скачут на одной ножке, а через прыгалку прыгают. Но никогда не возражала, потому что мама сердилась на бабушку, а папа хлопал себя ладонями по коленям и смеялся, и тогда мама, оставив в покое бабушку, начинала ругаться с папой... Ой, нет, лучше молчать!

И совсем уж непонятная буква «х» красовалась под буханкой, которая – на букву «б». Алла не понимала, почему. – «Не понимаешь, учи наизусть!» – говорили родители. Алле не хотелось – учить. Она обиженно хлопала носом и растирала по щекам слёзы (иногда это помогало, и Аллу отпускали восвояси). С памятью у неё был порядок. За хлебом они с бабушкой ходили в поселковый магазин, за километр от са-

дового товарищества. – «Нам два батона и две буханки черного». – говорила продавщице бабушка. Батоны пухлые, румяные, вкусно пахнущие. Но Алле больше нравилась буханка – коричневый кирпичик с хрустящей корочкой, которую бабушка разрешала отщипывать, и всю обратную дорогу Алла жевала.

Буханка в букваре была совсем как настоящая, с коричневой поджаристой корочкой. При чём тут буква «х»? – «А ты подумай!» – предлагали родители. Аллочка, не любившая думать, сдвигала светлые бровки и вздыхала. Тут и думать нечего, буханка и батон – на букву «б», а папа с мамой твердят как заведённые: «Это буква хэ». Сговорились они, что ли?

Потеряв терпение, отец в сердцах отвечивал ей подзатыльник и бормоча «бестолочь, учиться ничему не хочет, ей всыпать надо как следует, а мы пряники возим», швырял букварь на стол и раздражённым голосом, в котором сквозили просительные нотки, объявлял жене:

– Поехали уже домой! Собирайся. Хватит с ней миндальничать, избаловали девчонку, ни в чём отказа нет, а толку никакого.

Мать наспех целовала зарёванную Аллу и, взяв с неё обещание слушаться бабушку и прилежно заниматься, садилась в машину с чувством исполненного родительского долга. Шурша по гравию на букву «г» колёсами на букву «к», золотисто-зелёный «шевроле» выезжал за ворота на букву «в».

Алла бормотала буквы, всхлипывая от незаслуженной обиды. Она не бестолковая, и буквы знает, почти все, и читает по складам, когда её не заставляют и не стоят над душой. А когда приезжают родители и устраивают «допрос с пристрастием», Алла пугается и всё забывает.

Бабушка, махнув на прощанье рукой, осеняла «шевроле» размашистым крестом, запирала ворота и вздыхала с облегчением. Слёзы на Аллочкиных щеках мгновенно высыхали: уехали, и хорошо. Им с бабушкой хорошо и без них.

Всю неделю Алла скучала – не по родителям, а по книжкам-раскраскам и пряникам. Ей вполне хватало бабушкиной любви и леденцов. А ещё «киндер-сюрпризов», которые девочка бросала на землю и, раздавив ногой, извлекала из-под шоколадных обломков вожаделенные игрушки. Шоколадные «скорлупки» она закапывала на грядках.

Анна Дмитриевна обожала единственную внучку и в отсутствие родителей тщательно следила за тем, чтобы девочка была нарядно одета, причёсана, накормлена, и не уходила со двора. Играть ей разрешалось только с Розой Бариноковой, с которой у них был общий забор: у Бариноковых тридцать четвёртый участок, у Петраковых – тридцать третий. Алла приходила к Бариноковым сразу после завтрака и оставалась до обеда. Уже через пять минут она начинала плакать и жаловаться Эмилии Францевне, бабушке Розы, которая всегда принимала Аллочкину сторону: «Она маленькая, а ты большая, могла бы уступить», – укоряла Розу бабушка. Отчиты-

вала, будто она, Роза, виновата.

– Она сама упала, я её не толкала, даже догнать не успела, а она шлёпнулась!

– Тебя послушать, ты всегда ни при чём. А девочка ушиблась, ей больно. Видишь, плачет?

– Да она всё время плачет. И падает всё время, а я...

– А ты не бегай как оглашенная. Идите лучше в дом, в шашки поиграйте, – говорила бабушка. Роза со вздохом брала подружку за руку и плелась наверх, не понимая, почему надо сидеть в комнате и играть в шашки, если хочется бегать и беситься. Избавиться от Аллочки не получалось, и не найдя сочувствия у бабушки, Роза пожаловалась матери.

– Мам, эта Аллочка каждый день к нам ходит. Скажи бабушке, чтобы больше её не пускала. Мне с ней скучно.

– А помнишь, как ты плакала, когда Катя с Юлей не хотели с тобой играть? Им тоже было с тобой скучно. Помнишь, сколько было слёз?

Роза помнила. Это были её первые каникулы на даче, и она изводилась одиночеством, не зная чем заняться. Ко всем её терзаниям добавились тринадцатилетние Катя и Юля, жившие через дорогу от них, в доме напротив. Эти двое не принимали её в свои игры: им было по тринадцать, а Розе десять. В детстве три года это целая жизнь. – «Иди в песочницу, куличики лепить. Иди к своей бабушке, она тебе памперс поменяет» – издевались вредные девчонки.

Глотая слёзы, Роза уходила в дом и поднявшись наверх, в

свою комнату, садилась у окна. Со второго этажа Юлин двор был виден как на ладони, и девочка подолгу смотрела, как Юля с Катей играли в бадминтон – белый волан неумолимо летал от ракетки к ракетке. Как взмывал в высокое небо полосатый мяч – и звонко шлёпался в подставленные ладони. Как ритмично хлопала по земле привязанная к столбу верёвка, через которую Юля с Катей прыгали по очереди – одна крутила верёвку, а другая прыгала. А могли бы втроем, если бы эти двое пригласили её играть вместе с ними. Но они не приглашали.

Бадминтон у Розы был, и мячик был, и летающие тарелки. В эти игры играют вдвоём, а она одна. С ней не хотят играть. С ней даже разговаривать не хотят.

По вечерам Розу ждала новая пытка: Юля и Катя играли в карты, громко шлёпая ими по деревянной столешнице. В открытое окно доносились их радостные вопли: «Что, получила? Получила?» – «Да щас! У меня козырная дама!» — «Ой, напугала... Ой, держите меня четверо! У тебя дама, а у меня туз!». Немилосердно жульничая и обвиняя друг друга в нечестной игре, девчонки ссорились по нескольку раз за вечер, и снова мирились и хохотали до изнеможения. Проигравшему отвечивали по лбу звонкие щелчки, сопровождаемые притворными стонами и заливистым смехом.

С тяжелым вздохом девочка закрывала окно и, нацепив наушники плеера, садилась за вышивание. Плеер ей подарил отец, за отличные оценки в школе, а вышивать научила мама.

Вышивать хорошо в дождливый день, когда нельзя гулять и нечем больше заняться. А когда на улице солнечно и тепло, а друзей нет, не идти же ей гулять одной?

Вышивание помогало не думать о том, как хорошо этим двоим, помогало не слушать их смех, прогнать из своей комнаты чужое веселье, от которого к горлу подступали слёзы обиды. Если бы бабушка знала о её мучениях, она бы непременно что-нибудь придумала. Но папа говорил, что жаловаться некрасиво, это дурная привычка. И Эмилия Францевна ни о чем не догадывалась. Если девочка сидит весь день за пяльцами, значит, ей это нравится. Никто её не заставляет, сама захотела.

Эмилия Францевна редко поднималась на второй этаж, в комнату внучки, куда вела винтовая лестница (*während du stehst, verrückt*, пока дойдёшь, с ума сойдёшь). Зато мама делала это регулярно. «Если хоть раз я увижу грязь и беспорядок, с комнатой можешь попрощаться. Будешь спать с бабушкой» – мамины слова не были пустой угрозой, Роза об этом знала и содержала комнату в образцовом порядке – куклы в корзинке, книжки на этажерке, пол чисто выметен, платья висят на распялках, майки и шорты аккуратно сложены и убраны в комод). Она была воспитана в строгости, на замечания родителей реагировала с первого раза, ей никогда не требовалось повторять.

Впрочем, замечания девочке делали редко. Папа с мамой приезжали в субботу и сразу после завтрака уезжали в Сер-

гиев Посад. Розе очень хотелось поехать с ними, но её каждый раз оставляли дома, и приходилось ждать до вечера. С рынка привозили парную телятину и баранину, домашний творог, молоко, масло.

Зато в воскресенье родители безраздельно принадлежали Розе – весь этот длинный, счастливый день. С мамой они сажали цветы, с папой поливали из шланга парники, хохоча и брызгаясь. – «Чермен, поливать надо грядки, а не ребёнка! Она же вся мокрая, хоть выжимай, да и ты тоже... Прекратили этот цирк и марш переодеваться, оба!» – мамин тон не допускал возражений. Чермен с Розой послушно «прекращали цирк» и отправлялись переодеваться, мокрые и счастливые. После обеда все трое садились в машину и уезжали на Торбево озеро, где оставались до позднего вечера. Забыв о своих горестях, Роза играла с папой в бадминтон и летающие тарелки, собирала сосновые шишки, которыми они кидались, как снежками. Шишки довольно чувствительная штука, если летят в тебя с размаху, и приходилось уворачиваться.

Наплававшись до изнеможения, Роза валилась на песок и, болтая в воздухе ногами, читала привезённую отцом книжку – её любимую фантастику или приключения. Отец отбирал у неё книжку со словами: «Что ж ты такая жестокая, дочь? Мы с мамой всю неделю тебя не видели, а ты смотреть на нас не хочешь, в книжку уткнулась... Будешь читать, когда уедем. Обещаешь?».

– Обещаю!

– Это не ответ. Что ты мне обещаешь?

– Обещаю, что буду читать... то есть, не буду... – путаясь в словах, заверяла отца Роза. Да и как не путаться, когда ты висишь вверх тормашками, с книжкой в руках, над головой песок, под ногами небо, а отец крепко держит тебя за щиколотки и хохочет: «Попалась, попалась!» – «Ну, пап! Отпусти!» – «Отпущу, если крикнешь три раза «куд-кудах-тах-тах!» – «Ну, пап! Только ты не смейся, а то у меня не получится» – «Чермен, прекрати! Что вы здесь цирк устроили, люди же смотрят!»

На них смотрели и улыбались. И немного завидовали...

Отец был неистощим на выдумки, с ним можно было всласть повозиться, поиграть в любимые игры, доверить любой секрет, зная, что он никому его не выдаст, даже маме. К вечеру девочка валилась с ног от беготни и шалостей, за которые её не ругали: отец не позволял. Чермен на руках относил её наверх, в детскую, оклеенную бледно-зелёными обоями с белыми лилиями на изумрудных стеблях и золотыми рыбками. Обои были с секретом: если плотно задёрнуть шторы, рыбки светились в темноте. Уложив девочку в постель, Чермен заботливо подвёртывал ей одеяло конвертиком и долго смотрел на спящую дочь.

Роза не рассказывала о своих горестях (в их семье не принято было жаловаться отцу), и Чермен не знал, как она скулит, лишённая общения со сверстниками. Она встречала отца с улыбкой, провожала с улыбкой, засыпала с улыбкой.

Но однажды, заждавшись девочку к ужину, Эмилия Францевна, преодолевая боль в колене, поднялась к ней в комнату – и застала внучку с прижатым к стеклу носом и вздрагивающими от рыданий плечами.

– Was ist Los? Was passierte? Wer hat dir wehgetan? (немецк.: что такое? Что случилось? Кто тебя обидел?) – когда бабушка пугалась или сердилась, она переходила на немецкий. – Was sind deine Tränen, wovon du weinst? (немецк.: о чём твои слёзы, о чём ты плачешь?)

– Ничего не случи-и-илось... – захлёбываясь от слёз, проговорила Роза. – Никто не оби-и-идел. Говори по-русски, ба.

– А это обязательно – замечания делать бабушке? Отец бы не одобрил. Нун, гут. Ладно. Не обидели, и ладно. А чего тогда ревьешь?

– Юлька с Катькой в карты играют, я тоже хочу, а они меня не принима-аают...

– Из-за такой ерунды плакать... Что у нас, карт нет?

– Не-еет.

– А нет, так пойдём и купим! Не плачь, meine süße! (немецк.: моя сладкая)

– Да-аа, купим... А с кем я буду играть? Мне не-ее с ке-еем...

– А мы сейчас папе позвоним, он купит и в субботу привезёт, и будем с тобой играть. Что ж ты мне раньше не сказала, dein dummer Kopf! (немецк.: глупая твоя голова!) Беги, носи телефон!

– Ничего я не глупая. Это Аллочка глупая. А ты в карты умеешь?

– А чего ж не уметь? Я много игр знаю, и пасьянсы умею раскладывать, и тебя научу.

Чермен привёз две колоды игральных карт с одинаковыми «рубашками» – «На случай, если потеряете» – пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Эмилии Францевны. Вечера стали для Розы любимым временем суток. По совету отца, они с бабушкой играли двумя колодами сразу – в подкидного дурака, в пьяницу, в макаронину. От детских игр перешли к взрослым. Под руководством Эмилии Францевны Роза неплохо освоила покер, вист и кинг (вдвоём играли за четверых, а куда денешься, не приглашать же соседей?!) Юля с Катей были забыты. А потом Роза познакомилась с Аней и навсегда забыла об одиночестве.

И теперь умоляла маму избавить её от надоедной Аллочки, которая не знала никаких игр, кроме «салочек», без конца падала и всё время хотела есть. Инга объяснила дочери, что бесконтрольный аппетит называется булимией. Она никогда не упускала случая пополнить дочкин словарный запас, и в свои десять лет девочка знала многое.

– Как ты можешь жевать весь день, не переставая? Это у тебя булимия, – авторитетно заявила Роза, окинув взглядом пухлые Аллочкины щёки. В ответ Алла улыбнулась:

– Булички я люблю, мне бабушка печёт, с повидлой.

Не с повидлой, а с повидлом, подумала Роза, но ничего не

сказала. Что тут скажешь...

Инга Августовна была другого мнения.

– Вспомни, как ты плакала, когда с тобой не хотели играть. Вот и Аллочка будет плакать. Ты говорила, что Катя с Юлей плохие девочки, а теперь сама хочешь стать такой же. Жестокой и бессердечной.

– Ма! Она же глупая, и обжора, и плачет всё время. Мне с ней неинтересно, – оправдывалась Роза, чувствуя себя виноватой. Когда о чём-то просишь, всегда оказываешься виноватой, поняла вдруг Роза. И замолчала.

– А ты подумай хорошенько, с кем ей играть? Ей скучно одной, а уходить далеко от дома ей не разрешают, только к нам. И смотри у меня, не вздумай её прогнать. Я бабушке скажу, чтобы она за тобой последила. А что плачет – так не обижай её, и она не будет плакать, – добивала девочку мать. Роза молчала, понимая, что мама права и дурочку придётся терпеть до конца лета. Ничего. Мама завтра уедет, а с бабушкой она как-нибудь договорится. Бабушка скажет Алле, что у Розы опасный грипп, от которого температура, и нельзя мороженое, и можно умереть.

Роза представила перепуганную Аллочку, которая мчится со всех ног к своей калитке, и счастливо рассмеялась.

Глава 2. Ничейная картошка

На озере дурочка вела себя на удивление прилично. В Аллочкиных восхищённых глазах Роза видела себя королевой: из всех троих она одна умела плавать баттерфляем (баттерфляй, или дельфин, считается наиболее технически сложным и утомительным способом плавания). Ещё она умела прыгать с пятиметровой вышки, но вышки на озере не было. Зато были камыши и водоросли, из которых они, насобирав целую кучу, смастерили русалочки платья и танцевали в них на берегу. А потом устроили конкурс на лучший костюм. Победила Аллочка, которой Аня вплела в косы длинные ленты водорослей, отчего волосы стали зелёными. Юбочка тоже была из водорослей, и развевалась на ветру, открывая загорелые ножки. Зелёные браслеты на тонких щиколотках довершали наряд.

Болотные (по определению Розы) глаза Аллочки сияли зелёными колдовскими огнями, загорелые руки в зелёных «браслетах» приковывали взгляд. Роза потихоньку дулась: ей было обидно, что триумф достался Алле. В довершение ко всему, девочку в странном наряде заметили отдыхающие на озере дачники. Они восхищались на все лады, называли Аллу девочкой-русалочкой и просили разрешения с ней сфотографироваться. Алла пришла в неистовый восторг, улыбалась до ушей, принимала красивые, по её мнению, по-

зы, с удовольствием выслушивала комплименты и обнимала чужих дяденек и тётенок за потные, красные от жары шеи. Роза обиделась по-настоящему. Но долго злиться у неё не получалось, и Алла была прощена.

Они долго играли в мяч на мелководе, вылезали из воды посиневшие от холода, с хохотом падали на траву, греться, и через пять минут снова бросались в воду. Принесённые из дома бутерброды исчезли сами собой, компот был выпит, фляжка с водой опустела, а небо затянуло облаками. Ветер стал холоднее, купаться больше не хотелось. Алла ныла и просилась домой. И зачем только они её взяли!

Аня с тревогой посмотрела на часы: отец велел ей быть дома не позже семи часов вечера, никакие оправдания не принимались, а наказание было суровым: «До субботы со двора ни ногой, а там посмотрим». Сидеть всю неделю на участке и не выходить за калитку – хуже не придумаешь, так что Аня никогда не опаздывала к ужину. Но ужин ещё не скоро, а до дома идти далеко – через поле, потом через луг, потом будет ещё одно поле, пшеничное, а за ним уже СНТ (садовое некоммерческое товарищество) «Красная калина», которое Анин отец называл почему-то санаторием забытых товарищей. Девочки сняли сандалии и шли босиком, загребая ногами тёплую пыль. Аня придумала – плести венки. Алла немедленно перестала хныкать и начала канючить: «Чур, я первая, мне самый красивый! Ань! Ладно? Я первая, а Розе потом сплетёшь, ладно?». Роза надулась и замолчала. Ей то-

же хотелось венков.

Втроём набрали целую охапку ромашек, и Аня показала девочкам, как плести венки. Алла и Роза, сопя от усердия, погрузились в работу. Аллочка придумала вплетать вперемежку с цветами траву с пушистыми метёлками соцветий, и Роза надулась: у дурочки венок вышел куда лучше, чем у неё.

Все трое уже порядком устали. Солнце палило нещадно, густая трава цеплялась за ноги, а тропинка не кончалась. И неожиданно упёрлась в знакомую изгородь. «Красная калина» – значилось на калитке. Ура! Пришли!

Идти по дороге было легко, и все трое воспрянули духом. – А давайте не по нашей улице, давайте в обход! – предложила Аня, взглянув на часы: до ужина два часа, торопиться некуда. – Давайте вдоль леса пойдём, мы по той стороне не ходили ни разу, вот и посмотрим...

Анино предложение было принято Аллочкой с восторгом. Роза молчала: их двое, а она одна, а папа говорил, что побеждает большинство. А ещё он говорил, что сила – в единении, что даже малочисленный народ, если он дружный и сплочённый, заставит врага отступить. А разве они враги? Разве Аня с Аллочкой – враги? Они её подруги, а значит, им троим надо быть сплочёнными – всегда и во всём. Размышляя таким образом, Роза со вздохом плелась за «большинством» – по дороге, огибавшей широкой дугой территорию садового товарищества. Аллочка бежала впереди, радостно подпрыгивая. Вот притворщица, а говорила, что устала, – злилась

Роза, которой хотелось есть и пить, а в голове звенело, будто там стрекотала тысяча кузнечиков. Вечно эта Анька что-нибудь придумает! Зря Роза согласилась, надо было идти домой. Дом у них кирпичный, в комнатах прохладно даже в жару. А бабушка сварила её любимый компот из вишен, собрала в теплице пупырчатых хрустящих огурчиков, нажарила душистых, маслено блестящих оладий ...

Бабушка её ждёт, а она, Роза, идёт неизвестно куда по дороге, вдоль густого черемушника, в котором перекликаются невидимые птицы (птицам хорошо, они у себя дома), мимо заборов, за которыми радостно лают чьи-то собаки, раскачиваются на веревочных качелях чьи-то дети, и кто-то их зовёт притворно-сурово: «Мишутка! Леночка! Обедать! Сколько раз вам говорить? Холодное будете есть, греть не буду».

Роза бы сейчас не отказалась от обеда. Даже от холодного.

Между дорогой и общей изгородью тянулась неширокая полоса земли, заросшая пышными черёмухами и колючим боярышником. В одном месте кусты боярышника были аккуратно спилены, образуя узкий проём, за которым виднелись картофельные рядки. Алла кошкой нырнула в проём и восторженно оттуда заорала:

– Картошка! Ничейная! Выкопаем и бабушке отнесём!

Вот она обрадуется!

– А вдруг она чья-то? – испугалась Роза.

– Она на ничейной земле растёт, значит, ничья! – упорствовала Аллочка. – зацвела уже. Там уже картошечки ма-

ленькие выросли! А давайте накопаем, в костре испечём и съедим! Вон черемуха сухая, веток наломаем, будут дрова! Мы с бабушкой пекли, я умею. Чего испугались-то? Здесь же не живёт никто, вон калитка на замке. Никто нас не увидит, никто не узнает, – убеждала подруг Аллочка, у которой неожиданно обнаружился дар красноречия.

Дурочка, а соображает лучше всех, подумала Роза.

Повиснув животом на чужом заборе и дрыгая ногами, чтобы удержать равновесие, Аллочка со знанием дела провела рекогносцировку местности (прим.: разведка территории для получения сведений о противнике перед предстоящими боевыми действиями). Участок напротив полянки не внушал опасений: во дворе никого, грядки выполоты, деревья побелены, дорожки посыпаны желтым песком, окна наглухо занавешены шторами. Форточка на втором этаже была открыта, тюлевая занавеска трепыхалась под ветром, хозяева уехали и забыли закрыть. И теперь приедут только в пятницу, она знает точно в воскресенье вечером все уезжают, потому что им надо на работу. А сегодня понедельник.

Доложив обстановку, Алла слезла с забора и повторила ту же операцию с соседним участком, который, к радости девочек, оказался нежилым: двор зарос крапивой и лебедой, к одинокому сараю из серого горбыля подступал вплотную густой подлесок, который новому хозяину придётся корчевать. На калитке висело объявление: «Продаю». Кто же его купит, подумала Аллочка. Она неплохо соображала для своих вось-

ми лет, и хитрила, притворяясь тупой, чтобы её жалели, покупали леденцы на палочке и поменьше мучили букварём, который Алла тихо ненавидела.

– А зачем Алкиной бабушке отдавать? Вдруг она не поверит, что картошка ничья? Ещё ругать нас будет... Мы лучше сами испечём и съедим. Так есть хочется, – призналась Аня, и Роза непонимающе на неё посмотрела.

– А чего ж ты домой не идёшь? Пообедаешь и выйдешь.

Аня покачала головой, отказываясь.

– Тебе что, дома обедать не дадут?

– Дадут. Только гулять уже не отпустят, – вздохнула Аня.

– Почему? – Роза вскинула на неё глаза, и Аня в который раз удивилась, какие они чёрные, как ночь, с оттенком узбекской спелой черешни. Хотя Роза никакая не узбечка, мама у неё русская, а папа черкес, Чермен Бариноков. На него в садовом товариществе заглядывались все женщины и девчонки, хотя сам он ни на кого не смотрел и ни с кем не общался. Ане тоже нравился белозубый чернобородый Чермен, словно сошедший со страниц лермонтовской «Бэллы», и она со страхом думала, что сказал бы отец, если бы он об этом узнал.

Бездонные глаза Чермена Баринокова смотрели на Аню и ждали ответа.

– Ну, так... – пробормотала Аня. – Аглая с утра в город уехала, с первым автобусом. Я ей сказала, что буду вышивать, а на озеро пойду после обеда. На весь день она бы не

отпустила. Она, наверное, уже приехала, а я почти ничего не сделала, кувшин только вышила, – захлёбываясь словами, тараторила Аня. – Она увидит и обо всём догадается. И скажет папе, что я обманщица... – упавшим голосом закончила Аня.

Черешневые глаза от удивления раскрылись ещё шире (хотя казалось, шире уже некуда) – так что на Розином лице не осталось свободного места. А удивляться было чему. На прогулку Аня взяла с собой вышивание в пяльцах. Рисунок – иллюстрация к басне Крылова «Лиса и журавль» – был намечен на ткани серыми крестиками. Журавль и лиса выглядели серыми привидениями – рядом с узкогорлым кувшином, над которым Аня трудилась весь день и успела закончить. Кувшин был вышит зелёным шелком, в котором переливались все оттенки зелёного (названия значились на деревянных палочках, на которые были намотаны нитки). – «Это малахитовый, это аквамаринный, тёмный пастельно-зелёный, бледно-зелёный, зелёно-морской, цвета зелёного мха, а этот – цвета зелёной мяты...» – объясняла Аня.

– Я и не знала, что бывают такие цвета, – восхитилась Роза.

– Я тоже не знала, пока мне этот набор не подарили, – призналась Аня.

– Ничего-то вы не знаете! – Аллочка выхватила из Аниных рук пяльцы и осторожно погладила вышитый кувшин. – Как настоящий! У нас дома такой, китайский. Мама трогать

не разрешает, он дорогой потому что. Ань, а откуда ты знаешь про мамин кувшин, ты же у нас никогда не была?

– Я всё про тебя знаю, – Аня забрала у неё пяльцы. – У тебя руки грязные, не трогай. Аглая ругаться будет, что мало сделала, а за грязь и подавно.

– Мало сделала?! Ты же весь день над ним сидела...

Вместо ответа Аня неопределенно пожала плечами. Оттого что она сказала «Аглая» вместо привычного «мама» у Розы пропало желание задавать вопросы. Она оглянулась в поисках исчезнувшей Аллочки.

– Эй! Ты где? Я тебя не вижу!

– Я здесь! Тут грядки вдоль забора, длинные-длинные, на целый километр. Их с дороги не видно, за черёмухами, – рассказывала Аллочка. Из картофельных рядков она выползла на четвереньках, со счастливой улыбкой на выпачканном землёй лице, держа в обеих руках выдернутые с ботвой картофельные клубни – розовые, словно светящиеся изнутри. Клубни были величиной с голубиное яйцо, и Роза ахнула.

– Она же маленькая, она не выросла ещё!

– Ничего не маленькая, на ней цветочки уже, – Алла сунула Розе в лицо вырванную ботву с мелкими белыми цветками.

– С цветами нельзя рвать. Бабушка говорит, картошку в сентябре копают, когда отцветёт!

– Ну и иди к своей бабушке, а мы будем копать, и костёр разведём, – распорядилась Алла. Розе не хотелось уходить,

но копать картошку она отказалась наотрез.

– Кто копать не будет, тому печёной не дадим! – выдвинула угрозу Алла.

– Ну и не надо. Мне папа напечёт, мы осенью всегда картошку печём.

– Ну и иди к своему папе!

– Ну и пойду. А картошку копать не буду, и тебе не дам! – не отступалась Роза.

– Ну и иди, чего стоишь? А я всё равно буду копать! А ты иди, бабушке расскажи. Ябеда!

– Сама ты ябеда. Забыла, как ты моей бабушке на меня жаловалась? – Роза обернула к Ане красное от негодования лицо. – Придёт к нам с самого утра, и не выгонишь. Со мной играет и на меня же жалуется.

– У нас спичек нет, – Аня дипломатично сменила тему разговора. – И соли тоже нет.

– Есть! – Алла сунула руку в карман сарафанчика и победно помахала перед лицом Ани спичечным коробком. – А соль я из дома принесу, я сбегая, я быстро, – искушала подружек Аллочка, которой очень хотелось есть, а домой идти не хотелось: бабушка накормит обедом и засадит за букварь, а потом заставит вышивать крестиком вафельное полотенце, которое Алла подарит учительнице, первого сентября. На полотенце было жалко смотреть: всё измятое, словно изжёванное, с торчащими там и сям хвостиками выдранных «с мясом» ниток и криво вышитыми крестиками. Алла корпит

над ним всё лето, а полотенце никак не кончается. Нет, до- мой ей идти нельзя.

– Можно картошку в золу макать, она солёная, я пробовала! – безапелляционно заявила Алла, и Роза в который раз удивилась – глупая Аллочка оказалась умнее всех, и спички у неё нашлись, и с золой неплохо придумала.

– Пойдёмте отсюда. Алка, вылезай! И картошку не трогай. Не сама же она выросла, кто-то же её сажил. То есть, посадил. Посадили... – запуталась Роза.

– Посадили и забыли. Понатыкали как зря, даже не окучили ни разу, и грядки наперекось, не как у людей... – копируя бабушку, ворчала Алла. Аня не выдержала и прыснула.

– Ал, ты прямо как бабка старая! Давайте уже копать, картошка сама из земли не вылезет. А что мелкая, это даже хорошо. Быстрее испечётся.

Окончательно убедившись, что на ближних участках никого нет, девочки с увлечением ломали сухие ветки, складывая их «колодцем» и с опаской поглядывая на дорогу. Впрочем, опасаться было нечего: все разъехались и приедут только в пятницу. И Розин папа приедет... И Роза расскажет ему о картошке, которую копали Аня с Аллой, а она, Роза, стояла и смотрела... Папа за такое не похвалит.

Отец был для Розы всевидящим богом и закадычным другом, строгим учителем и беспечным товарищем по играм. Ему можно было доверить любую тайну, рассказать обо всём на свете. Девочка ждала отца всю неделю, и трудно сказать,

кто из них двоих сильнее скучал. К неудовольствию Эмили Францевны, Чермен обучал дочку корейскому тхэквондо, справедливо решив, что маленький рост и хрупкое телосложение следует компенсировать сильными ногами.

Тренировал серьёзно, полтора часа без перерыва, до полной усталости. Когда девочка уже не стояла на ногах, Чермен хватал её в охапку и тащил в душ, не слушая протестов и ловко уворачиваясь от брыкающихся ног. Стоя под обжигающими колючим холодом струями, Роза изо всех сил сжимала кулаки. Зато усталость исчезала как по волшебству, сменяясь ледяными мурашками. Эмилия Францевна бросала на зятя негодующие взгляды. А Чермен с улыбкой наблюдал, как его дочь с видимым удовольствием влезает в тёплый свитер...

Потом они ложились на диван, и наступал черёд жутковатых восточных сказок, которых Чермен знал великое множество. Злых дэвов он озвучивал хриплым басом, волшебниц-пэри – вкрадчивым баритоном, а за магрибского колдуна говорил свистящим шепотом. От сладкого ужаса Роза с головой ныряла под плед, прижимаясь к отцу, и всё чаще поглядывала на темный угол за диваном. – «Я думал, ты у меня уже большая, а ты до сих пор в сказки веришь!» – хохотал Чермен. Эмилия Францевна сердито выговаривала зятю: «Загнал ребёнка до полусмерти, она после твоих тренировок и так чуть живая, а ты её пугаешь ифритами всякими. Она от твоих сказок спать не будет, кошмары замучают!».

Кошмары Розе не снились, она спала как бревнышко. Чер-

мен весь вечер не спускал дочку с рук, позволяя заплетать из своих волос смешные косички, стоять на отцовском на животе ногами, разжимать каменно твёрдые кулаки, отдирая пальцы по одному – «Чур, не сгибать, которые уже отогнула!»

– Что ты с него не слезаешь, и не стыдно тебе? Отец всю неделю работал, устал, а ты с ногами на него взгромоздилась, как на диван, – ворчала Эмилия Францевна.

– Пап, ты устал? Тебе тяжело? – спрашивала Роза, сидя на отце верхом и обнимая его за шею.

– Это кто здесь устал? Я устал? – Ухватив дочку за ноги повыше щиколоток, Чермен поднимал её вверх на вытянутых руках. – Сейчас посмотрим, кто из нас устал!

Обмирая от страха, Роза стояла босыми ногами на папиных тёплых ладонях, цепляясь за низкие потолочные доски и с трудом удерживая равновесие. – Руки отпусти, потолок уронишь, – смеялся Чермен...

Роза обожала отца, и будь сегодня суббота, её бы ветром сдуло с улицы, но сегодня только понедельник, папы не будет целую неделю, и почему, собственно, ей не остаться?

– Ладно. Вы копайте, а я здесь посижу. Если кто по дороге пойдёт, я крикну, – Роза уселась на пыльную обочину и вставила в уши наушники новенького розового плеера. Шороха велосипедных шин она не услышала... Внезапный рывок – и выхваченный из её рук плеер взметнулся вверх и исчез. Роза тихо вскрикнула...

Алла с Аней её не услышали. Захваченные «сбором урожая», ползли на четвереньках каждая по своей грядке, скрытые от чужих глаз густым черёмушником.

– Я сумку нашла, совсем почти новую, только без ручек, – радостно объявила Алла.

– Это не сумка, а мешок. Будем картошку в него складывать. Ты молодец, – похвалила девочку Аня.

Когда они, розовые от непривычных усилий, выбрались на дорогу, волоча за собой мешок с картошкой, их ожидало достойное жалости зрелище. На дороге лежали три велосипеда, а Розу крепко держали за локти две «взрослых» девочки. Третья, голенастая невысокая девчонка лет пятнадцати, вертела в руках японский плеер и победно улыбалась. Ударить ногами, как учил отец, не получилось – девчонка стояла на безопасном расстоянии. Роза узнала Вику Пилипенко. Они приехали откуда-то с Украины, участок в «Красной калине» купили два года назад (его никто не покупал, вот и отдали «чужим»).

Насладившись победой, Вика велела отпустить пленницу. Подружки неохотно подчинились. Стояли, наблюдая, как Роза растирает затёкшие локти, и следили за каждым её движением, готовые схватить, скрутить, повалить на землю. Им по шестнадцать, а ей только одиннадцать. Их трое, а она одна. Аллочка с Аней не в счёт, они драться не умеют. С тремя Роза не справится...

– Отдай! Ну, отдай! – безнадежно повторяла Роза, сидя

на земле и вытирая слезы, а они всё бежали и бежали по щелкам. – Я же не брала твою картошку! Меня папа за плеер убьёт, он мне его в подарок купил, за отличные оценки.

– Отличница, значит? Папа купил? Ну, значит, ещё один купит, – издевалась голенастая девчонка.

– Не купит. У нас таких не продают, он из Японии привёз. Вот приедет в субботу, что я ему скажу?

– Скажешь, что картошку нашу воровала.

– Вашу?

– А то чью же?! Вы что же, думали, она сама выросла? И не косите под малявок, большие уже, соображать должны, – Вика Пилипенко окинула взглядом Аллу с Аней, машинально державших мешок за концы. – И мешок наш пригодился!

– Я не копала! Я ничего не делала! Что я папе скажу? – рыдала Роза.

– А я своим родителям – что скажу? Они на Байкал уехали, отдыхать. Через месяц приедут, спросят – где картошка. Что я им скажу? Вы у нас пол-огорода выкопали... – голос у Вики дрогнул.

– Ну на, на! Забирай свою картошку. Мы же не знали, что она твоя, мы думали ничейная, – встряла Аллочка. Ей-то хорошо, у неё не отобрали плеер, и за картошку ей ничего не будет. Что с дурочки взять?

– Ага, забирай! Она не отцвела даже, а вы полмешка выкопали. Из него осенью четыре мешка бы выросло, – сварливо выговорила Вика, отбирая у Аллы мешок.

В голове у Розы стучали маленькие молоточки, их удары больно отдавались в ушах. Плеер был баснословно дорогим, она выпрашивала его у отца два года. И теперь занималась по два часа ежедневно (английский, французский, русский письменный и математика, по полчаса на предмет). Бабушка пробовала возражать:

– Зачем ей в каникулы заниматься, разве она плохо учится? На одни пятёрки, что вам ещё надо? – наступала Эмилия Францевна на дочь.

– Не переломится, – отмахнулась Инга. – Нечего её жалеть, ей ни в чём отказа нет, всё что попросит покупаем. Но не за так. Отец предупредил: будет хоть одна четвёрка, плеер заберёт.

Роза честно выполняла условие, в дневнике ни одной четвёрки. Но плеер у неё отобрали. Отец бы так не поступил, подарки назад не берут, он сам говорил, Роза бы напонила ему его слова. И вот – её сокровище, яркий малиновый плеер вертела в руках пятнадцатилетняя девчонка, и явно не собиралась отдавать. Розины умоляющие глаза встретились с Викиными – дерзко-насмешливыми, беспощадными. – «Нет» – сказали глаза. Поняв это, Роза заплакала ещё сильнее.

Не достигнув консенсуса, Аня с Аллой покинули «поле боя», ведя за руки плачущую Розу.

Глава 3. Пилипенки

Территория СНТ (садовое некоммерческое товарищество) «Красная калина» вдавалась в лес длинным клином. Две грунтовые дороги, охватывая дачный массив с двух сторон, узко сходились в одну, ведущую к калитке в общей изгороди. Калитку, которая официально называлась запасной, калиновские шутники окрестили задним проходом (главный вход – с железными воротами, двухэтажным бревенчатым домом, в котором размещалось правление СНТ, и водоразборной установкой, которую неугомонные острословы прозвали поилкой, – находился на противоположном конце дачного массива). А участок Остапа Пилипенко прозвали треугольником, потому что он был угловым, последним. Участок был неудобным во всех смыслах: узкий, вытянутый, зажатый с двух сторон двумя дорогами. С третьей, широкой стороны, вплотную к «треугольнику» подступал пожарный пруд. По обеим улицам весь день проезжали машины, моталась на велосипедах ребятня, проходили люди, пробегали чьи-то собаки... Лай, крик, шум... Место было незавидным, а участок нестандартным – четыре сотки вместо положенных шести, поэтому его никто не хотел брать.

«Треугольник» продали с общего согласия членов СНТ. Новый хозяин, недолго думая, купил машину песка и брёвна на строительство – старые, серые от времени, источенные

жучком. – «Избушку-развалюшку разобрали да по дешёвке продали, а он, дурень, купил» – шептались калиновцы. Бревен оказалось только на две стены, о чём хозяину честно сказали нанятые им шабашники. Хозяин поскрёб в затылке, заплатил шабашникам «за беспокойство», прикинул предстоящие затраты... и неожиданно для всех отказался от участка и потребовал вернуть деньги (на которые председатель правления обещала уменьшить целевые взносы). Деньги пришлось отдать...

Через год на «треугольник» нашёлся новый покупатель. Песок к тому времени растащили по участкам. На брёвна, пролежавшие всю зиму под снегом, никто не позарился, как и на молодой осинник, который густо поднялся на бесхозном участке. – Как бамбук растёт, сплошняком, – смеялись калиновцы.

За год Пилипенки (так прозвали Викину семью калиновцы – коренные москвичи) обжились, дуже гарно (по выражению Остапа Пилипенко) отстроились и обзавелись справным (по его же выражению) хозяйством, поднятым, что называется, с нуля. На участке даже не провели раскорчёвку: с «треугольником» рабочие смухлевали, а калиновцы не настаивали: кому нужны четыре сотки между двух дорог, с комариным прудом по соседству...

«Це дило трэба разжуваты» – раздумчиво сказал Остап, глядя на заросший молодым осинником участок с беспорядочно раскиданными брёвнами, оставшимися от прежнего

владельца. Брёвна подгнили, почернели и, по мнению калиновцев, годились разве что в костёр. Остап, поплевав на ладони, взялся за топор и соорудил из них симпатичную баньку, с двумя окошками и покато́й крышей, над которой весело и густо дымила печная труба. «Банька-то на дровах, настоящая, русская! А у всех-то сауны, в них один жар, а духа никакого» – шептались калиновцы. И совсем уж неожиданным стал для них «пилипенкин» дом – добротный, крепкий, ладный, сложенный из пропитанных льняной олифой деревянных шпал. Где он такие достал? Их же не продают... Особенно необычно смотрелась мансарда с ломаной кровлей, один скат с изломом, а другой прямой. На все вопросы Остап улыбался и кивал головой, молчаливо соглашаясь – с вопросами. Где он научился строить бани, где купил новые, пахнущие свежим деревом шпалы, где нашел рабочих, за которым не нужен был догляд? Быстрые, ловкие, умелые, они построили этот необыкновенный дом за две недели. И дорожки проложили – из обломков каменных плиток, шероховатых, с рельефно выступающим рисунком.

И прудик выкопали – декоративный, с голубым эмалевым дном, на котором блестели белые камешки. Вика, дочка Остапа, привезла рыбок-вуалехвостов, которые обжились в прудике и плавали, распустив алые хвосты и поблёскивая золотыми боками. Очень красивые. Ухаживала за вуалехвостами Вика – меняла воду, насыпала корм, а раз в неделю, выловив сачком рыбок, отмывала прудик до блеска.

В свои пятнадцать лет Вика умела многое. Викина мама, Наталья Ивановна, появлялась на участке редко, через выходной: потому что она работала и жила, как она говорила, на два дома: у Марьи, Викиной неродной бабушки, сильно болели суставы (в чём Вика сильно сомневалась: ни постирать, ни приготовить, ни в магазин сходить Марья не могла, зато по комнатам летала ласточкой), а от Викиного дедушки, как говорила Наталья, толку как от козла молока, а грязи как от стада свиней. Вика никогда не называла Марью бабушкой, потому что она на двенадцать лет моложе Викиной мамы. Дедушкой Вика гордилась: он был художником, профессором кафедры реставрации монументальной и декоративной живописи. Тот есть, это раньше – был, а сейчас отошёл от дел, потому что ему стукнуло семьдесят. Забегая вперёд, скажу, что Иван Андреевич Мацковский, член-корреспондент Российской Академии художеств и Почётный член Московского союза художников, увидев Викины рисунки, радовался как мальчишка: нашей породы девчонка, Мацковских.

Наталья так непочтительно отзывалась об отце оттого, что когда-то он не позволил ей выйти замуж за любимого, сказал ему в лицо, что он лимита, деревенщина и его дочери не пара. «Деревенщина» оскорбления не простил, Наталье больше не звонил, и по слухам поступил в МИСИ (Московский инженерно-строительный институт) и женился на однокурснице. Учиться в Историко-архивном институте отец ей то-

же не позволил, топал ногами и кричал, что Наталья должна пойти по его стопам. Или Академия живописи, или – выметайся, скатертью дорога, живи как знаешь.

Иван Андреевич и думать не мог, что Наталья воспользуется его советом.

А она собрала чемодан и уехала не простившись. Далеко. На Кубань. Окончила сельскохозяйственный техникум (жить приходилось на стипендию, в тесном, крикливом и не всегда дружелюбном общежитии, и Наталье не хотелось об этом вспоминать), вышла замуж за Остапа, а через два года родилась Вика. Остап предложил пригласить к ним Натальиных родителей – «Поживут-погостят, на внучку поглядят, всё же родная кровь. Может, и помиритесь». Наталье мириться не хотелось. Обида не отпускала, не забывалась: на отца, за то что жизнь сломал, на мать – за то что не вступилась, молчала. На письмо, в котором она сообщала родителям о замужестве и приглашала на свадьбу, ответа не пришло. Больше Наталья им не писала. Через двенадцать лет отец прислал телеграмму: «Мать совсем плохая, зовёт, приезжайте».

В свой последний день Марианна Станиславовна была счастлива: она ждала дочь и внучку (приедут вечером, шестичасовым поездом) и не собиралась умирать. Ей стало легче, боль отпустила, и дышалось свободнее, и улыбка не сходила с лица. Надо Марье сказать, чтобы комнату им приготовила, да пирог испекла, Наталкин любимый, с антоновски-

ми яблоками...

– Марька! – Да где ж она... Ваня! – громко крикнула Марианна Станиславовна. Ей казалось, что она кричит...

Иван Андреевич склонился над её изголовьем, с трудом разбирая еле слышный шёпот:

– Мы перед Наталкой виноваты... И надо найти в себе мужество это признать, и попросить прощения... Она простит. Дочь же она нам! И будем жить все вместе, как раньше...

– Да, моя хорошая. Будем вместе, как раньше... Ты поспи пока. Как наши приедут, я тебя разбужу.

Наши... какое хорошее слово! Марианна Станиславовна улыбнулась и закрыла глаза.

Так и умерла – со счастливой улыбкой на посветлевшем лице. Иван Андреевич всё пытался её разбудить, а она не просыпалась. Марька хотела его увести, но он не позволил. Обхватил голову ладонями и затрясся в беззвучных рыданиях.

* * *

Наталья стояла у гроба, тщетно пытаясь понять, что творилось в её душе. Слез не было, только давящая тяжесть в груди. Вика прятала в карманах красные от холода кулаки, постукивала друг о дружку заледеневшими ногами и ждала, когда всё закончится и они поедут домой. Она не горевала по бабушке, которую не знала и которой была не нужна. А бабушкин муж, знаменитый московский художник-реставратор, приходится ей родным дедушкой, и она на него

похожа, Вика видела у мамы его фотографию. Вот же чудеса! Забывшись, Вика рассмеялась, и Наталья дёрнула её за рукав. Скорей бы домой, за поминальный стол, тоскливо думала Вика. Ей было холодно и уже давно хотелось есть.

Иван Андреевич на негнувшихся ногах подошел к могиле. Неловко нагнувшись, захватил горсть холодной, замороженной глины и долго разминал её сильными пальцами, словно это могло помочь, словно от этого его жене станет легче – там, где она сейчас находилась, где обитала её душа. Все молчаливо ждали. Наконец он бросил на гроб мёрзлую землю, хотел сказать – «земля тебе пухом...» и не смог. Бормоча что-то несвязное, опустил на землю.

– Плохо... ему же плохо! Да помогите же! Поднимите его! – заговорили все разом, Ивана Андреевича подхватили под руки и повели в автобус. Бледный до синевы, он гладил рукой левую сторону груди и повторял беспрестанно: «Прости меня, Аня, прости дурака старого. Как жить теперь, без тебя?» Вика не понимала, за что он просил прощения. За то, что не умер вместе с бабушкой?

Остап мял в руках конверт. В конверте лежало письмо, которое мать написала Наталье год назад и которое Иван Андреевич отдал ему на кладбище, избегая смотреть зятю в глаза. – «Не хотели вас с места срывать. Сами справлялись худо-бедно, да и Марьюшка помогала, чем могла, да сестра патронажная приходила. Мать-то парализовало у нас, два года пластом лежала, теперь вот прибрал господь» – бормо-

тал Иван Андреевич, старательно изображая убитого горем вдовца. Остап ему не поверил: соцработница, которую Остап ласково звал Марьюшкой, вела себя в доме по-хозяйски, громкогласно распорядилась на кухне, рассаживала гостей за поминальным столом, бегала к соседям за стульями, которых не хватило. Порхала ласточкой, – метко определил Остап. А ещё подумал, что свято место пусто не бывает...

Усадить всех за поминальный стол не получилось, и поминки справляли в два приёма. – «Как в санатории, в две смены» – хохотнула Марьюшка и спохватившись зажала рот рукой, сделала вид, что закашлялась. Чужое горе её не коснулось, чужие родственники ей не нужны, принесла их нелёгкая... Но куда же денешься, положение обязывает: заботливо усадила за стол, подсунула хлебницу, подносила тарелки с поминальной кутьёй, закусками и холодцом. Набросила Вике на плечи пуховый платок, пробормотала, чтобы все слышали – «Девчонка на кладбище замерзла, аж заостенела вся, а родителям хоть бы хны...». Улыбалась ласково. И смотрела – недобрыми глазами. Глаза были честными, забота – фальшивой.

Иван Андреевич не знал, о чём думает его внучка. Смотрел на её нахмуренные брови (его брови, дедовы!), капризно изогнутые губы (Натальины!) и радовался – наша порода, Мацковских! Про себя он уже решил: как бы там ни повернулось, внучку он от себя не отпустит. Вика останется в Москве, окончит школу и будет учиться в Академии худо-

жеств. Вину перед дочерью уже не искупить, но он делает всё для этой незнакомой красивой девочки, которая – вот же чудеса! – его родная внучка, родная кровь.

Завернувшись в пуховый платок и простуженно шмыгая носом, Вика уплетала холодец, заедая его ноздреватым ржаным хлебом, который она – под одобрительным взглядом деда – густо намазала хреном. У них на Кубани чёрного хлеба не пекут, только пшеничный, а ржаного Вика никогда не ела. И сейчас наслаждалась незнакомым кисловатым вкусом, замечая украдчивые взгляды своего деда, который Вике сразу понравился. А первое впечатление самое верное.

Только что-то с ним не так... Ничего не ест, сидит прямой как палка, уставясь невидящими глазами в стол и опрокидывая стопку за стопкой. А мама говорила, что он непьющий.

Вечером Ивана Андреевича увезла «скорая». Соцработница Марья, которая, как оказалось, вовсе не была соцработницей, уехала вместе с ним, бросив на ходу Наталье: «Я с ним поеду, а вы ложитесь, отдохайте, я и комнату вам приготовила, и постели постелила. Замёрзнете – там одеяла в комоде. Девчонку потеплее оденьте, заколела она на ветру, в курточке да в кроссовках, скукожилась вся. Мороз нонече нешуточный, а она у вас одета как зря»

Наталью от её слов покорило. Сказано вроде – ласково, заботливо, а ненависть наружу вылезла, обожгла. Укрывая Вику вторым одеялом, вспоминала Марьины слова. Получается, она свою дочь не жалеет, а Марья – пожалела. Всё навы-

ворот получается. И гости эти... Смотрели на них с Остапом, как на зверей в зоопарке. Сколько лет о родителях не вспоминали, теперь вот примчались, наследство делить, – читалось в их глазах. Наталье хотелось сказать, что это не так. Но что она могла? – жизнь свою рассказать-пересказать? Зачем им её жизнь, они уже сделали выводы, они все равно ей не поверят.

Наталье было неуютно под настороженно-цепкими взглядами, неловко от Марьиной показной заботы, от её слащавого благодушия. Кто она такая, по какому праву распоряжается в доме её отца? В её, Натальином, доме!

Как выяснилось позже, Марья была натурщицей и по-совместительству домработницей. И любовницей – по совместительству. И с этим уже ничего нельзя было сделать и ничего нельзя изменить.

* * *

...Когда Наталья прочитала материное письмо, у неё помутилось в глазах. Мать писала, что сильно болеет, не встаёт, что продукты им покупает соцработница, но только самые необходимые, по утверждённому списку. Пиво и сигареты в список не входят, а отец без них не может, и приходится ей доплачивать, и ещё за мытьё полов, и за уборку. «Иван, как с кафедры его попросили, умом тронулся, всё лепит, ваяет, а Марья за бесплатно соринку с пола не подымет. Умереть бы поскорее, что ли, – заканчивала письмо мать. – Доченька, ты уж прости нас и приезжай, все трое приезжайте, иначе

останешься сиротой, мы долго-то не протянем. Отец-то покаялся, признал, что не прав был с тобой, судьбу тебе сломал. Внучку бы, говорит, увидеть напоследок. Ему недолго осталось, до ста лет люди не живут»

У Натальи дрожали руки, строчки прыгали перед глазами, а в голове словно плескался кипяток. Оставить отца одного она не сможет, Остап уедет домой, на Кубань, а они с Викторией останутся. Что ж у неё за судьба такая! Смолоду жить не позволили, как хотелось, теперь вот – сама себе не простит, если уедет. Сердце разрывалось между двумя родными людьми, не в силах принять решение. Бросить отца на произвол судьбы, на попечение натурщицы? Бросить дом, хозяйство, попрощаться навсегда с родной станицей, разрушить уютный, привычный мир, в котором она счастлива, в котором её ценят и любят? Как же она – без Остапа? Как же теперь жить?

Как же теперь жить...

* * *

«Тронувшийся умом» академик оказался вовсе не так плох здоровьем, как писала Наталье мать. Наталья подозревала, что письмо, от которого у неё в лёгких словно кончился воздух, а вздохнуть не получалось, – письмо они сочиняли вдвоём с отцом, старательно сгущая краски. Патронажная медсестра и приходящая соцработница оказались правдой, всё же остальное – чистой воды выдумка. Пенсию Иван Андреевич получал персональную, академическую, с надбавками, льготами и ежегодными бесплатными путевками в Кис-

ловодск. Да и на кафедре реставрации вел приём, раз в неделю, в качестве консультанта. Жили Мацковские безбедно. Просто соскучились по дочке и по внучке и снова повернули её жизнь на сто восемьдесят градусов, они умели это делать. Если бы не смерть матери, она бы ни за что здесь не осталась. Но допустить, чтобы эта проститутка Марья прибрала к рукам квартиру её родителей... её, Натальину квартиру! – допустить такого Наталья не могла. С Остапом они проговорили полночи...

Вика впервые в жизни оказалась в Москве. Квартира на Фрунзенской набережной впечатляла: четыре комнаты, две лоджии, просторная прихожая, вместительная кухня-столовая. И вид на город с двенадцатого этажа! Она обязательно напишет – этот вид. Сначала в карандаше, а потом...

– О чём задумалась, внучка? – прервал её размышления дед. – Нам с тобой вместе думать надо. Родителям твоим втолковать, чтоб меня одного не оставили... Ты-то меня не бросишь? Ты у меня одна, больше внуков нет. Умру, всё тебе оставлю...

На его губы легла прохладная ладонь, лица невесомым теплом коснулось Викино дыхание, вкусно-ананасовое – оттого что Вика жевала резинку. Иван Андреевич обмер... Получается, внучка его приняла, значит, Наташка не настраивала девочку против деда, не рассказывала ей ни о чём. А он-то, старый дурак, думал про неё всякое... Иван Андреевич

издал горлом сиплый звук и обнял внучку.

– Не надо умирать, Иван Андреевич... то есть, дедушка. Мне ничего не надо, я просто так с тобой останусь.

* * *

Наталья боялась зря: Остап легко согласился продать дом, под залог которого, как оказалось, был взят банковский кредит, а отдавать было нечем. Продажа дома решала проблему, да и жизнь на Кубани становилась всё труднее, всё дороже. За удобрения плати, за вспашку плати, за землю свою собственную – плати, а цены непомерные. Варнаки огород потопчут, парники разорят, яблони обломают – на них милиции нет, управы нет. Вырастил урожай – опять плати, иначе не разрешат продавать. Лицензия – называется. Купи её и торгуй на здоровье. А и продашь за копейки...

Десятилетнюю Вику уговаривать не пришлось. В Москву перебрались втроём.

Наталья думала, что с её появлением в отцовском доме Марья соберет манатки и исчезнет. Но она осталась. Иван Андреевич в первый же день в присутствии дочери и зятя очертил границы: они с Марьей семья, как Наталья с Остапом. – «Квартира моя, здесь твоего ничего нет, сама от нас с матерью сбежала, никто не гнал. Ты, дочка, об этом не забывай. А забудешь, так я напому. Марью обижать не смей, она здесь хозяйкой была и останется. Комната у вас большая, всем места хватит, денег с дочки родной я не возьму, живите. А табачок врозь, и делить нам нечего».

Наталья молча кусала губы. Ничего. Ещё посмотрим, кто здесь хозяйка. Время изменится, всё переменится...

Не переменялось. В «большой» комнате они прожили четыре года. Вике исполнилось четырнадцать, а она по-прежнему спала за занавеской, готовила уроки за обеденным столом, стеснялась раздеваться при отце и бегала переодеваться в ванную.

...Вика мечтала о собственной комнате, но их поселили в одной, всех троих. Комната была с отдельным входом, изолированная, как сказала мама. Незнакомое, колючее слово «изолированная» Вика понимала по-своему: их изолировали, отделили, указали их место. Впрочем, рисовать ей разрешили в зале – проходной комнате, из которой вели двери в библиотеку и дедушкину спальню. Вика согласна была жить в библиотеке, но Иван Андреевич не предлагал, а просить его об этом Наталья Ивановна запретила дочери строго-настрого. Вика выросла в станице, в просторном доме, где всё было общее – папино, мамино и её, Викино, где можно входить в любую комнату, не спрашивая разрешения, где никто не скажет тебе: «Здесь твоего ничего нет»— И теперь искренне удивлялась, зачем деду одному столько комнат?

А удивляться было чему. Марья Семёновна, которую дед отрекомендовал как помощницу по хозяйству, осталась у них ночевать, и вообще осталась в доме. Гражданская жена, так это называлось официально. А неофициально... нет, повторить Натальины слова я не возьмусь. Опустим это. Марья

надеялась, что гражданский брак станет законным, заговаривала об этом с Иваном Андреевичем, но тот каждый раз ласково возражал: «Разве мы с тобой не семья? Разве я тебя не люблю? Штамп в паспорте ей понадобился, вот поди ж ты... У меня ближе тебя никого нет, ты ведь знаешь...»

Глава 4. Марька

В семье Кармановых было пятеро детей, и все – мальчишки. Односельчане завидовали, а Семёну хотелось – девочку, светловолосого ангела с розовыми губками и ямочками на щеках. Он так долго её ждал, он даже имя ей придумал – Марьяна, Марианна. А Настасья не хотела её рожать. – Пятеро на одной картошке сидят, конфеты по большим праздникам видят, обутки-одежки друг за дружкой донашивают, не накупишься – на пятерых. Куда ж ещё шестую рожать?:

Семён умолял, Настасья отказывалась, травки тайком пила, мужа до себя допускала не часто, с оглядкой на «грешные» дни. И бог её услышал. И наказал: после двух выкидышей Настасья не беременела четыре года. А всего, выходит, шесть. Семён поскучнел, молчаливым стал, сыновей с малых лет в работу запряг, не жалел, ровно чужие они ему. От жены морду воротил, в глаза не глядел. Не простил. А раньше любил, оторваться от меня не мог, и смотрел всегда ласково, – тоскливо думала Настасья и винила во всём себя: что ей стоило уступить? Где пятеро, там и шестой место найдётся. А девочка подрастёт, помощницей станет, одной-то тяжело на шестерых мужиков стирать-готовить...

– Сёма! Что ты как неродной, не посмотришь, не обнимешь... Я уж и забыла, как муж обнимает...

Жизнь толкнулась под сердцем, когда Настасья уже пере-

стала надеяться. Ей бы радоваться, а она испугалась:

– Шесть лет у нас детки не рождались. Я в глаза тебе смотреть не могла, бога молить устала... А бог молчит, не слышит. Я грешным делом и подумала – если бог не помогает, кого ж тогда просить-то? Подумала, будь ты хоть дьявол, только пошли мне ребёночка. Девочку. И вот – послал. Бабы говорят, знак нехороший. Говорят, нельзя плод оставлять, выгравить надо. Страшно мне, Сёма. Бабы ить зря говорить не станут.

– У всех бабы как бабы, а мне дура досталась! – Семён изругался по-чёрному и, опомнившись, обнял жену, прижался лицом к её животу и выговорил не своим голосом: «Марюшка моя... Батка тебя ждать будет, уж ты не подведи, как срок настанет. А мамку свою не слушай, она тебе наговорит...»

Настасья подумала и решила: так тому и быть.

Роды были тяжёлыми. Настасья мучилась трое суток. Персонал районной больницы сбивался с ног и не спал вместе с ней. Семён, отъявленный матерщинник и богохульник, притащил в районную больницу икону и, не зная никаких молитв, повторял как заведённый: «Ты это... Извиняй, ежели обидел чем. Прощенья просим. Только не дай Насте моей умереть, мальчишек моих не сироть, и дочечку сохрани. Карманову Марьяну... Ты на меня глазами-то не сверкай! – забывшись, переходил на привычный тон Семён. Спыхватившись, бормотал «прощенья просим» и вглядывался в глаза

святого, ища поддержки, которой ему больше не у кого было просить.

В положенный срок родилась девочка – некрасивая, большеботая, ноги в растопырку, волосы цвета печной сажи. И в кого ж ты такая уродилась, сокрушалась Настасья. Карманов-старший дочку обожал.

Первым Марькиным воспоминанием были руки отца, подбрасывавшие её к низкому избяному потолку – Марьке казалось, до самого неба. Испугаться она не успевала, Семён подхватывал дочку на лету и целовал в пухлую щеку: «Марька ты моя! Дочечка моя единственная, радость моя последняя...» В отцовских глазах светилась любовь, и Марька словно плыла в этой любви, чувствуя детским слабым тельцем её тёплые ласковые волны. Глаза отца излучали тепло, материнские – смотрели равнодушно.

Кармановы впрягли сыновей в семейный воз, едва они научились ходить. Семён колол дрова – дети собирали щепки. Семён окучивал лошадю картошку – мальчишки по очереди держались за повод. Ещё они собирали и жгли в костре колорадского жука, мыли в избе полы, под водительством старшего брата Мирона ходили в лес за ягодами и орехами.

А когда подросли, таскали от колодца вёдра с водой, вычищали коровник, а навоз складывали за сараем, смешивая его с рубленой соломой. Ещё они ездили с отцом на сенокос, пилили дрова, учились управляться с молотком и рубанком. Нарастив упругие мускулы, Кармановы-младшие спо-

ро справлялись с работой и вечером, получив вождеденную свободу, дотемна пропадали на речке.

Марье тоже хотелось на речку, но мать не пускала: мала ещё, а ребята устали, им не до неё, не уследят, утопнет девочка, а мне перед Семёном ответ держать.. Да он убьёт – за Марьку свою, с него станется. Нет, дочка, сиди-ка ты дома. А коли нечем заняться, так я тебе работу найду.

И находила. Девочку не заставляли носить из колодца воду и выгребать из коровника навоз – для этого в доме были братья. Марька прореживала молодую морковь, пропалывала грядки, аккуратно складывая обочь огорода вырванную с корнем траву и колючие стебли осота; усевшись на перевернутое ведро и набросив на плечи отцовскую телогрейку, перебирала в подполе картошку. Ещё помогала Настасье по дому. Сидеть без дела было скучно, работа была не тяжёлой, а мать не скупилась на похвалу и называла доченькой, ласточкой, солнышком, а отец привёз ей из города красивую куклу в нарядном платье. Марька стащила с куклы платье, долго его разглядывала и сообщила отцу, что сошьёт себе такое же.

В четыре года Марька научилась вязать носки и варежки, в шесть – работала в огороде наравне с матерью, в семь – мыла в избе полы, избавив от этой работы братьев. В восемь лет девочка умела разжигать в печи огонь, закрывать вовремя вьюшку, варить зелёные щи из крапивы, которую мелко рубила сечкой, и жарить яичницу на восьмерых, разбивая в сковороду семнадцать яиц: отцу четыре, Настасье с сыновья-

ми по два, и одно для неё, Марьки. Впрочем, яичница была в их доме редким блюдом, яйца шли на продажу.

Усевшись на тёплые доски крыльца, Марька пришивала пуговицы на чью-то рубашку (почему они всегда отрываются?), поглядывая время от времени на Мирона, который обтёсывал топором еловые колья. Колья блестели на солнце желтыми стёсами и сладко пахли еловой смолкой, топор в сильных руках Мирона мелькал лёгким пёрышком, и девочка залюбовалась братом. Мирон отложил топор, смахнул со лба крупные капли пота, подошёл к дождевой бочке и, зачерпнув пригоршню воды, жадно выпил.

Марька видела, что брату тяжело, но всё равно завидовала: он и на сенокос с отцом ездит, и в лес, и на речку. А она... Она согласилась бы обтёсывать сырые тяжёлые колья, только бы не драить чугунок и сковородки, полоть ненавистные грядки и пришивать эти проклятые пуговицы, которые всё время отрываются...

Мирон устал, а топор тяжёлый, а колья сырые, неподатливые. Но ведь они когда-нибудь кончатся, и Мирон будет косить на луговине пахучую траву, смётывать сено в стога, ловить с отцом щук в омурах, которыми славилась их тихая с виду речка с вкусно-ласковым именем – Молокча. Колья когда-нибудь кончатся, и будет что-нибудь другое. А домашние дела всегда одни и те же и никогда не кончаются...

– Я в толк не возьму, ты рубашку чинишь или в небо смотришь? – выдернул её из раздумий голос матери. Марька дав-

но привыкла, что мать всё время её подгоняет. И неприметно вздохнула, уткнувшись в шитьё. После школы она до вечера крутилась по дому, эта работа не тяжёлая, но от неё всё равно устаёшь...

О том, что Марька тоже уставала, Настасья не думала. Не лежала душа к девчонке, которую Семён любил больше, чем жену – богом данную, единственную. Теперь вот она, Марька, единственная. Толстопятая, толстогубая, и ходит в растопырку. Послал бог подарочек...

– Ма! Мальчишки на речку пошли, я с ними хочу, – обиженно заявлял «подарочек».

– Кака тебе речка? Там в речке омуты глубокие, а в них водяной живёт, – пугала Марьку мать. – Иди со мной картоху чистить. Вдвоём-то многонько начистим... Я тебя научу кожуру стружечкой снимать, колечком завитой. Хочешь?

– Хочу, – обречённо отзывалась Марька, понимая, что речки ей не видать.

Потом, когда подросла, переделав домашние дела, убежала на речку без спроса, и Настасья махнула на неё рукой...

Марьке исполнилось девять, когда женился Мирон, старший из сыновей Кармановых. Жили молодые через улицу от них, как здесь говорили, на другом порядке. Через год у них родилась девочка, Анна Мироновна Карманова, светловолосый ангел с розовыми губками и ямочками на пухлых щёчках. А ещё через два года Зоя, жена Мирона, отдала девочку в садик, а сама вышла на работу.

Из садика Аню пришлось забрать: девочка без конца простужалась, даже когда на улице стояла жара. Зоины родители работали, не могли за ней смотреть, и девочка оставалась одна на весь день, Зоя с матерью по очереди прибегали её покормить и переодеть в сухое.

– Не плачет она одна-то? – спрашивала сына Настасья, которой муж запретил бегать по десять раз на дню к Мирону и докучать молодым.

– Плачет, как не плакать. страшно ей одной-то. Приходим – она радуется, уходим – плачет, – честно ответил Мирон. – Зато хоть болеть перестала, а раньше-то из хворей не вылезала, кашляла без конца... Хоть не болеет теперь, – тоскливо повторил Мирон, которому жаль было маленькую дочку, а что делать?

И Настасья не выдержала. Сказала мужу, что ей плевать на его запреты, что она скорее даст на куски себя порезать, чем знать, что внучка в доме одна-одинёшенька, криком заходится, и никому дела нет. Семёну ничего не оставалось, как согласиться с женой.

Настасья разругалась в дым с председателем совхоза и днями пропадала «на другом порядке», свалив домашние дела на двенадцатилетние Марькины плечи. В довершение ко всему, девочке поручили дневную дойку коровы. На «большой» перемене, на которую в поселковой школе отводилось сорок минут – пусть набегаются и наорутся всласть, рассудил директор, – вся школа высыпала на школьный двор иг-

рать в волейбол, вышибалы и верёвочку. А Марька бежала домой, за подойником, а потом через луг, на берег Молокчи, где в полдень отдыхало стадо. Молока набиралось полведра, но всё равно тяжело, тем более если идёшь через луг мелкими торопливыми шажками, страшаь угодить ногой в ямку и уронить ведро.

Процедив молоко через сложенную вчетверо марлю, Марья ставила банку в подпол, мыла подойник, вешала на верёвку наспех выполосканную марлю и бежала в школу. На урок она не опаздывала и о том, что бегают доить корову, никому не рассказывала. Но в классе всё равно узнали. К Марьке прилипло обидное прозвище «Марька-доярка», которое отравило ей жизнь и школьные воспоминания.

Дома Марьку хвалили, называли молодцом и умницей и говорили, что ей можно доверить хозяйство и что она не подведёт. В семье Кармановых у каждого из ребят были посильные обязанности, большой семье иначе не прожить, зарплата в совхозе никакая, кормились огородом, продавая хозяйственные излишки и покупая на вырученные деньги «горонской» товар.

Марька радовалась, что она «молодец и умница», и готова была свернуть горы, лишь бы её похвалили. Хвалят – значит, любят. Ей хватало этой толики любви: брошенных вскользь слов одобрения, тёплой маминой руки, обнимающей плечи, убирающей под косынку выбившуюся прядку волос, вытирающей тыльной стороной ладони перепачканные в муке дет-

ские щёки: «Ты ж моя золотая, ты ж моя помощница... Устала? Ничего, глаза боятся, а руки делают... Скоро закончим, в печь поставим, ужинать пирогами будем. Без тебя я бы ни-почём не справилась...»

А время шло. Маленькая Анечка, которую Мирон с женой отдали на попечение Настасьи, смешно ковыляла по двору, шлёпалась на пухлую попку и поднимала отчаянный рёв. Настасья подхватывала её на руки, Семён немедленно отбирал: «Дай-кось, я сам». С появлением внучки он словно помолодел: расправились плечи, заблестели глаза. Сбылась его давняя мечта, светловолосый ангел с розовыми лепестками губ.

У отца появилась новая любимица, с горечью думала Марька. Став старше, она смогла сформулировать запавшую в подсознание мысль: её перестали любить. Она больше не младшая, не единственная, не обожаемая. Нянька, помощница, прислуга. А куда деваться?

Так продолжалось всю жизнь, всё детство: огород—школа—дом—огород. Училась Марья кое-как, и родители ставили ей в пример Анечку: умница-разумница, в школу с шести лет пошла, одни пятёрки домой таскает, учительница не нахвалится... И рисует лучше всех в классе, и в танцевальном кружке занимается.

Повезло Анечке: и умная она, и красивая, и все её любят — Анечкина мама, и Мирон, и Марькина мама, и Марькин папа... А она, Марька, не успевает по всем предметам, и бес-толковая, и уроки готовить некогда. О беготне с ребятами и

вечерних посиделках за совхозной ригой можно не мечтать: всё равно не отпустят. Скажут, учи лучше уроки, а на улице пусть бегают те, кому дома делать нечего. Близких друзей, с которыми можно поделиться, у Марьки нет, и парня тоже нет. У всех девчонок есть, а у неё нет. А ведь ей уже пятнадцать.

Не разрешают – ни друзей, ни парней, отец убьёт, если увидит с кем, он сам ей сказал. Родителям она нужна лишь как помощница. Работница. Батрачка. А больше ни для чего не нужна. А Анька закончит школу и поступит в институт, учиться на художника. Потому что у неё талант. Так Мирон сказал.

А у неё, Марьки? Может быть, у неё тоже талант? Надо проверить... Марька тайком взяла у сестры акварельные краски и, пролистав её альбом (учительница не врала, Анька рисовала красиво), аккуратно вырвала два листа.

Уединившись на чердаке, Марька попробовала нарисовать их дом, с раскидистой яблоней у крыльца, жёлтым нарядным штaketником и бегущей к сараю тропинкой. Краска «не слушалась», срывалась с кисточки, брызгалась и не хотела сохнуть, оставляя на листе мокрые озерца. Марька старательно вымакивала озерца найденной в углу ветошью, но всё равно выходило плохо.

Забор вообще не получился, штaketины слились в грязно-коричневую полоску, а вместо дома вышло что-то сомнительное. Даже рисовать у неё не получается! Даже рисовать

у неё не получается! А у Аньки получается – и учиться, и рисовать, и танцевать...

Обтерев ветошью вымазанные в краске руки, Марька всласть наплакалась на чердаке...

Глава 5. Исполнение желаний

Марья любила торчать в гостиной, наблюдая за Викторией, когда та рисовала. Вика терпеть не могла, когда стояли у неё за спиной, но Марья не спрашивала разрешения,. Хотя бы молчала, с досадой думала Вика... Но Марья не молчала, комментируя каждый штрих карандаша, каждый мазок кистью. Мало того, она пыталась её учить:

– Здесь надо синенького чуток добавить, а то бледно очень... А вот там красненьким махни! Ты рот-то не криви, я дело говорю.

– Синенькие – это баклажаны, – фыркала Вика.– А синий цвет бывает индиго, кобальтовый, ультрамарин... А красного и правда надо добавить, терракоты или имбирного... Или лучше жжёной сиены, ты как думаешь?

– Всё шуточки шутишь, насмешница... Жжёная гиена, это кто ж такое придумал? Красный цвет он и есть красный. Рыжий-красный человек опасный, слыхала такое?

Потеряв терпение, Вика бросала кисть и, обернув к Марье пылающее от гнева лицо, говорила сквозь зубы:

– Да уйдёшь ты когда-нибудь? Ты мне мешаешь. И вообще, ты меня достала!

Марья, с которой они давно перешли на ты, не обижалась. Это её стараниями дед уступил внучке библиотеку. Книжные шкафы перекочевали в гостиную, а комнату отдали Ви-

ке. Книг оказалось неожиданно много, их переносили весь вечер, распределяли по шкафам, переставляли, передвигали, вынимали и ставили снова... Дед вздыхал и ворчал, что потом ничего не найдёшь. Марья забрала себе кресло в стиле ампир и журнальный столик, милостиво оставив Вике стулья, сиротливо стоящие вдоль голых стен. Остап перетащил в бывшую библиотеку Викину кушетку, этажерку и комод. Письменный стол он обещал купить потом.

– Потом – это когда? Когда – потом? – наступала на отца Вика. – А уроки я на коленке делать буду?!

С Остапом разговор короткий, но вдруг у неё получится? Не получилось.

– Уроки будешь делать в нашей комнате. Не злись, дочь. Будет тебе письменный стол, обещаю. А завтра купим торт и отметим твоё новоселье.

В Викиной груди не умещалось счастье: теперь у неё своя, отдельная комната! Мама за четыре года ни разу о комнате не заикнулась, и Вике запретила. Всё получилось благодаря Марье, без неё дед фиг бы уступил Вике библиотеку, а Марья его уболтала. Она это умеет... Вика представила, как Марья «убалтывает» деда, как он ей говорит: «Да понял я, понял. Иди уже... Ты меня достала!» – и счастливо рассмеялась.

Наталья криво улыбнулась и ушла к себе.

Говорят, бог наказывает исполнением желаний. Натальино желание – было исполнено всевышним качественно и в срок: через год Марью свалил ревматоидный артрит (так ей

сказали врачи, а настоящий диагноз был в разы страшнее: костный туберкулёз). В квартире пахло травяными настоями и притираниями, статус помощницы по хозяйству был окончательно предан забвению, и все домашние дела легли на плечи Натальи.

Наталья была уверена, что Марьян артрит – чистой воды притворство. И в глубине души радовалась, что всё так повернулось: в доме она теперь полновластная хозяйка. Работа в архитектурной мастерской, куда её устроил Иван Андреевич, пришлась Наталье по душе, Вика училась в двух школах – общеобразовательной и художественной (её приняли в подготовительный класс), дед души не чаял в единственной внучке, проблема с жильём решена, проблема с Викиным будущим – тоже. Внучку академика примут в Строгановскую Академию на раз-два, с её-то способностями. Напрасно Марья вьётся вокруг девочки вьюном, подавая ей банки с красками, натягивая на подрамник холсты и отмывая кисти. «Ей не три годика, ей нянька не нужна» – неприязненно думала Наталья.

Гражданскую жену отца она возненавидела с первого взгляда.

Впрочем, Марья тоже её не любила, потому что квартиру Иван Андреевич завещал дочери. Не ожидавшая такого, Наталья не знала, чем ему услужить. Стирала, убирала, пекла пироги, варила его любимый украинский борщ, который полагалось есть деревянными ложками из глиняных мисок,

заедаая чесночным пампушками. Отправив в рот последнюю ложку наваристого борща, Иван Андреевич одобрительно кивал головой. Марью он не упрекнул за безделье ни словом.

* * *

Последней каплей Марькиного терпения (или последним забитым в него гвоздём) стал отказ родителей разрешить ей окончить десятилетку. «Читать-считать умеешь, восьмой класс закончишь, и хватит с тебя. В совхозе алгебра с геометрией ни к чему, в жизни не пригодятся» – сказал дочери Семён. Марька с надеждой посмотрела на мать. Настасья отводила глаза и молчала. Значит, согласна с отцом. Значит, десятилетки ей не видать, будет работать в совхозе. Днём в совхозе, вечером на огороде, и так всю жизнь...

Анька маленькая ещё, а подрастёт, и по дому работать заставят, и на огороде – мечтала Марька. Но мечты не сбылись. Аня росла как цветок на подоконнике: милостиво позволяя о себе заботиться и радуя родителей успехами: и рисует она, и танцует, и в классе первая ученица, и красивая стала, ещё краше чем была! После школы у Ани рисовальный кружок, у Марьки прополка огорода; по воскресеньям у Ани танцкласс, у Марьки уборка, и стирка, и огород...

Марька тоже хотела – рисовать. И танцевать хотела научиться, но в изостудию (так именовался школьный кружок) её не приняли по причине отсутствия способностей, а занятия танцами стоили денег, которых на Аньку хватало, а на двоих не хватит.

Восьмой класс она осилила с трудом, аттестат пестрел тройками, поставленными из жалости, не оставляя же девочку на второй год, да и в девятый класс она не собирается. Марьке выдали аттестат и поздравили с окончанием школы. Дома «поздравили» ещё раз, назвав тупицей и бестолочью, и отобрали аттестат, но Марька знала, куда его положили – в коробку из-под зефира в шоколаде, подаренную Настасье Мироном по случаю рождения внучки. Коробка, в которой дома хранились документы, до сих пор слабо пахла шоколадом. Или это ей казалось? Выждав, что называется, момент, Марька змейкой скользнула в родительскую спальню, забрала из коробки школьный аттестат и паспорт и тем же вечером сбежала из дома, прихватив узелок с вещами и найденные в комодке три рубля. Она не воровка, она отдаст, когда заработает. Вышлет почтовым переводом. А домой не вернется.

Ей повезло: до города добралась на попутке, ночь просидела на вокзале, стараясь не спать, чтобы не «покрали» документы и деньги, но всё равно уснула. Утром села в электричку до Рязани, оттуда – тоже электричкой, и тоже без билета – добралась до Москвы, благополучно отпущенная контролёрами: что с девчонки взять? В Москву она приехала голодная, невыспавшаяся и совершенно разбитая.

Городская жизнь оказалась несладкой. На работу Марьку нигде не брали, по причине её несовершеннолетия. «Восемнадцать исполнится, приходи, возмём». А до восемнадцати ждать ещё два года, и как она их проживёт, никого не вол-

новало.

Марька не сдавалась. Разжалобив школьную уборщицу, отмывала школьные длинные коридоры и драила туалеты, получая «зарплату» завтраками и обедами в школьной столовой (ужинов в столовой не было, школьники ужинали дома). Мыла за дворничиху подъезды; зажимая рукой нос и задерживая дыхание, вычищала мусоросборники, до рвоты наглотавшись вони и пыли. Дворничиха подарила Марьке выброшенную кем-то куртку на синтепоне и войлочные сапожки, почти новые. А шапка ей не нужна, у куртки есть капюшон. Платила дворничиха копейки, но их хватало, чтобы не умереть с голоду и как-то жить.

«Как-то жить» помогала мысль, что через два года... нет, уже через полтора – у неё будет постоянная работа и койка в общежитии. А работы в Москве много. Можно на стройку, или на ткацкую фабрику, а лучше всего – на хлебозавод. Весь день можно есть, сколько хочешь, и в цехах от печей тепло, – мечтала Марька, лёжа на широком подоконнике школьной раздевалки, куда её на ночь пускала школьная сторожиха. «Ты тут поглядывай, девка. Если шум какой, аль в окно полезет кто, ты кричи громче, я и прибегу».

Сторожиха, широко зевнув и перекрестив рот, уходила спать в столовую. Там тепло, да в котлах и кастрюлях наверняка что-то осталось, и хлеб остался... Марька заикнулась было, но ей было сказано: «Даже и не думай. Ещё стащишь чего, а мне отвечать». Правда, хлебом сторожиха с ней по-

делилась, принесла аж четыре куска.

Марька жевала медленно, стараясь не сразу глотать, чтобы растянуть удовольствие, но хлеб все равно кончился. Голод отступил, и захотелось спать. Марька плотнее закуталась в куртку и поджала под себя ноги. Из окон немилосердно дуло, а выданное сторожихой байковое одеяло Марька складывала вчетверо и стелила под спину, потому что подоконник был ледяным, на нём сдохнуть можно.

Если бы Марьке сказали, что из всех дней недели москвичи больше всего любят субботу и воскресенье, она бы удивилась: что же тут хорошего, ходишь весь день по городу как неприкаянная и мечтаешь о понедельнике, когда откроется школа и можно будет поесть горячего, и хлеба прихватить пару кусков (больше-то нельзя, больше в кармане не помещается), а подоконник в школьной раздевалке кажется утраченным раем.

С выходными приходилось мириться. Купив на последние деньги сосиску в тесте и сжевав её в один миг, Марька бесцельно бродила по городу. Может, ей посидеть, отдохнуть? Может, тогда у неё не будет кружиться голова? По воле случая, «отдыхать» она устроилась на скамейке у входа в Академию Художеств. Прочитала табличку на дверях и с грустью подумала, что через несколько лет здесь будет учиться Анька, её племянница. А она... Она хотя бы посмотрит, одним глазком, если не выгонят.

Не выгнали. Более того, взяли за локоть, отвели «в сто-

ронку» и, пытливно глядя в глаза, предложили работу. Постоянную. Натурщицей. Трогать её никто не будет, но стоять в неподвижных позах ей придётся подолгу. Голой. Марька сразу поверила, что с ней не шутят, отчаянно замотала головой, залилась краской и попятилась. «Работодатель» пожал плечами и повернулся, чтобы уйти. И тогда Марька, спрятав поглубже гордость, хрипло вымолвила: «А платить сколько будете? Столовка есть у вас? А спать я где буду? Мне за комнату платить нечем...»

Иван Андреевич нашёл её опять-таки по воле случая. И с ходу предложил переехать к нему.

– Ты меня не бойся. Дурного тебе никто не предлагает. Жена у меня больная, ей помощница нужна, лекарство подать, книжку почитать, в комнатах прибраться, поесть приготовить что-нито... – Иван Андреевич улыбнулся и, изменив интонацию, спросил привередливо: «Ты готовить-то умеешь? Или только яичницу жарить?»

Это его «что-нито», сказанное в шутку, растопило Марькино скованное равнодушной усталостью сердце. Оно захлебнулось горячей кровью, забилось испуганно, не разрешая себе надеяться – и всё-таки надеясь, что жизнь, опостылевшая Марьке в её неполных семнадцать лет, хоть как-то изменится... в любую сторону, всё равно в какую, ей уже всё равно.

– Умею... Я с детства к работе привышная, всё умею, и помыть, и прибраться, и книжки читать... – захлебнулась сло-

вами Марька, испугавшись, что этот человек, так ласково с ней говоривший и чем-то похожий на её отца, может, улыбкой, – что вдруг он пошутил и сейчас повернётся и уйдёт... – И яичницу умею жарить, из семнадцати яиц! – мажорно закончила «презентацию» Марька и робко улыбнулась.

Иван Андреевич расхохотался на весь вестибюль. Из Академии они ушли вместе. Марька как маленькая цеплялась за его руку. Иван Андреевич руку не отнимал, бормоча себе под нос: «Сначала в маркет заедем, тебя же одеть надо, и пальто тёплое надо, и пижамку купить... Пижамы-то есть у тебя? Или ты любишь спать в ночной рубашке?» Марька согласно кивала, протестующее мотала головой и снова кивала, отвечая таким образом на вопросы.

Заботливый. Спрашивает, в чем ей удобно спать... Дома никогда не спрашивали. Что есть, в том и спи. А этот... он с ней как Мирон со своей Анькой.

Наверное, бог всё-таки есть, думала Марька, которой всю жизнь не хватало любви. А Ивану Андреевичу всю жизнь не хватало дочери. Они получили, что хотели, эти двое. А Марианна Станиславовна получила сиделку и компаньонку, о которой могла только мечтать. В тот день, еле дождавшись, когда новоиспечённая «лектрисса» примет ванну и уляжется спать, они изучили девчонкины документы. Карманова Марианна Семёновна (Марианна, это надо же...) проживала в селе Большое Замошенское, Верхняя улица, дом пять. Трехлетний аттестат, восемь классов сельской школы и загублен-

ная жизнь...

– Ты правильно сделал, что забрал её оттуда. Девочке у нас будет лучше, чем... совсем одной. И не расспрашивай её ни о чём. Захочет, расскажет сама, а не захочет... Если девочка не захотела жить дома, значит, тому были причины. – сказала мужу Марианна Станиславовна. И добавила с улыбкой: – Теперь у тебя будут две Марианны – Станиславовна и Семёновна.

Знала бы она, чем это всё закончится. Не зря говорят: благими намерениями вымощена дорога в ад.

* * *

Иван Андреевич видел, что с его Марьюшкой творится неладное. С тревогой наблюдал, как перекашивается от боли её лицо, как подрагивают колени при каждом шаге. Марья на все вопросы отмахивалась: «Пройдёт»

Остапу было всё равно. Вика искренне сочувствовала Марьке, как привыкла называть дедушкину жену. Наталье было больно смотреть, как её дочь льнёт к чужой женщине, которая змеёй вползла в их дом. И она не выдержала, сорвалась. При всех назвала Марью актрисой погорелого театра, а её болезнь спектаклем, после чего Иван Андреевич перестал разговаривать с дочерью.

И никто в семье не подозревал, что Марья серьёзно больна.

Туберкулёз костей начинается незаметно, симптомы на ранних стадиях практически отсутствуют. Ощущение тяже-

сти в позвоночнике Марья объясняла издержками профессии: как натурщице ей приходилось подолгу стоять в неподвижных позах, да и мёрзнуть приходилось: Иван Андреевич задыхался без свежего воздуха, и окна в мастерской всегда были распахнуты настежь. Боли в суставах прекращались во время отдыха, апатия ассоциировалась со скукой, а отсутствие аппетита только радовало: сбросит пяток килограммов, ей не повредит. К врачам Марья не обращалась, и болезнь, получив свободу действий, исподволь набирала обороты.

Остап, которому не нравилось, что его жену превратили в домработницу, имел с тестем неприятный разговор. Иван Андреевич говорил с позиции силы: квартира принадлежит ему, значит, и условия ставит он. А не нравится – никто не держит. Через три дня Остап снял квартиру в подмосковном Загорске и поставил жену перед фактом: до работы полтора часа электричкой, зато до дачного участка полчаса автобусом. В новую квартиру (две смежных комнатки и маленькая кухонька, зато недорого) переехали скоропалительно. По выражению Натальи, скоропостижно. Вставать всем троим приходилось в пять утра, но никто, кроме Вики, об этом не жалел. Впервые за последние годы Наталья стала хозяйкой в доме – пусть не в своём, съёмном, но здесь она никому ничего не должна.

С Иваном Андреевичем «общались» через Вику, которая часто оставалась ночевать в квартире на Фрунзенской. Ната-

льях хотела было воспрепятствовать, но Остап запретил: «Девочка встаёт в пять, а рабочий день у неё длиннее нашего: школа, потом художка, школьные домашние задания, да в художке на дом задают... Она завтракает в школе, обедает в школе... Наташ, а ты уверена, что она обедает, а не тратит деньги на орешки и газировку? Домой приезжает уже никакая. И не гуляет, подружек нет, в Москве остались. Да пусть хоть всю неделю там живёт, я не против. Не у чужих людей, у родного деда. Она там хоть выпится, хоть поест нормально, Марька её любит, и ужином накормит, и спать положит... Ничего с твоей донечкой (укр.: доченькой) не случится. Или тебе хочется, чтобы она уставала, из-за твоих амбиций...

Пришлось признать, что муж прав. С Марьей Вика дружит (послал бог подружку, клин бы ей в глотку!). Ничего. Вырастет и поймёт, кто она такая. Проститутка, натурщица, рыба-прилипала!

Наталья работала по-прежнему в архитектурной мастерской (график свободный, два выходных, а полтора часа в электричке можно вязать, очень удобно). По выходным она пекла пироги, отмывала до блеска квартиру, стирала, убирала – и наслаждалась свободой. Впрочем, наслаждаться пришлось недолго: через полгода Марья слегла и с постели вставала только затем, чтобы, охая от боли и цепляясь за стену, дойти до туалета и ванной. А потом перестала вставать.

Болезнь жены подкосила и без того некрепкое здоровье Ивана Андреевича. Вика рассказала родителям, что уби-

раться и готовить к бабушке приходит соседка, бабушка ей платит, а Марья говорит, что она готовит по-столовски и убирается как зря.

После Викиных слов в комнате повисла тяжёлая тишина. Наталье пришлось поступиться собственной гордостью: она приезжала на Фрунзенскую дважды в неделю, ухаживая за отцом, который её по-прежнему не любил, и за «мачехой», которую она ненавидела.

Забегая вперед, скажу, что Викиного деда не стало в том же году. После смерти Ивана Андреевича Наталью ждал сюрприз: квартира оказалась приватизированной и принадлежала Марье, Марианне Семёновне Мацковской, с которой Иван Андреевич втайне от дочери заключил официальный брак и оформил дарственную на квартиру.

Наталья, сцепив зубы, ухаживала за Марьей – а куда денешься? Родных у неё нет, в интернат для инвалидов её отправить – рука не поднимется, ведь Марья по-настоящему любила Натальино отца и не ушла от него даже когда он объявил, что оставит квартиру дочери. И если бы она, Наталья, была поумней, не выставляла колючки и не злила отца, унижая и втоптывая в грязь его Марьку...

Что теперь говорить... Ведь Марья не рассчитывала на квартиру: знала, что у Ивана Андреевича есть родная дочь. Марья любила Натальино отца бескорыстно, просто так, ни за что. Отдать её в интернат умирать? Папа бы такого не одобрил. А сиделку нанять – это ж какие деньги нужны стра-

шенные...

От предложения перебраться в дедушкину квартиру Остап с Викой дружно отказались и жили по-прежнему в Загорске. А Наталья жила на два дома, разрываясь между мужем и дочерью и любовницей отца (называть её женой, и следовательно, официально признать своей мачехой, у Натальи не поворачивался язык).

Вставала, когда за окнами было ещё темно, готовила для больной завтрак, обтирала её влажными горячими полотенцами, в обеденный перерыв бежала домой и кормила Марью обедом, забывая поесть сама; вечером ритуал повторялся. Слава богу, что хоть судно не приходилось выносить: был куплен домашний биотуалет, на который Марья ловко перебиралась с кровати с помощью ходунков.

Дома, в Загорске, Наталья бывала наездами. Садовый участок целиком лёг на плечи Остапа. Тринадцатилетняя Вика работала на участке наравне с отцом, еле успевая приготовить школьные уроки и домашние задания в художке. На родительском собрании Наталья краснела от стыда.

«Девочка не справляется с программой. Ей бы на дополнительные занятия походить, после уроков. А она не хочет. Отказывается. Вы бы поговорили с ней, – сказали Наталье. – Вы не думайте, мы с отстающими бесплатно занимаемся». Наталья молча кивала, соглашаясь. Не могла же она сказать, что Вика не справляется из-за того, что ей просто некогда: в школу она ездит на электричке, а в выходные работает с

отцом на участке. Впрочем, работает с удовольствием, думала Наталья. Да художка эта... Столько времени отнимает!

Не такую профессию она хотела для дочери. Художник – это несерьёзно, это так, баловство. Чтобы продать картины, нужна непременно выставка, а это затраты, и немалые. Деньги потратишь, картины выставишь – а никто не купит ни одной. Как тогда жить? Нищенствовать? Такой судьбы она дочери не желает. А двойки чтобы исправила, все! Останешься на второй год, не будет тогда никакой школы искусств и никакого рисования. Картинками сыт не будешь.

Вика не возражала и не оправдывалась, а когда мать выдохлась и замолчала, ушла к себе. Викиных слёз никто не видел. Она поскучилась, похудела, избегала разговоров. Наталья трогала дочкин лоб – не заболела ли. Но вскоре в Викиных глазах загорелись прежние огоньки: преподаватель в художке сказал, что в классе она самая талантливая, что поступить в Академию ей не составит труда, и что он сам подготовит её к вступительным экзаменам. Преподаватель не сомневался, что Викины родители не останутся в долгу и щедро оплатят индивидуальные занятия, Вика не сомневалась, что теперь уж точно поступит в Академию Художеств, и оба верили в невозможное.

* * *

Участок, на котором трудились двое, кормил четверых. Остап потихоньку гордился дочкой и беспокоился лишь об одном: денег на репетитора по рисунку нет и не будет, так

что готовиться к поступлению в Академию Вике придётся самостоятельно. Сумеет ли она...

Марьи не стало через год. Бесприютное сиротство, за которое её жалела и терпела Наталья, оказались бессовестным враньём: у Марьи обнаружилась многочисленная родня – родители, братья, племянники... Вот интересно, где они были раньше? Завещание Марья не написала, хотя собиралась, а Наталья стеснялась настаивать. Да и зачем? Это квартира Натальиных родителей, а значит, их с Остапом и больше ничья, других наследников нет.

Наследники не заставили себя ждать и потребовали освободить квартиру. Судебный иск, на который Остап с Натальей потратили последние деньги, не дал результатов.

Экзамены в Академию Вике пришлось сдавать без дедушкиной поддержки, без предварительной подготовки и без занятий с репетитором, на которого не было денег. Результат был ожидаемым: в списках поступивших её не оказалось.

Глава 6. Недолго думая...

Остап Пилипенко, потомственный казак, всю жизнь работавший на земле, в одночасье стал горожанином. Но станица не отпускала, виделась во сне, бередила душу воспоминаниями. И в 1994 году, измаявшись от тоски по прошлому, которое – иссякло, ушло, как уходит в песок обмелевший ручей, не ставший рекой, – Остап Пилипенко купил земельный участок в СНТ «Красная Калина» (байку о кредите, на погашение которого ушли деньги от продажи дома на Кубани, он придумал для тестя). Тринадцатилетняя Вика восторженно захлопала в ладоши – она будет писать пейзажи на пленэре, то есть под открытым небом, в природной воздушной и световой среде! Она напишет их много, целую серию! Наталья неприметно улыбнулась: Остап жить не может без земли, будет где душу отвести.

«Отводить душу» пришлось на заросших осинником четырёх с половиной сотках, в низинке за «пожарным» прудом. Земля была плохая, глинистая, песок пришлось купить, две машины, а торф возили из леса на самодельной тележке, в которой умещались четыре ведра. Осинник корчевали всей семьёй, комли обкладывали хворостом и сжигали, а золой удобряли посадки.

«Целинные земли» Остап осваивал вдвоём с дочерью. Пилил, строгал, красил, прибывал, выкопал вокруг участка ка-

наву, в которую они с Викой, натаскав торфа из ближнего болотца, посадили живую изгородь из кустов шиповника. Вика поливала из лейки грядки с клубникой и зеленью, прибиралась в доме, варила на костре украинский кулеш из пшена, картошки и лука, сдобренный свинными шкварками, стирала в корыте пропахшие костровым дымом майки, футболки и шорты, полоскала в пожарном пруду и развешивала на веревке. Управившись с делами, выносила из дома велосипед и исчезала.

Вика успевала всё. В школе искусств, где она постигала профессиональные тонкости рисунка, живописи, композиции, станковой композиции и скульптуры, девочке прочили блестящее будущее художника-пейзажиста. Это была Викина мечта, и всё свободное время она посвящала рисованию.

Соседи – ближние и дальние – с удивлением наблюдали, как преобразается в умелых руках Остапа заброшенный участок. – «Ты погляди, красота какая! И дорожки у них песком посыпаны, и гладиолусы цветут, и плетистые розы, и пруд с рыбками! Вот уж действительно, не покладая рук... И дочку не пожалел, как лошадку в работу запряг» – судачили соседи.

Остап усмехнулся в усы и поставил вокруг участка глухой дощатый забор. Забор длинный, а участок с гулькин нос: три грядки с клубникой, две с зеленью, вдоль забора кусты смородины и крыжовника, две яблоньки-антоновки и владимирская вишня. Работников двое, а едоков пятеро, да кре-

дит возвращать за квартиру... Без огорода им не прожить. За участок деньги отдали немалые, да строителям, да за шпалы, да за черепицу... Мебель – комод, этажерку, стол и две скамейки – Остап смастерил из сосновых досок, купленных по случаю; вместо кроватей были куплены раскладушки, и всё это стоило денег, а с деньгами беда.

* * *

С того дня, как они перебрались на съёмную квартиру, Наталья жила на два дома. Приезжала к отцу каждую пятницу, после работы, и оставалась ночевать. Стирала, убирала, таскала из супермаркета сумки с продуктами, варила мясной бульон на неделю, лепила котлеты... Благодарности от отца не дождёшься, но и бросить его на произвол судьбы, с тяжело больной женой, она не могла. Переделав всю домашнюю работу, без сил опускалась на диван. В воскресенье надо поехать на дачу, там работы непочатый край, Остап с Викторией с утра до вечера на огороде, им поесть приготовить надо, постирать надо, дневник дочкин проверить – не нахватала ли двоек...

Иван Андреевич слушал дочь, кивал, вздыхал, но денег не давал ни копейки. «За женой уход нужен, да лекарства дорогие, да медсестре платим за догляд. Сами как-то перебиваемся, то квасок с лучком хлебаем, то лучок с кваском» – вздыхал Иван Андреевич (из какой это книжки, он не помнил, Марька притащила из библиотеки, и цитата пришлась кстати). Марька выходила её проводить, цепляясь за стены и

морщась от боли. Совала пакет с отбивными, которыми они с Иваном Андреевичем «перебивались с лучком», и кулёчек Викиных любимых «Мишек» (и откуда она знает, что – любимые?)

Наталья забирала пакеты, молчала и злилась. Марью отец жалеет, а о внучке и думать забыл. А её одевать-обувать надо, пальто тёплое купить надо, сапожки зимние. Всю зиму в кроссовках пробегала, московские зимы – не кубанские, без меховых сапожек пропадёшь, без ног останешься. Да за художку надо платить: краски, рамки, кисти, холсты... и всё денег стоит, разоришься. Картошку бы посадить, как – без картошки? Да где ж её садить на четырёх сотках...

Недолго думая, Остап раскорчевал на «ничейной» полосе длинную ленту земли, скрытую от чужих глаз за черёмухами, и посадил пять вёдер картошки. Осенью соберут пять мешков, и можно жить, с голоду не помрём, и на пальто дочке хватит, и на сапоги. Главное, дочку вырастить, человеком чтоб стала. В Академию живописи поступать – репетитор нужен, опять же, деньги уйдут немалые, сокрушался Остап. А про себя уже решил: осенью картошку продадим, да смородину, да яблоки, да вишню. И наймём репетитора. Ничего, выдюжим, главное – дочку выучить.

О том, что в Строгановку без Художественного училища поступить, мягко говоря, проблематично, Остап не знал, да и откуда он мог это знать? Вика заикнулась было об училище, но ей было сказано: «Закончи сначала школу, а там погля-

дим. Наймём репетитора и поступишь сразу в Академию». Наталья была согласна с мужем: или училище, или академия. – «Это сколько же лет ты учиться собираешься? Нам за квартиру хозяйке платить, да за участок целевые взносы немалые. Мы с отцом не железные. Нет, мы не против, учишься на дневном, только выбери что-то одно.

Вика выбрала Академию.

Иван Андреевич мог бы её разубедить, объяснить, что поступить в Академию без Художественного училища под силу только гению, да и то... Но болезнь жены ввергла его в депрессию, а после выходки Остапа с переездом в Загорск Мацковский виделся с внучкой от случая к случаю.

Остап с Натальей не позволяли себе баловать единственную дочь. Вика росла самостоятельной и к тринадцати годам унаследовала отцовскую деловую хватку и жёсткий прагматизм своей матери. Она принимала как должное возложенные на неё обязанности и права, которых, к слову, у девочки было – более чем. Родители ей полностью доверяли, со спокойным сердцем отпуская на дальние велосипедные прогулки, не упрекали за позднее возвращение: во сколько бы девочка ни вернулась домой, как бы поздно ни легла, она встанет вовремя.

В детскую школу искусств её приняли безоговорочно. Викины натюрморты, в которых аквамариновый цвет сочетался с сочно-сиреневым (фоном служил тёмно-зелёный), розовый – с лимонно-жёлтым (фон бледно-фиолетовый), а салат-

но-зелёный с густо-горчичным (фон сочно-бордовый) – Викины необыкновенные натюрморты поражали педагогов, по-
видавших на своём веку многих талантливых учеников. Девочка не только «видит» цвет, она его чувствует. И заполняет
цветом пространство, создавая живую, дышащую цветовую гамму. Ей бы пейзажи писать, а она о реставрации мечтает.
Загубит талант.

Вика, однако, так не считала и собиралась поступать в Академию живописи имени Строганова, на кафедру реставрации. Репетитора отец ей обещал, но поставил условие: летние каникулы она проведёт на участке. Вика согласилась не раздумывая: раз в неделю выполоть сорняки и разрыхлить яблоневого и вишневого приствольные круги – невеликий труд, с клубникой она тоже справится, а картошку можно не окучивать, вырастет и так. Нет, пожалуй, один раз всё-таки надо окучить. Вернутся с Байкала родители, и скажут, что ей ничего нельзя доверить.

Вы спросите, почему она с такой лёгкостью согласилась работать в каникулы, когда другие отдыхают, и даже Викины родители на целый месяц укатили на Байкал (отцу путёвку дали на работе, за полщены, вот они и поехали). – Потому что вырученные от продажи ягод и картошки деньги отец обещал Вике – все до копейки, на репетитора. И тогда она поступит в Академию. И сбудется её мечта. А Байкал – никуда не денется, Байкал у неё впереди. Сначала Строгановка, потом Байкал.

Вика знала, что байку о профкомовских дешёвых путёвках Остап придумал для жены: у Натальи от переживаний и работы на износ началась нервная депрессия. Байкал был для неё не отдыхом, а скорее, лекарством. Наталья не горела желанием ехать и боялась за дочь, которая не сможет как следует отдохнуть перед последним учебным годом и выпускными экзаменами. Остап, в свою очередь, опасался за здоровье жены, которой врач настоятельно рекомендовал санаторий. Призвав на помощь дочь, он уговорил-таки Наталью. Точнее, уговорила Вика, безапелляционно заявив матери, что месяц без родителей будет для неё праздником, с огородом она справится шутя, вода рядом, целый пруд, а в магазин она будет ездить на велосипеде.

Вика страшно гордилась собой: не каждую девочку в пятнадцать лет оставят одну на целый месяц, не каждой доверят дачный участок, это взрослая ответственность. И доверие – тоже взрослое. Она ни за что не признается родителям, что крутится как белка в колесе, устаёт, а на велосипеде катается раз в неделю, позволяя себе честно заработанный выходной. За продуктами приходилось ездить в посёлок, поскольку магазина в «Красной калине» не было даже в проекте. Продуктов в поселковом магазине тоже не было, если не считать рыбные консервы, муку и крупу. Консервы Вика на дух не переносила, мука ей тоже ни к чему, а из крупы можно сварить кулеш. Вика добавляла в кулеш щепотку соли, луковку и ложку-другую растительного масла, и получалось вкусно,

особенно если ты целый день не разгибала спины.

Вика не представляла, сколько стоят занятия с репетитором. И всерьёз верила, что денег от проданной картошки и яблок ей вполне хватит. Деньги, оставленные родителями на продукты, она тратила предельно экономно, отложив большую часть на вожделенного репетитора. Родителям об этом знать не полагалось. Как и о том, что картошку она не окучивала, потому что легче умереть, чем окучить три длинные-предлинные грядки. Вика легкомысленно прошлась по картошке тяпкой, порубив лебеду и сурепку, которая нагло вылезла там, где её не просили. И сочла проделанную работу достаточной.

И теперь с ужасом смотрела на незнакомых девчонок, держащих за концы мешок с картошкой, которая уже никогда не вырастет. А значит, репетитора не будет, и в Академию ей придётся готовиться самостоятельно. От этой мысли в животе у Вики стало холодно, словно она проглотила кусок льда.

* * *

Услышав о плеере и о картошке, Эмилия Францевна сорвала с себя фартук, крепко взяла внучку за руку и не слушая её «Не пойду, не хочу!» потащила на место преступления. До участка Пилипенко от них четыре улицы, так что зрителей набралось достаточно. Всю дорогу Эмилия Францевна не замолкала, гневно восклицая: «Среди бела дня ограбили! Es ist empörend!, Es ist unerhört! (немецк.: Это возмутительно! Это неслыханно!).

– Нет, вы посмотрите на них! Кого они вырастили, Пилипенки эти? Воровку малолетнюю! Das ist Mist! Der kleine Schlampe! (немецк.: Вот дрянь! Маленькая свинья!) По ней колония плачет! Гнать их из «Калины» в три шеи...

С наглой хозяйкой «треугольника» она разберётся, будьте уверены. Девчонке не поздоровится. Будет прощения просить за отнятый плеер, на коленях, перед всеми. «Schaiss... (грубое ругательство). Eine faule Sache»(нем.: дело дрянь).

Привлеченные криками, калиновцы оставляли свои дела и спешили к калиткам... К Пилипенковскому «треугольнику» Эмилия Францевна пришла с «группой поддержки» из восьми человек. Громко забарабанила в калитку, которая (вот же наглая девка!) оказалась запертой.

– Не отдашь плеер, сама войду и возьму, а ты калитку новую ставить будешь!

– А вы стёкла будете вставлять. Новые. Тронете калитку, я вам окна побью, все! – Вика вышла из дома, демонстративно поигрывая рогаткой.

– О как! Все видели? Все слышали? – распалая себя Эмилия Францевна. И с удовлетворением разглядела на Викиных щеках блестящие дорожки слёз.

– Что плачешь? Боишься? Не трону я тебя, и калитку твою не трону. Чермен в пятницу приедет, сам с тобой разберётся.

– Со мной родители разберутся... Приедут, а картошка вся выкопана, – всхлипнула Вика.

Зрители восторженно внимали – поглощая, впитывая,

вбирая в себя до капли чужое горе, чужое отчаяние и слёзы...

Роза стояла, закрыв ладонями лицо и не отвечая на участливые вопросы калиновцев.

Эмилия Францевна сменила тактику и перешла к мирным переговорам.

– Наша-то Роза твою картошку не копала, в сторонке стояла. Нашу-то – за что обидела? Ей плеер этот отец три года обещал, условие поставил: круглые пятерки по всем предметам, и чтоб четверки ни одной. Девка как проклятая над уроками сидела, подружки гуляют, а она сидит, зубрит. В том году одна четверка была, одна всего, по рисованию! А он упёрся и ни в какую. Девчонка слезами умывалась, а отец всё одно – не купил. А в этот год из кожи вылезла, круглая отличница, и по английскому, и по французскому, и по физкультуре... Так что игрушка эта ей не за так досталась. Она его всю неделю из рук не выпускала, плеер этот, даже спать ложилась с ним. А ты отобрала. Чермен в субботу приедет, спросит – где плеер. Что она ему скажет? Теперь не знаю, что будет, – вздохнула Эмилия Францевна, и по толпе собравшихся эхом прокатился вздох.

Вика, однако, на жалость не повелась.

– Она не копала, – подтвердила Вика, и Эмилия Францевна обрадованно закивала: «Ну вот. Я же говорила, наша Роза никогда не возьмёт чужого, другое воспитание. Я же говорила, она не копала!»

– Так я и говорю, другие копали, а ваша «воспитанная» на шухере стояла, – с презрительной усмешкой продолжила Вика. – А плеер не отдам, пока они мне за картошку не отработают. Мы с каждой грядки осенью по два мешка собирали, а они две грядки выкопали, остальное вытоптали. Так что шесть мешков нам должны. Думаете, мне родители спасибо скажут, когда огород увидят? – не сдавалась Вика.

– Хулиганка! Воровка! – сорванным голосом выкрикнула Эмилия Францевна.

– Это мы ещё посмотрим, кто воровка. Через месяц папа с мамой приедут, они вам устроят. Мы на вас в суд подадим за воровство. Сначала на товарищеском суде всё расскажем, правление соберём. Потом в горсуд заявление напишем, с приложением протокола собрания, – спокойно сказала Вика, и от её спокойной уверенности Эмилии Францевне стало нехорошо. Она представила реакцию зятя («Я вам ребенка доверил, а вы и не знаете, чем она здесь занимается. На всё СНТ опозорили, скандал устроили, не хватило ума помолчать...») – и медленно осела на землю.

Вика демонстративно заперла калитку и ушла в дом. И только за дверью позволила себе слёзы: выкопанную картошку ей не простят, не будет картошки – не будет и денег на репетитора по рисунку. Плеер так или иначе придется вернуть, а без репетитора об Академии живописи можно забыть. Вика опустила на корточки, привалилась спиной к двери и заплакала.

* * *

«Ба, ты чего? Вставай! Она все равно плеер не отдаст. Ты не бойся, тебе ничего не будет, я папе скажу, что на озеро без твоего разрешения ушла, я одна виновата, а ты ни при чём» – сказала Роза бабушке. Эмилия Францевна тяжело поднялась, отряхнула от пыли юбку и поплелась домой. Все собравшиеся молчали, потрясенные словами девочки. Эмилия Францевна побаивалась зятя, который не позволял ей наказывать внучку за проступки и делать ей замечания. Впрочем, кормить девочку сладостями и разрешать ей валяться в постели до полудня зять тоже не позволял. Жаловаться Инге не имело смысла, и Эмилия отводила душу в разговорах с соседкой по участку.

– Я ему нужна как нянька, пока дочка не вырастет. А как вырастет, тут он меня и турнёт, и Инга моя не заступится. Молчит и в рот ему смотрит, что он скажет, – жаловалась Эмилия Францевна соседке, с которой они частенько чаёвничали, перемывая косточки калиновцам. Забывшись, она «переводила рельсы» на дочь, которую Чермен, по её словам, избаловал донельзя:

– Инге моей ни в чем отказу нет, муж хоть бы раз прикрикнул, ногой бы топнул, совсем совесть потеряла: и то хочу, и это. А Чермен и рад стараться, то ей шубу новую, то круиз Средиземный, – подперев рукой щеку, рассказывала Эмилия, забыв, что минуту назад поносила зятя и упрекала его в скупости и домострое. – Я-то её в строгости воспитываю.

вала, воли не давала. А теперь ей слова не скажи, у неё теперь муж есть, ей мать не указ. Жёну разбаловал, а дочку в ежовых рукавицах держит, уж как она плеер этот просила, как просила, а он ни в какую. Три года обещаниями кормил, говорил, только за круглые пятерки, а круглых-то не получается у нас. Девчонка вся извелась, а он улыбается, ему – что...

Стараниями Эмилии Францевны мнение калиновцев о Чермене было сформировано неслабое: черкес он и есть черкес. Злой как собака. А плеер дорогой, Чермен его из самой Японии привёз. Страшно подумать, что он с дочкой сотворит...

Глава 7. Чермен Бариноков

Черкес по отцу, татарин по матери, Чермен потерял родителей, когда ему исполнилось двенадцать. Мальчика забрал к себе дядя по материнской линии и воспитывал вместе со своим сыном, ни в чём не делая меж ними различий. Дети, рождённые в смешанных браках, у татар считаются своими. Стал своим и Чермен, который так и не смог привыкнуть к татарским обычаям и образу жизни, но смог оценить дядину заботу о нём, хотя в свои двенадцать лет не считал себя ребенком: Чермен был маленьким мужчиной, воспитанный отцом в традициях карачаевских черкесов.

Здесь пора уже сказать, что Алихан, дядя Чермена, был мэром Ферганы, среднеазиатского города с населением триста сорок тысяч человек. Впрочем, мэром он стал, когда Чермену исполнилось четырнадцать. А через три года Алихана застрелили на пороге мэрии.

Остаться в городе было нельзя, Чермен с Гасаном кожей чувствовали опасность. Тем более, что Алихан успел переписать на двадцатидвухлетнего сына всё что имел, а имел он немало. За три года Алихан продал добрую половину городской собственности, другую половину выгодно сдал в долгосрочную аренду, и деньги лились рекой, оседая на счетах, открытых Алиханом на сына.

Посоветовавшись, братья решили уехать в Самарканд – в

городе с трехмиллионным населением легко исчезнуть, там их уж точно не найдут.

Но их нашли гораздо раньше. В Гасана стреляли на вокзале, когда они ожидали посадки на самаркандский поезд. Он выжил благодаря случайности: в момент выстрела у «мерседеса», которого неосмотрительно коснулся плечом неудачливый снайпер, сработала сигнализация. Громко взвыла сирена, у стрелявшего дрогнула рука, и пуля, метившая в сердце, попала Гасану в плечо.

Семнадцатилетний Чермен, месяц назад переживший смерть приёмного отца, с ужасом смотрел на странно спокойное лицо брата, который лежал, прикрыв глаза, словно устал и прилёг отдохнуть на горячие от солнца тротуарные плиты. Такое же лицо было у Алихана, когда он лежал в гробу – спокойный, безмятежный, словно отдыхал после успешно проделанной работы. И такие же глаза – прикрытые угольно-черными ресницами, которые, казалось, подрагивали, словно невесомые крылья бабочки.

В этот день Чермен постарел на десять лет, на виске появилась седая прядь. Приехавшая бригада врачей была удивлена, когда выяснилось, что операцию им придется делать в машине «скорой помощи», по дороге в аэропорт. К счастью, пуля прошла навывлет, под ключицей, не задев кость, и требовалось лишь прочистить рану и наложить повязку. Ранение было опасным, Гасан потерял много крови, а на переливание не было времени: попытку могли повторить.

Врачи сделали что могли. Через два часа щедро оплаченный Черменом спортивный самолёт поднялся в небо, держа курс на Казань. От Самарканда пришлось отказаться: те, кто вычислил их на вокзале, наверняка знали, куда они направляются.

На этом неприятности, если их можно так назвать, кончились. После лечения в частном закрытом госпитале Гасан купил дом в элитном поселке с великолепным видом на Волгу, женился на дочери главы Судебного департамента республики Татарстан и поступил в Казанский филиал Всероссийского государственного института юстиции (РПА Минюста России) на юридический факультет. И судя по всему, чувствовал себя в Казани как дома.

Чермен пожил какое-то время у Гасана, но в Казани не остался, и в Университет поступать не стал. Поделив деньги Алихана, братья расстались. Семнадцатилетний Чермен понимал, что ему не досталось и четверти украденных Алиханом из ферганской казны денег, но спорить с законным наследником не стал, молча сунул в нагрудный карман подаренную Алиханом банковскую карту и на прощанье крепко обнял брата. Из всей родни у него остался только Гасан.

Отслужив два года в армии и получив профессию связиста, Чермен остался в Кинешме, куда его забросила судьба. И удивляясь самому себе, женился на Инге Грандберг, поволжской немке, с которой познакомился случайно – увидел и застыл как вкопанный, замороженный взглядом серых как

ноябрьское небо глаз. Глаза просили, умоляли, и Чермену казалось, что он слышит молчаливое признание в любви. Девушка смотрела на него, как он сам на неё смотрел: не в силах отвести взгляда. Потом они оба смеялись, вспоминая эту встречу, и как они устали друг на друга и думали об одном и том же: вот сейчас он (она) уйдёт, и как тогда жить – без него (без неё)?

Инга с матерью обитали в обветшалом от времени домишке, который был их частной собственностью. К дому примыкал крохотный садик с яблонями и вишнями. Посыпанная песком дорожка, окаймлённая солнечно-желтыми настурциями и синими васильками, вела к теплице, сверкавшей чистыми стёклами. Капустные грядки радовали глаз крепкими кочанами, под ореховым кустом блестела свежим лаком деревянная скамейка. Всё здесь было вычищено, выметено и заботливо ухожено, с чисто немецкой аккуратностью. Жили Грандберги в относительном достатке (с точки зрения Чермена – в относительной бедности). В теплице зеленели огурцы, в сарайчике хрюкал поросенок, по двору расхаживали пестрые куры, рылись в тёплой пыли, и заполошно кричали, оповещая хозяек о снесенном яйце.

Чермен поставил новое крыльцо, починил сарай, сложил во дворе тандыр, замешивая глину с мелко резаной соломой и обмазывая ею кирпичи с ловкостью профессионала. Он умел всё, и Эмилия Францевна благодарила Пречистую Деву за зятя, который заменил в их доме хозяина, умершего про-

шлой зимой.

Когда Чермен заговорил с женой об отъезде, она смотрела в сторону, отводя глаза, и молчала. Оставить мать она не сможет. Расстаться с Черменом... Будет невыносимо, невозможно тяжело, но ей придётся это сделать: своих решений муж не менял, и Инга об этом знала. Им придётся расстаться. Вот только ребенок... Сказать или не сказать, промолчать? Инга решила не говорить мужу о беременности: так ему спокойнее будет, пусть едет, пусть будет счастлив. Эмилия Францевна видела терзания дочери и настойчиво убеждала её, что она справится, не старая ещё, проживет и одна, а Инга с мужем будут приезжать каждый год, в отпуск. Но об отпуске у Чермена были другие понятия, и Инга об этом знала.

Поэтому сказала мужу, что никуда с ним не поедет, ни в чем его не упрекает и если ему так надо – то пусть едет. «Разведёмся и дело с концом» – не сдержавшись, брякнула Инга. И встретила удивлённый взгляд, который сменила откровенная усмешка. – «О разводе даже не мечтай» – был ответ.

Чермен давно всё решил, он всё и всегда решал сам. Инга с матерью вытаращили глаза, когда узнали, что поросенка и кур им придется продать, и дом тоже. С покупателем Чермен уже договорился. В Москву они поедут всей семьёй, вместе с Эмилией Францевной, оставляя её одну в Кинешме Чермен не собирался. Инга ждала ребенка, Чермен об этом знал (каким-то непостижимым образом он знал всё и всегда), и

медлить было нельзя.

– Да как же это можно, всё здесь бросить и уехать? А ты подумал, где мы жить будем, за домик наш много не дадут, на московскую квартиру не хватит, это даже смешно, – обрела наконец дар речи Эмилия Францевна. Говорила, прокатывая слова между губ дробно рассыпающимся говорком, а сама уже верила, уже знала: и денег хватит, и квартира у них будет, а главное – она не останется здесь одна, она бы просто умерла – одна. Её двадцатилетний зять оказался умнее, чем она думала. И решил взять её с собой, хотя зачем она ему нужна – тёща есть тёща. Эмилия не понимала одного: Чермену не хватало матери, все эти годы не хватало, и сам того не сознавая, он тянулся к тёще, которая никогда не встревала в их с Ингой размолвки и не принимала сторону дочери, мудро держа нейтралитет. Зятя она звала сыном, и бросить её, оставить одну – он не мог. Это было бы недостойно мужчины.

В Москву Чермен решил перебраться, когда на банковскую карточку, подаренную ему Гасаном, стали приходиться крупные суммы: «раскрутившись» в Казани, Гасан не забыл о брате и честно делился прибылью.

Чермен оказался под стать своему дяде – умелым и оборотистым. На деньги, вырученные от продажи дома, в Москве сняли квартиру, с которой через полгода съехали – Чермен устроил тёщу в ЖЭК, где она только числилась, а работал кто-то другой (Эмилия не спрашивала, кто. Зять не любил

вопросов).

Втроем они перебрались в служебную квартиру на первом этаже, с паркетными полами, которые Чермен застелил коврами, разбросав по ним красиво расшитые подушки. Инга светилась от счастья, Эмилия Францевна была благодарна зятю за дочь, пекла его любимые пироги с брынзой и вязала «приданое» для будущей внучки. Инга поступила на курсы дизайна интерьера и ходила, по определению Чермена, «сильно гордая», заявив мужу, что по окончании курсов он своей квартиры не узнает. – «Ты сначала ребенка роди, интерьером после займёшься» – улыбнулся Чермен.

Летом к ним приехал Гасан. Поздравил двоюродного брата с рождением дочери, завалил дорогими подарками Ингу с матерью, и подключив свои связи, устроил Чермена на работу, о которой Инга молчала, а Эмилия Францевна не спрашивала. В сказку про телефонный узел, где зять, получив в армии специальность связиста, «ставил телефоны», Эмилия Францевна не поверила.

О том, в каком ведомстве работал Чермен, на дачах никто не знал. Эмилия Францевна жила на даче с весны до осени и от души радовалась, когда к ней заглядывали соседки. Накрывала на террасе чайный стол и вела неспешные разговоры об огурцах, которые не растут и чахнут, и она поливает их водой, разведенной молоком. О вишенье, которого в этом году уродилось много, а внучка любит вишневый компот. О соседских девчонках, которые «цельный день без толку бол-

таются и вконец распустились».

– Каникулы у них, заняться нечем, вот и распустились.

– Нашей-то родители распускаться не дают, нашей мать заниматься велит, два часа каждый день: английский, французский, математика и русский. Да гимнастика утром и вечером, да хеквандо это треклятое, смотреть страшно, что она с собой вытворяет. Одним словом, при деле девчонка. И с подружками поиграть успевает, и бабушке помочь, и в пальцах вышивать умеет. И в бочку залазит поливальную, а вода-то ледяная, из скважины. Она закалённая у нас, не простужается. Ещё танцами занимается, они её возят после школы в студию, – хвасталась Эмилия Францевна, умудряясь проговорить весь вечер и ни словом не обмолвиться о зяте и о дочери.

«Хитрожолая» – определили калиновцы. Они работали в одном проектном институте и знали друг о друге всё. Ну, или почти всё. И теперь изнемогали от любопытства и строили догадки и предположения о Чермене, неведомо как оказавшемся членом СНТ «Красная калина». Участок ему якобы подарил брат, Николай Садеков.

– Никакие они не братья! Николай у нас десять лет работает, о брате ни словом не обмолвился – шептались калиновцы. – Татары народ дружный, это всем известно, но такие подарки не дарят даже братьям. Продал Николай участок, ясно как день. И дом продал. Для кого строил – махину такую? Кирпич фигурный, крыша ломаная, подвал бетонный, гро-

мадный. Денежки выгодно вложил и продал.

– Ну, продал, так что? Участок Садеков получил по праву, десять лет проработал. А что продал, это его личное дело. Хотя некрасиво, конечно. Мог бы своим уступить, сотрудни-кам.

– А он «своему» и продал! Свояк свояка видит издалека.

* * *

Чермен приехал в пятницу вечером. Молча выслушал сбивчивый рассказ Эмилии, молча обнял зарёванную дочь и не сказав ни слова ушёл к Пилипенкам. Вернулся мрач-нее тучи. Не позволив себе эмоции, скомандовал дочери: «Спать. Утром мы поговорим, и ты мне всё расскажешь. А сейчас тебе пора спать, смотри, у тебя глазки закрываются, спать хотят...» – Чермен поцеловал Розу в заплаканные гла-за, сгрёб её в охапку, как маленькую, и понёс наверх...

Утром у Чермена был тяжёлый разговор с дочерью. Роза плакала и повторяла, что она не виновата. Но Чермен был непреклонен.

– Умей отвечать за свои поступки. Тебе не нужно оправ-дываться, я тебе верю. Моя дочь никогда не возьмёт чужого. Но ты ведь не ушла, ты осталась и смотрела. Значит, одоб-ряла.

– Папа!! Я не одобряла, я им говорила, что так нельзя, а они все равно!..

– Говори спокойно, не кричи. Я тебе верю. Но вы там были вместе, значит, и отвечать будете вместе. То, чем занимались

твои подруги, называется воровством.

– Папа! Они не воровали, они хорошие! Они просто не знали!

– Верю, что – не знали. И что хорошие – верю. Но они твои друзья. А разве друзей бросают в беде? Ничего, дочка. Поработаешь. От тебя не убудет.

* * *

Семья Баринковых в полном составе сидела за столом. Роза с опухшими от слёз глазами примостилась на отцовских коленях, держась за его шею и время от времени всхлипывая. Калиновцы не ошиблись: Чермен был зол как дьявол, сверкал на тещу злыми глазами, то разжимая, то сжимая пудовый кулак левой руки (правой он обнимал дочь).

Вцепилась в отца, не оттащишь. Чермен с ней строг, ни в чём спуску не даёт, а она его ждёт всю неделю, как приедет – аж светится вся. Заколдовал он её, что ли... Эмилия Францевна злилась, но молчала. Чермен гладил дочь по волосам, но не утешал. И к возмущению жены и тещи, встал на сторону «противника». Роза совершила дурной поступок. Плачет – значит, так и должно быть.

Ингу бесило, что девочка льнула к отцу, которого явно любила больше, чем её. Роза всхлипывала, то успокаиваясь, то опять начиная рыдать. Раздражало Ингу и то, что муж не позволил ей утешать дочь, и сам не утешал, только сунул ей салфетку, в которую Роза судорожно сморкалась.

На этом сочувствие было исчерпано. Чермен, которому

Роза честно рассказала обо всём, оправдывал Вику и осуждал дочь, которая сидела у него на коленях и не делала попыток уйти. Чермен обнимал её одной рукой, а другой постукивал по столешнице, словно молотком вколачивая слова. От слёз Роза начала икать, и Чермен налил ей воды – полстакана. Поднёс к губам и велел выпить не отрываясь. Роза послушно пила воду, постукивая о края зубами. Икать она перестала, способ оказался действенным.

– Всё выпила? Молодец, – констатировал Чермен, отбирая у неё стакан. —Теперь подыши, как паровозик. (Роза старательно дышала, глядя отцу в лицо и шумно втягивая в себя воздух). Вот и всё, и больше не будешь икать.

Проявил заботу, водой напоил. Мог бы компоту налить, её любимого, вишнёвого, – мысленно возмутилась Инга, гневно сверкнув глазами на мужа. Чермен сделал вид, что не заметил этого взгляда. И усмехнулся про себя: как же сильно она его любит, если ревнует к собственной дочери...

Инга с матерью так и не узнали, о чём он говорил с Викторией Пилипенко.

Глава 8. Разговор по душам

Калитка «треугольника» оказалась запертой. На стук вышла девочка лет пятнадцати, со взрослыми глазами на полудетском лице. Глаза были заплаканные.

– Верни что взяла, – негромко сказал Чермен. – Это не игрушка, дорогая вещь. Так нельзя.

– А картошку нашу воровать можно? – Девчонка упёрлась руками в бока. – Я в Загорск уехала, за продуктами, а они пол-огорода выкопали! (О том, что в Загорск она ездила на велосипеде, экономя деньги на автобус, и теперь корила себя – автобусом приехала бы раньше, и они бы не успели столько выкопать, – Вика говорить не стала).

– Так они же вернули.

– Вернули... Она бы выросла, и было бы в пять раз больше. Что я теперь родителям скажу? Они в августе приедут, что я им скажу? – повторяла Вика, судорожно стискивая пальцы, и Чермена поразило её отчаяние.

– Скажут, что мне ничего доверить нельзя, и денег не дадут... – Вике не хотелось плакать при постороннем человеке, но она не смогла удержаться и заплакала.

– Зачем тебе деньги?

– На репетитора, в Академию поступать... У нас денег мало, мама на полставки перешла, и кредит выплачивать надо... Папа сказал, вот картошку продадим... – Вика не дого-

ворила, захлебнувшись слезами.

– Ты вот что... Подожди плакать. Безвыходных ситуаций не бывает, выход есть всегда, – Чермен взял её за плечи – детские, угловатые, вздрагивающие от всхлипов, – и усадил на ступеньки крыльца. Руки у Чермена были сильные и тёплые, такие же, как у Викиного отца. Если бы папа был сейчас с ней, он бы придумал что-нибудь. Она бы рассказала ему, как всё случилось и что она не виновата. А через месяц – что она расскажет? Кто ей поверит?

Вика с удивлением поняла, что она говорит это вслух, а Чермен внимательно слушает и кивает. Он что, соглашается с ней? Он – не враг?

– Так ты одна здесь? Как же тебя оставили? Сами отдыхать уехали, а тебя одну оставили?

– Они не отдыхать, они лечиться... У мамы хроническая усталость, она на работе работала, а ещё за Марьей ухаживала и за бабушкой, вот и заболела. Мама всё думала, что Марья притворяется, а она не притворялась, она уже ходить не может, лежит и не встаёт. С ней соседка сидит, не за так, за деньги. А бабушка в санатории, в кардиологическом, ему путёвку дали. А мама с папой на Байкале, врачи сказали, маме обязательно надо уехать куда-нибудь, все равно куда, и хорошо отдохнуть, – торопясь, говорила Вика. Ей больше некому было – довериться, некому рассказать.

Чермен достал из кармана носовой платок, бесцеремонно зажал Викин нос и скомандовал: «Сморкайся!» Оторопев-

шая Вика послушно высморкалась. – «Вот и молодец. А то, понимаешь, наглотаешься соплей, аппетит перебьёшь, ужинать не будешь» – насмешливо сказал Чермен, и Вика рассмеялась. И удивилась: ей казалось – она больше никогда не сможет смеяться.

– Так значит, всё на тебе – и парники, и картошка, и клубника... А кто тебе еду готовит? Кормит тебя – кто?

– Я сама себя кормлю, а за продуктами на велике езжу, в Загорск, потому что в поселке одни консервы. Мне родители деньги оставили, много. И дедушка из санатория звонит каждый день, беспокоится – забывшись, похвасталась Вика, и Чермен невесело усмехнулся: беспокойство налицо, родители отдыхают, дед из санатория звонит, а девочка на репетитора зарабатывает... До Загорска автобусом ехать полчаса, на велосипеде час, если не больше. Но за автобус надо платить, вот она и экономит.

Вспомнив о «материальном ущербе», Вика ухватила Чермена за руку и потащила его на место преступления.

– Посмотрите, что они сделали! Нет, вы посмотрите!

За черемуховыми зарослями обнаружили истоптанные грядки, добрая треть огорода была выкопана, тут и там валялись мелкие как сливы картошины, оставленные «злоумышленниками». Чермен вынужден был признать, что Вика права и за содеянное надо отвечать.

Вопрос решили к обоюдному согласию: девочки, все трое, каждый день будут приходить к Вике «на штрафные рабо-

ты»: полоть, поливать, рыхлить приствольные круги, окучивать картофельные грядки. Картошку Чермен обещал посадить, купит в Александрове на рынке и привезёт. Осень обещали тёплую, до зимы картошка успеет вырасти. Плеер, в качестве компенсации, до сентября останется у Вики.

«Санаторий забытых товарищей», отправив к месту боевых действий «независимых наблюдателей», с возделением ждал скандала. Но скандала не получилось: Чермен пробыл в Викином доме полчаса и ушёл, кивнув на прощанье. Вика помахала ему рукой.

СНТ удивлялось и недоумевало. Инга с матерью возмущались: превратили детей в батраков! Да по какому праву?! Да что они себе позволяют, эти Пилипенки?! Они даже не сотрудники ВТИтяжмаша, участок им продали, потому что на него не нашлось желающих: четыре сотки между двух дорог... И ведь что удумали! – раскопали «ничейную» полосу под картошку, без ведома правления, не спрашивая разрешения. Да что они себе позволяют?! И дочка их обнаглела, распоясалась, ремня давно не получала. Всыпать бы ей!

Чермен слушал «своих женщин», качая головой. До чего ж вы бабы, злые – говорил его взгляд. Инга не выдержала, опустила глаза. Её мать продолжала бубнить своё, в десятый раз повторяя одно и то же – что Остапа Пилипенко надо исключить из членов СНТ, дом выкупить под правление СНТ, а в бывшем здании правления открыть магазин, а то ходим за хлебом за километр, сколько же можно... А Пилипенок

этих гнать из «Калины» в три шеи!

– За что же их гнать? Они правы – вдруг сказал Чермен, и Эмилия Францевна замолчала, споткнувшись на полуслове. – Вика права. Картошку у них выкопали, огород вытоптали, От родителей получит на орехи – не уследила. А как ей одной за всем уследить? Ей ведь только пятнадцать, у неё тоже каникулы, как у тебя. – Чермен за подбородок поднял опущенную дочкину голову, выудил из кармана чистый платок, вытер ей слёзы и продолжал, не замечая жену и тещу и обращаясь только к дочери. – У неё каникулы, ей тоже хочется – играть с подружками, кататься на велосипеде, и купаться хочется. А её запрягли – полоть, поливать, опрыскивать, парники проветривать... всё на ней! И в доме надо порядок поддерживать, мыть, убирать, она ведь всю неделю одна, мать на выходные приедет и уедет. А теперь вообще на месяц укатили оба. Родители, мать их...

– И обедать её никто не позовёт, продолжил Чермен, и Эмилия Францевна, сама того не замечая, кивнула головой. – Ты за стол садишься и выбираешь – это буду, то не буду, а бабушка вокруг тебя круги нарезает, не знает чем накормить, чем тебе угодить. А Вике самой приходится – и готовить, и кастрюли мыть, и сковородки. А ты поела и нет тебя, гулять убежала с подружками, – выговаривал Чермен дочери.

– Она не одна, она с родителями живёт, – защищалась Роза, уже понимая, что отец прав. Но не могла простить Вике

обиду, и конфискованный плеер простить не могла. – Она в воскресенье с подружками на велике каталась, я видела!

– В воскресенье каталась, а всю неделю спины не разгибала. Если что случится, спросят с неё, с подружек не спросят, – рубил слова Чермен. – Ей пятнадцать лет, последние каникулы, потом десятый класс и взрослая жизнь. Детство кончилось, это лето последнее. Родители отдыхать уехали, а Вику за дачей приглядывать оставили, полоть да поливать. Одну. Думаешь, ей не обидно? Думаешь, ей не хотелось на Байкал?

Инга с матерью притихли. Перечить было бесполезно. Да и дело говорил Чермен, и возразить было нечего.

На следующее утро троица стояла у Викиной калитки – хмурые, с опущенными головами.

– Вы двое – во двор, чеснок полоть и свеклу, – командовала Вика Ане и Аллочке. – А ты сегодня поработаешь на картошке. Окучивать умеешь, нет? Твоя бабушка вчера на всё СНТ орала, что её внучка ни копать ни сажать не умеет, только танцевать умеет. Вот и научишься, ещё спасибо скажешь.

Красная от стыда, Роза не выпускала из рук выданной ей тяпки, пока не окучила добрую половину оставшейся картошки. Аня с Аллой выдёргивали из земли неподатливые сорняки и какую-то ползучую дрянь, которая прокалывала кожу через нитяные перчатки, выданные Викой. Руки у обеих горели. Аллочка хищно оглядывалась и заговорщице-

ски шептала в Анино ухо: «Смотри, какой у них крыжовник крупный! Вот бы попробовать. Может, попросим? По две ягодки. Может, она разрешит?»

Аня не любила крыжовник. Ей хотелось клубники.

– Вот закончим с чесноком и клубнику пойдём полоть. Эта надсмотрщица не вечно будет тут сидеть, в дом уйдёт, тогда и наедемся!

– У вас что, своей клубники нет? – неприязненно отозвалась Аллочка. За ворованную картошку бабушка отхлестала её веником по рукам, которые теперь жгло как от крапивы. Она боялась, что Аня съест клубнику, которой у Пилипенок всего четыре грядки, Вика непременно заметит, и веника придется попробовать ещё раз

– Почему нет? У нас есть, только очень мало. Аглая рвать не велела, она из неё варенье сварит, и будем есть зимой. Она говорит, надо рассаду новую покупать, а папа говорит, что и этой хватит.

Аллочка слушала её в пол-уха и думала о том, что ходить на «штрафные работы» ей придется каждый день, а спина уже болит, и руки саднит от колючей травы, и пить хочется... Аллочка облизнула губы. И тут открылась дверь (оказывается, Вика давно ушла в дом, а они и не заметили!) и Вика объявила:

– Можете идти домой. Вы два часа работали, хватит с вас.

– Мы же клубнику прополоть не успели... – пробормотала Аня, уже понимая, что о пилипенковской клубнике на се-

годня можно забыть.

– Завтра, – повторила Вика. – Вы с утра не приходите, жарко очень. Вечером придёте, по холодку, часов в пять. А то вы от жары все красные. Если хотите пить – вода в ведре.

Все трое бросились к эмалированному ведру, в котором сверкала солнечными бликами вожденная вода. Она оказалась холодной и удивительно вкусной. Воду зачерпывали кружкой по очереди, и жадно пили крупными глотками. Выпили по две кружки и отправились по домам...

Часть 2. Чужие

Глава 9. Лето 1995-го. Бариноковы

Чермен Бариноков появился в «Красной Калине» весной 1995-го и, к неудовольствию сотрудников ВТИтяжмаша, стал полноправным «садовым товарищем», как в шутку обозначил свой гражданский статус. Обустройством участка занимался сам, за помощью не обращался, с соседями вежливо здоровался. Попытка выведать хоть что-то у Эмилии Францевны, потерпела неудачу: на все вопросы Эмилия улыбалась и кивала, в дом не звала, от приглашений вежливо отказывалась:

– Некогда мне по гостям ходить, мне – рабочих кормить, готовить, парник полить, грядки выполоть...

– Так может, в субботу? – закидывала удочку соседка.

– В субботу мои приедут, за внучкой приглядывать надо. Родителям не до неё, работают оба, пусть хоть в субботу отдохнут.

Любопытные соседи пробовали «подъехать» с другой стороны, угощали десятилетнюю Розу малиной и смородиной, насыпали в кармашек сарафана стручки зеленого горошка и спрашивали, как ей живётся. Роза жевала сладкие стручки и мило болтала – о том, какое в Греции мороженое, с пе-

ченьем, наше вкуснее, потому что с вафлями. О том, какое в Испании море – прозрачное и с медузами, которых нельзя трогать. О том, какие вкусные пирожные пекут в рижских кондитерских.

Пирожные они с бабушкой ели каждый день, с чаем, в Риге очень вкусный чай... А ещё качели-лодочки и луна-парк, где она каталась на всех аттракционах, даже на самых страшных. Роза болтала не закрывая рта, однако ни словом не обмолвилась о родителях. Папа ставит всем телефоны, а мама дизайнер интерьеров, вот и вся «информация к сведению»

Калиновцы бы сильно удивились, если бы узнали, что Чермен Бариноков – племянник мэра Ферганы. Но они не узнали, как и о том, где он работает.

Откуда у телефониста столько денег? Откуда эта витиеватая дипломатия по отношению к соседям? Городской житель (Роза обмолвилась, что они переехали в Москву из Кинешмы), Чермен Бариноков обладал деревенской хваткой. Вместе с бригадой шабашников разгружал машины с металлочерепицей и дубовой доской, а веранду строил по собственным чертежам.

Своих рабочих Чермен кормил как званных гостей – тушеная баранина с айвой, душистый плов с барбарисом, горячие беляши и пирожки с повидлом, которые Эмилия Францевна жарила в кипящем масле. Запах сдобренного специями мяса и горячего повидла расползлся по окрестным участкам, щекотал ноздри, заставлял глотать слюнки... Как она умуд-

рятся готовить такие блюда на улице, под навесом, на сложенной из кирпича круглой печке?!

Эмилия смеялась – была бы мучка, да были бы ручки. Угощала соседей пирожками. Те не оставались в долгу и несли Барининых черенки смородины, луковицы тюльпанов, клубни топинамбура, саженцы вишен...

В дальнем углу участка Чермен вскопал несколько грядок, где Инга посадила цветы и зелень. Соседи удивлялись, как он всё успевает – и за рабочими приглядывать, и за участком, и за дочкой.

Всю весну Чермен занимался домом: заново перекрыл крышу, настелил дубовые полы, пристроил деревянную веранду, купил пять машин торфа и песка, поставил беседку и парники – под огурцы и помидоры. Соседям Барининых не на что жаловаться: Чермен не устраивал пьянок, поселил в доме тещу с дочкой, а сам с женой приезжал по выходным. Дочка Чермена выглядела маленькой куколкой: мелкие белые зубки, длинные косы в пышных бантах, черные стрельчатые ресницы и глаза цвета узбекской тёмной черешни.

С соседями Чермен вежливо здоровался, но и только. Жили Барининовы наособицу, сора из избы не выносили. И только с одним человеком сдружился Чермен – с Аниным отцом. Свёл их случай. За пять километров от СНТ «ленд-ровер» Фомушкина встал как вкопанный. Телефон как назло разрядился, вызвать эвакуатор Виктор Николаевич не мог, проезжающие машины как назло не останавливались.

В «Красную калину» его привез на буксире не кто иной, как Чермен Бариноков. Калиновцам предстало удивительное зрелище: красавец-«лендровер» волочился на веревке, привязанный как корова за рога, к бамперу бариноковского «мерседеса». Ещё больше удивились калиновцы, когда Чермен, наспех поцеловав выбежавшую ему навстречу дочку, переоделся в рабочую спецовку и ушел к Фомушкиным.

(«Нашли друг друга!» – злословили калиновцы. Чужих в СНТ не любили, а эти двое были чужими. Слишком большая разница, слишком резкая грань – между инженерами-проектировщиками и следователем генпрокуратуры, а Чермен вообще тёмная лошадка, в байку о телефонисте никто, понятное дело, не верил. Нелюбовь достигла апогея, когда Чермен купил соседний участок, на который, к слову, никто не претендовал).

Вдвоём с Виктором Николаевичем они копались в моторе, обмениваясь «впечатлениями». Виктор Николаевич, следователь генпрокуратуры, к замечаниям в свой адрес не привык, а указания получал только от начальника. И теперь только крякал в усы, слушая Чермена, который с ним не церемонился и определил в подручные, коротко распоряжаясь: «Отвертку. И тряпку дай, тут масло потекло. Подержи. Да не так держи, вот так! Подожди, не лезь. Тут надо остороженько, ювелирно надо...».

Чермен копался в моторе со знанием дела, его замечания метко попадали в цель, не унижая хозяина, но заставляя при-

знать правоту гостя. Было уже за полночь, когда «лендровер» фыркнул и сыто заурчал мотором. Распрямив усталые спины, Виктор Николаевич с Черменом посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Вы себя-то видели? Как черти из преисподней, – подтвердила их неутешительные выводы Аглая Петровна, которая весь вечер не показывалась мужу на глаза, и Ане запретила выходить, чтобы не мешала отцу и не путалась под ногами. Услышав шум мотора и мужнин смех, Аглая вышла из дома, вытирая руки о фартук.

– В баню ступайте, я воды нагрела, полный бак. В дом я вас таких не впущу, даже не надейтесь...

* * *

С того вечера началась дружба Виктора Фомушкина (ох, простите, Виктора Николаевича) с Черменом Бариноковым.

Утром к Фомушкиным прибежала Роза, с поручением от отца. «Здрости, Виктор Николаевич, папа вам передаёт привет и приглашение к обеду. Он велел сказать, что всех приглашает, вашу семью, и ещё сказал, чтобы вы взяли купальники, а полотенца не надо, у нас есть» – дробным бабушкиным говорком протараторила Роза.

Справившись с «текстом приглашения», облегченно выдохнула и добавила от себя: «Папа обидится, если вы не придёте. Отказываться от приглашения невежливо» – и убежала, оставив следователя генпрокуратуры в растерянности и с красными щеками. Он не привык получать гостевые при-

глашения от девчонки, которая, к тому же, нагло напомнила ему о правилах приличия и законах гостеприимства. О каких полотенцах она говорила? Они что, купаться будут там?!

– Что, умыла она тебя? – сказала мужу Аглая. – Сколько ей? Лет восемь – девять, не соображает, что говорит («Для своего возраста она соображает, пожалуй, слишком хорошо» – подумал Виктор).

– Сходим, посмотрим, как люди живут, – уговаривала мужа Аглая. – Лицом в грязь не ударим, не с пустыми руками придём («О подарках я как-то забыл. Молодец, жена, напомнила».)

«Приглашающей стороне» Аглая Петровна решила подарить луковицы махровых тюльпанов, корневые пионы и кустовые розы, мелкие, очень красивые, дивно пахнущие. Выкопала два кустика, развела в ведре земляную болтушку и, обмакнув корни, сунула каждый в полиэтиленовый пакет. Виктор Николаевич в который раз подумал, какая умница его Аглая, и похвалил себя, что не ошибся, женившись второй раз.

Тринадцатилетняя Аня, которой строго запрещалось «шататься по дачам и водить дружбу неизвестно с кем», неприметно радовалась: у неё появится подружка, и они будут проводить время вдвоём! Аглая бросила падчерице на колени журнал «Стильные причёски» и усадила перед зеркалом: «Выбери, что нравится, я причешу. У них бассейн, купаться будешь с Розой, так что волосы распускать не сто-

ит. Соберём в пучок, стянем лентой, будет стильно. Тебе же лицу гладкие волосы. А чёлку уберём, заколем «невидимками». Нравится?»

Аня не узнавала себя в зеркале – лицо по-взрослому серьёзное, глаза словно стали больше, и лоб – высокий, чистый... красивый! Вот что сделала с ней Аглая, из девчонки превратила в девушку. Аглая наблюдала за ней с улыбкой. К дисциплине отец приучил, а одеваться девчонка не умеет, следить за собой не умеет.

Собираясь к Барининым, Аглая взяла купальник и мужнины плавки, хотя не представляла, как они уместятся в бассейне – вшестером. Девчонки поплавают, а мы позагорает, – думала Аглая. Она не представляла, как сильно ошибалась.

* * *

В воскресенье калиновцы неспешно прогуливались мимо участка Барининых, откуда доносилась музыка, плеск воды и детский восторженный ор. Инга с Аглаей вели себя не лучше, оглашая окрестности пронзительным визгом. – «В бассейне, стало быть, купаются» – строили завистливые предположения калиновцы. Забор надёжно защищал барининовский участок от соседских глаз, но голоса прорывались, звучали, звенели, рассыпались радостным смехом. Скоро у «гуляющих» потекли слюнки – запах бараньих шашлыков украдкой вползал в ноздри, и даже дым казался вкусным, потому что Чермен бросал в жаровню вишневые веточки, а мясо, томящееся на тлеющих углях, сбрызгивал сильно

разбавленным вином.

Калиновцы об этом не знали, они вообще ничего не знали о Бариноковых, а им хотелось. Но ничего не оставалось, как нюхать дым от чужих шашлыков и слушать крики девчонок, которым взрослые не делали замечаний, а надо бы – разорались на всю округу. Калиновцы злились – на девчонок, на их родителей, на Эмилию Францевну, которая голосом базарной торговки (по определению калиновцев) пригласила гостей к столу. Разве так приглашают, разве так можно...

– Хватит вам полоскаться! Как дети, ей богу! Ни в чём меры не знаете... Кушать идите, у меня готово всё. Сколько раз повторять? – Эмилия сыпала округлыми как морская галька словечками, и у неё выходило не обидно, а как-то ласково. Виктор Николаевич вспомнил, как ругала его мать, маленького – «сам домой не придёшь, за шкурку волоком приволоку, и не ори мне тогда!» И вздрогнул, когда Эмилия Францевна, потеряв терпение, пригрозила: «Мне за шкурку вас из воды вынимать? Волоком волочь? Накупаетесь ещё, успеете. Дали б хоть воде нагреться, невтерпёж вам, полезли в ледяную, как дети...»

Виктору Николаевичу никто никогда не предлагал – вытащить его за шкурку из чужого бассейна. Перед ним всю жизнь заискивали, обращались уважительно, если не сказать – подобострастно. А Эмилия звала по-свойски: «Аглая! Вита! Вылезайте! Шурпа остынет. Я тарелки налила!»

Здесь пора сказать о том, что бассейн у Бариноковых был

не «покупной», надувной, а настоящий, четыре на пять. Фундамент с двухметровым подвалом из бетонных плит, скреплённых цементом насмерть (по определению калиновцев), поставили соседи Бариноковых, а дом так и не построили. «Пыжились-пыжились, морду высоко драли – дачники... А денег хватило только на фундамент» – злословили соседи, наблюдая, как ковыряются на грядках «голодранцы» и «никчемушники». Грянули развесёлые девяностые, накопленные на сберкнижках тысячи превратились в рубли, а дома строили по-прежнему за тысячи. То есть, теперь, получается, за миллионы.

«Голодранцы» выставили участок на продажу, но никто не хотел платить за фундамент, который был сработан на совесть, разобрать – ещё дороже обойдётся. Калиновцы пытались возражать: садовый участок вам дали бесплатно, имейте совесть! Но «никчемушники» упёрлись и назначили цену, в которую входили: бетонный фундамент, раскорчёвка леса, расчистка участка, две машины торфа и две машины песка (поди, проверь...), целевые взносы за землю, за воду, за дороги, за электричество... Ну и за фундамент, куда ж его девать, не дарить же?

Калиновцы отступились, хотя иметь второй участок хотелось многим. И удивились, когда Чермен обнёс участок «никчемушников» двухметровым забором. – «Купил! С фундаментом! Зачем он ему, у него свой дом семь на семь, сорок девять квадратных метров, да веранда, да бытовка, да

беседка... Дочка маленькая ещё, замуж отдавать рано, для кого второй дом ставить?»

Чермен второй дом строить не стал. Залил фундамент бетоном, выложил дно цветной плиткой, подвёл четыре трубы – две для подачи воды, две сливных. С водой проблем не было – у Баринковых своя артезианская скважина, хоть залейся.

Вчера Чермен весь вечер провозился с чужим лендровером и очень устал. Но не забыл о Розе, которой твёрдо обещал «открыть бассейн», и всё утро они с Ингой накачивали из скважины воду.

Роза пришла в неистовый восторг, отказалась от завтрака («Я в обед позавтракаю») и объявила родителям: «Уже много воды. Я поплаваю, пока наливается». Чермен усмехнулся:

– Возьмёшь свои слова обратно?

– Не возьму!

– Ну, смотри, дочь. Ты сказала, я услышал. За слова отвечать надо, – сказал Чермен и ухватив девочку под мышки, бросил в воду, подальше от бортика. На крик выбежала Эмилия Францевна, оставив стряпню и вытирая о фартук руки. – «И чего орёт как оглашенная? А родители молчат. Распустили девчонку вконец...»

От бассейновой воды остановилось дыхание. Выдохнуть никак не получалось, словно воздух внутри неё превратился в лёд. В несколько отчаянных гребков добравшись до лесенки, Роза вскарабкалась наверх, клацая зубами. На отца

она старалась не смотреть. Чермен принёс ей шерстяной свитер, стащил с бортика бассейна, где она уселась было греться, и велел заняться делом. Вдвоём с Ингой они расставили на траве пластиковые голубые шезлонги, притащили с террасы складной столик, гору махровых полотенец и пляжный мяч. Роза наконец согрелась и вылезла из свитера, под насмешливым взглядом отца. Купаться Чермен больше не разрешил – вода ледяная, а бабушка на кухне с самого утра крутится, одна. Пристыженные Инга с Розой надели фартуки и поспешили на кухню...

Открываю секрет: бассейн объёмом тридцать кубических метров (площадь двадцать квадратных метров, глубина полтора метра) наполняется за пять часов, но хитрый Чермен включил оба крана – от своей и от общей скважины. Время наполнения сократилось до трёх с половиной часов, и к приходу гостей вода успела немного нагреться. Немного...

После вручения «приглашённой стороной» подарков и церемонии представления друг другу «принимающая сторона» дружно разделась и попрыгала в бассейн. Фомушкины с удивлением на них смотрели. Им крикнули:

– Давайте к нам! Купальники-то взяли? Вам Роза сказала?

– Сказала...

– Так чего же вы стоите? Прыгайте! Вода почти нагрелась. Сначала холодно, потом нормально.

«Почти нагревшаяся» вода оказалась почти ледяной, «а что вы хотели, она ведь из скважины, не успела нагреться,

ну и что, всё равно здорово». – «Здорово!» – подумал Виктор Николаевич. А ещё подумал, что никогда не слышал, как визжит его жена – по-девчоночьи звонко, и радуется как девчонка, молотя по воде руками и брызгаясь. Надо нам тоже бассейн купить, надувной, самый большой. Анька от счастья на седьмом небе... и от холода вся синяя! Куда Аглая смотрит!

Аглая смотрела на падчерицу с завистью: Аня с Розой плавали на надувном матрасе, ели вишни (Эмилия сунула им кулёк, косточки девчонки бросали туда же, наплевав на этикет в буквальном смысле), шептались о чём-то, захлёбываясь смехом и хитро поглядывая на взрослых. Одним словом, наслаждались жизнью.

– Аня. Тебе уже достаточно, вылезай, – скомандовал Виктор Николаевич дочери. Чермен увидел её умоляющий взгляд и безапелляционно, с правом хозяина, заявил Аниному отцу:

– Да оставь ты её, ей же нравится, вот и пусть порадуется. Я своей в октябре купаться разрешаю, ничего, здоровее будет. Ну, посинела, ну и что? От этого не умирают.

Виктор Николаевич подумал и махнул рукой. Пусть мёрзнет, раз ей нравится.

Ане «мёрзнуть» нравилось. Завернувшись в махровую простыню, они с Розой уселись в шезлонг, выбивая зубами дробь и время от времени принимаясь беспричинно смеяться. Роза вдохновенно рассказывала новой подружке о студии

современного танца, где она занималась после школы, пять раз в неделю. Занимались с детьми серьёзно, забывая о том, что они ещё дети, и домой Роза возвращалась без ног. И садилась за уроки. Не будут сделаны уроки – не будет никаких танцев, это она усвоила.

В свои десять лет Роза танцевала почти профессионально. Ане тоже хотелось научиться, и Роза взялась её учить – «Резче двигайся. Держи спину и прогнись немного назад. Не откидывайся назад, я же сказала – прогнись. Повороты выполняй чётче, не спи на ходу!» – командовала Роза. Они крепко подружились, десятилетняя Роза и тринадцатилетняя Аня. Роза познакомила новую подругу с Аллочкой и они стали дружить втроём, поскольку отвязаться от Аллы было невозможно.

По утрам все трое были заняты: Алла корпела над букварём, под строгим надзором бабушки; Аня возилась в огороде – пропалывала грядки, сажала цветы, собирала в плетёную корзиночку первую клубнику. Роза учила английский и французский, решала задачи по математике и делала письменные упражнения по русскому. Ежедневным занятиям отводилось два часа, по полчаса на каждый предмет, ещё час уходил на гимнастику, без которой – какие танцы? Чермен привёз большое зеркало, которое с трудом втащил наверх, в комнату дочери. Роза занималась перед зеркалом, и безмерно гордилась собой, а Инга ловила себя на том, что завидует дочери. Она бы не отказалась от такого зеркала... Какая

женщина – откажется?

Эмилия Францевна тоже была занята: поливала из шланга грядки, подвязывала в парниках помидоры, замешивала тесто на пироги, которые у Баринковых традиционно подавали с бульоном.

К обеду к Баринковым приходила Аня. Аглая Петровна давно махнула на падчерицу рукой и обедать уже не предлагала: всё равно откажется, потому что дома – суп из тушёнки, «покупные» котлеты, и «магазинные» резиновые нагетсы, а у Баринковых бульон с пирожками и баранья хашлама. Молодую баранину Чермен привозил с рынка, она таяла во рту, и оторваться было невозможно.

– Ма, я обедать не буду, я у Розы поем, можно?

– Что ж с тобой делать, раз тебе дома не нравится, – отпускала её Аглая, и не удержавшись, говорила: «Мать, значит, невкусно готовит, а чужая бабушка вкусно».

– Я не сказала, что невкусно. Розина бабушка все равно заставит есть, а я, если дома поем, то у них уже не смогу, – оправдывалась Аня. И получив Аглаин утвердительный кивок, исчезала из дома до вечера.

Ане очень нравились осетинские пироги с рассольным сыром, и бульон нравился – наваристый, душистый, у Аглаи такой не получается. Они с Розой съедали по полтарелки, оставляя в животе место для хашламы. А им хотелось – по целой.

Эмили Францевне Аня казалась гадким утёнком:

нескладная, некрасивая, длинноногая, с торчащими из-под короткого платья коленками, острыми локтями и светлыми косичками, тоже торчащими в разные стороны. «Наша-то ладненькая, лёгонькая, и кости не торчат. А эта – мосластая, угластая, дал же бог фигуру» – с удовлетворением отмечала Эмилия.

Глава 10. Фомушкины

Когда проектно-технологическому институту ВТИтяжмаш выделили, вместо обещанных тридцати, сто гектаров земли под дачное строительство, радости сотрудников не было предела. Делить участки не придётся, хватит на всех! Забывая об отдыхе, в выходные дни всем коллективом выезжали «на свежий воздух», где работали до седьмого пота на расчистке участков. Уставали от непривычной физической работы, мокли под дождями, грелись у костров, на обед жевали холодные бутерброды, запивая их чаем из термоса, но никто не жаловался: всем хотелось поскорее получить выделенный участок, стать хозяином на своей земле.

Целевые взносы оказались непомерными: прокладка дорог, раскорчёвка леса, бурение скважины и химический анализ воды, установка столбов, навеска проводов, подключение к линии электропередачи, установка общей изгороди... всё это стоило денег, за всё надо было платить.

Наконец размежевали участки и провели жеребьёвку. Сотрудники ВТИтяжмаша воспрянули духом: на шести сотках ни от кого ничего не скроешь, не утаишь, и теперь они узнают о Фомушкиных всё. Но ничего не изменилось, Аглая Петровна не откровенничала с соседями, ни на что не жаловалась, ничем не делилась. Копалась с Аней на грядках, обмениваясь редкими замечаниями.

Потерпев фиаско с подслушиванием (из «фомушкиного» дома не доносилось ни звука, слышно было только телевизор) и подглядыванием (на окнах красовалась густо наборенная тюль), калиновцы попытались сформировать «общественное мнение»: не жалеет мачеха девчонку, работать заставляет. Но и здесь случился облом: Аглая Петровна относилась к падчерице заботливо.

Вы спросите, чем был вызван такой интерес к семье Фомушкиных? Аглая работала инженером-проектировщиком, Аня училась в английской спецшколе, а вот её отец... Виктор Николаевич Фомушкин, по слухам, работал следователем. Почему по слухам? – Потому что его жена, Анина мачеха, держала рот на замке, и как ни старались сотрудники, пытаясь её разговорить, Аглая Петровна ничего не рассказывала о своей семье, об отношениях с падчерицей и тем более о муже. Зато любила поговорить о комнатных цветах и о погоде, делилась рецептами засолки и консервирования и со всеми была в добрых отношениях. Молчалиницей её нельзя было назвать, но выпытать что-то о личной жизни было невозможно.

– Муженёк твой людей допрашивает, смертным боем показания выбивает. Скажешь, нет? – приступали к Аглае с расспросами. Аглая качала головой и улыбалась.

– Никого он не бьёт, просто разговаривает. А вы выдумываете страсти страшные, – говорила Аглая.

– Да разве преступник добровольно признается, что да

как, разве повинится? – Вот просто разговаривает, ни разу не ударит никого? Да ни в жизнь не поверю!

– С людьми надо уметь разговаривать. А он умеет. Он академию окончил, психологию изучал. А кулаками махать – Виктор этим отродясь не занимался. Он тихий, добрый человек. И не придумывайте небылиц! – заключала Аглая и торопливо проходила мимо.

«Тихий он, как же... А жена разговаривать не хочет, и в глаза не смотрит никому... Почему?»

Ответить на этот вопрос было некому. Аглая ни с кем не общалась, от предложений соседок «зайти на чаёк» вежливо отказывалась. С разговорами от Аглаи отстали, но продолжали наблюдать – за «фомушкиным» семейством. Участок окружал деревянный штакетник, не скрывавший от любопытных глаз чужую жизнь. Аглая с падчерицей с раннего утра возились на грядках, поливали, пололи, прореживали, опрыскивали, сажали цветы – и видно было, что работа в радость обеим. В десять уходили в дом завтракать. После завтрака загорали, расстелив на траве одеяло, а через час уходили в сарай.

Из сарая доносилась классическая музыка. Калиновцы терялись в догадках, что они там делают. Медитируют, что ли? (Виктор Николаевич по просьбе жены установил в сарае спортивные тренажёры и беговую дорожку, слава богу, соседи не видели). После «медитации» Аглая с падчерицей отправлялись в душ, где плескались довольно долго. А кто

им запретит? У Фомушкиных своя скважина, в отличие от калиновцев, которым вода подавалась на участки по часам, утром и вечером. Напор был слабый, а вода слегка отдавала железом. Но больше всего калиновцев возмутило, что Фомушкины уплатили целевой взнос на бурение общей скважины и установку насоса, а водой не пользовались.

Брезгают – общей-то водой. Скважину свою пробурили, с жиру бесятся! – определили калиновцы. И нашли новую причину осуждать «буржуев». Тема была вечная как мир – мачеха и падчерица. Но и тут калиновцев постигла неудача: Аня называла Аглаю мамой и во всём её слушалась. Ни слёз, ни скандалов, прямо-таки семейная идиллия. Похоже, что им было хорошо вдвоём и вполне хватало общества друг друга. По вечерам обе уходили на ферму, в двух километрах от «Красной калины», и возвращались с трехлитровым бидоном парного молока, оживленно о чем-то беседуя. – «Как две подружки!» – толкали друг друга в бок дачники.

Никто из них не предполагал, что Аглая с падчерицей «беседовали» на английском, затверживая выученные днём слова. Никто не думал о том, что подружек у Ани не было. Девочка не покидала участка, не выходила за калитку, не желала ни с кем знакомиться.

Виктор Николаевич приезжал поздно. Золотистый «ленд-ровер», вкусно похрустывая шинами по гравию, подъезжал к воротам и коротко сигналил. Аня выбегала открывать – это была её обязанность, как и английский, который полага-

лось учить каждый день. Вечером Аглая Петровна проверяла, и если урок был выучен недостаточно хорошо, докладывала мужу. Наказанием было лишение телевизора и сверхурочные занятия английским.

Аня распахивала створки ворот, машина въезжала в гараж, ворота неслышно закрывались. Отец запирал гараж, целовал Аню в щёку и уходил в дом. Подслушивать под забором было бесполезно: у Фомушкиных говорили тихо и никогда не повышали голоса. Не слышно было даже смеха. Они что, никогда не смеются?

Эта закрытая от посторонних глаз, спокойная и уравновешенная жизнь без ссор, разговоров на повышенных тонах и выяснения отношений – удивляла, поражала, заставляла задуматься. И вызывала тихую зависть. Наверное, так и надо жить – не впуская никого в свою жизнь. И не выпуская. Последнее относилось к Ане. Вот ей-то не позавидуешь.

Детвора со всех окрестных участков быстро перезнакомилась и сбилась в стаи, как птицы перед отлётом на юг. С той лишь разницей, что им не надо было никуда лететь: лето было по-южному тёплым, море им с успехом заменяли пожарные пруды, а проселочные пыльные дороги оведали ветра дальних странствий. С начала каникул не прошло и недели, как все дети на Аниной улице перезнакомились и подружились. Перелетая с участка на участок, точно воробьи, они поворобьиному радостно щебетали. И только Аня проводила дни не выходя за калитку.

– Что она у вас нелюдимая такая? У всех дети как дети, с утра до ночи на улице, домой не дозовёшься, а ваша дома сидит, как пришитая, – пеняли Аглае Петровне соседки. И слышали в ответ: «Я ей не запрещаю, она сама не хочет».

Неизвестно, сколько продолжалось бы Анино затворничество, если бы не история с лендрове́ром, который пришлось бы отдавать в ремонт, вызывать эвакуатор, платить... И на службу пришлось бы ездить на электричке (до которой полчаса через поле и лесопосадки, а если идти по дороге, так и вовсе час!) А Чермен – взял да починил, за один вечер, и денег не взял. Виктор Николаевич хотел было заплатить «за беспокойство» – как-никак, полночи провозились – и встретил непонимающий взгляд.

Денег Чермен не взял, улыбнулся: «Сочтёмся. Бывай здоров, Виктор. Пойду я». А утром к Фомушкиным прибежала Роза, с розовыми от волнения щеками, и пригласила их на обед. Виктор Николаевич от неожиданности поперхнулся и ничего не ответил. Роза улыбнулась и убежала, сочтя свою миссию выполненной.

* * *

Наверное, так не бывает, однако же – было. Баринковы и Фомушкины подружились, все шестеро: Чермен с Виктором, Роза с Аней, а Инга неожиданно для самой себя поняла, что именно Аглаи ей не хватало всю жизнь, и бегала к ней как девчонка каждую субботу. Аглая, о которой на дачах говорили, что она нелюдимая и неприветливая, оказалась боль-

шой любительницей цветов и приносила Инге луковицы и рассаду. Вдвоём они копались на грядках – то на Аглаиных, то на Ингиных, делились рецептами блюд, осваивая немецкую, адыгейскую и татарскую кухню.

Жарили в кипящем масле беляши с говядиной и варили бараньи манты в мантоварке, которую Инга называла мантышницей. Пекли швабские кренделя, баварские сливовые пироги и австрийский яблочный штрудель. Переписывали в блокнот рецепты... Наконец вспоминали о девочках, которых что-то не слышно.

– Чем они там занимаются всё утро? Спустились бы да помогли нам с пирогами, – ворчала Аглая.

– Без них справимся, сами явятся, когда пироги испекутся. У них там танцкласс. Пойду их разгоню, пускай на улице занимаются. Танцорки!

Сгорая от любопытства, Аглая вытерла о фартук руки и следом за Ингой поднялась наверх. Девочки разучивали танго под мелодию *Por una cabeza* Астора Пьяццолы, которую очень точно напевала Роза (в фильме «Запах женщины» под эту музыку Аль Пачино танцует танго с Габриэль Анвар, но откуда девчонка об этом знает? Они ей что, разрешают смотреть такие фильмы? – с ужасом думала Аглая)

– Идите на улицу, как здесь можно танцевать, здесь же не повернуться, – Инга выгоняла девочек во двор и от души смеялась, видя как старается Аня, а у неё не получается, а Роза морщится и сердится: «Не получается, значит, будешь

повторять, пока не получится».

Аглая с интересом прислушивалась. Оказывается, венский вальс танцуется с третьей позиции, а фигурный с шестой. Знать бы, какие они, эти позиции. Аня знает, а она, Аглая, нет. Надо у неё спросить, пусть покажет. Ещё Аглае хотелось узнать про танцевальные элементы: маятник, квадрат корте, виск, балансе, спин, шасе, которое бывает правое и левое, и перемену, которая бывает открытая и закрытая. Надо у дочки спросить...

Аглая вспомнила, как Роза пришла к ним с «ответным визитом». Поздоровалась и бесцеремонно осведомилась: «Как ваше здоровье, не простудились вчера? Вы были такая вся синяя... Вода не успела нагреться, но мы не виноваты, папа с самого утра включил, оба крана. А мама сказала – ничего, потерпят. Я вообще-то к Ане пришла... Можно?».

Аглая Петровна молча распахнула перед гостьей калитку. – Аня! К тебе пришли! – крикнула куда-то вглубь двора. И повернулась к Розе. – Твоя бабушка знает, что ты у нас?

Получив утвердительный ответ, легонько толкнула девочку в спину: «За дом ступай, там она...» и скрылась за дверью летней кухни.

Завернув за угол дома, Роза увидела натянутый между двумя березами гамак, в котором, с книжкой в руках, лежала Аня. Забыв поздороваться, Роза молча уставилась на её коленки, чёрные от земли, с приставшими к коже травинками. – «Я свёклу полола, на коленках. На корточках быстро

устаёшь, а грядка длинная. А ещё морковь, и огурцы. Если не полоть, всё травой зарастёт». – Аня поплевала на ладони и принялась яростно тереть колени, отчего они стали красными, а земля так и не отёрлась. Роза прыснула. Аня поднялась наконец с гамака – нескладная, длиннорукая, ни дать ни взять – гадкий утёнок. У гадкого утёнка было не улыбочное лицо.

– А чего ты лежишь? Болееешь?

– Нет, я не болею, я здорова, – смутилась Аня. – Просто устала.

– А я к тебе в гости... Если ты уже отдохнула, давай во что-нибудь поиграем.

Хмурое лицо осветила улыбка, в глазах заблестели искорки. Аня вскочила на ноги и стрелой помчалась по дорожке к дому, бросив на ходу «Подожди, я ракетки принесу!»

В бадминтон играли с упоением, пока обе не запыхались. А после уселись в гамак и оживлённо обсуждали, что они будут делать завтра и послезавтра. От голоса Аниной мачехи, появившейся словно из ниоткуда, обе вздрогнули:

– Наигрались? Красные обе, как раки. Аня, обед на столе. Быстро. Руки вымыла, колени вымыла, причесалась, переоделась и села за стол.

Аня послушно поднялась с гамака и поспешила к умывальнику.

– А ты чего стоишь? Тебе особое приглашение нужно? Мой руки и ступай в дом. Ане обедать пора, так может, по-

обедаешь с ней? Да не копайся, поторапливайся. Остынет, я греть не буду, – сказала Аглая Петровна Розе, словно отчитала ни за что.

Роза опешила: с ней никогда так не разговаривали. Словно приказывали. Но в Аглаиных словах не было ничего обидного. Розу пригласили к столу, велели вымыть руки и поторопиться, пока не остыла еда. Ей даже не дали ответить, всё решили за неё. Впрочем, есть хотелось уже давно. Пожав плечами, девочка направилась к умывальнику...

Кто-то когда-то сказал, что в мире нет большей радости, чем радость человеческого общения. С Аней они общались до самого вечера. Говорили обе одновременно, взахлёб, торопясь и перебивая друг дружку, поверяя заветные желания, шепча на ушко секреты и открывая страшные тайны, – про домового, который живёт на чердаке, и про баньши – сотканное из тьмы создание мрака, которое кружит по ночам над домами и стонет, жалуясь на одиночество, но горе тому, кто поверит баньши и пригласит его в свой дом... Поймав Розин вопросительный взгляд, Аня убежала в дом и, испросив у мачехи разрешения, вынесла подруге «Зачарованное паломничество» Клиффорда Саймака.

– На, бери до субботы. Никому не давай, и грязными руками не листай, с меня голову снимут. We have a deal? Promise me.

Роза клятвенно пообещала – мыть руки и не выносить книгу из дома. Обе отчаянно соскучились по общению и не

могли наговориться. И болтали бы до самой ночи, если бы не Аглая Петровна.

– Аня, нам с тобой на ферму пора. Отец приедет, а молока нет. И Розу, наверное, дома заждались. Разговоров на сегодня достаточно, завтра договорите.

И опять – этот приказной тон. И вроде бы ничего не сказано обидного, но и хорошего – не сказано. Прижимая к груди книжку, Роза поцеловала новую подругу в щёку и сказала: «Я тебе тоже книжку принесу. Страшную. Про дэвов, пэри и ифритов. Восточные сказки. Хочешь?»

Приходи завтра! – вместо ответа попросила Аня. Аглая Петровна милостиво кивнула, соглашаясь. С того дня Роза приходила к Фомушкиным после обеда, когда Аня освобождалась от садово-огородных работ, и оставалась до вечера. Впоследствии к ним присоединилась Аллочка, которая упросила Розу взять её с собой «в гости». Дурочка оказалась выдумщицей и придумывала игры, которые нравились всем троим, включая тринадцатилетнюю Аню.

Вот только со двора Аня почти не выходила, исключая поездки на велосипеде в поселковый магазин и визиты к Баринковым.

Глава 11. Пикник

– Мы после обеда на Торбеево озеро поедem, на пикник. Хочешь с нами? Тогда беги, предупреди своих и возьми полотенце и купальник, – предложил Чермен, и Аня неверяще на него уставилась.

– Мне правда можно – с вами? Правда?! Подождите, не уезжайте, я быстро! – и Аня со всех ног бросилась к дому.

К Бариноковым Аглая Петровна пришла вместе с ней, чтобы удостовериться, что Аня не напрашивалась и не навязывалась. Увидев стоящую с открытыми дверцами машину и улыбающегося Чермена, натянуто улыбнулась в ответ и шепнула падчерице: «Ну, иди. Извинись, что заставила себя ждать. И не надоедай там никому разговорами, помалкивай. На солнце с непокрытой головой не лежи, в воде не торчи по часу и на глубину не заходи, купайся у берега»– и сунув девочке пакет с бутербродами, о котором Аня забыла, ушла наконец восвояси.

Аня с Розой переглянулись и облегчённо выдохнули. Чермен, наблюдавший эту сцену, усмехнулся. Ему не нужна была эта Аня, он привык путешествовать своей семьёй, без чужих. Но не смог отказать Розе. И теперь с удовлетворением смотрел, как блестят дочкины глаза, как радуется она своему счастью. Да пусть едет, в конце-то концов, эта девчонка. Сидит, забившись в уголок, и молчит. Похоже, умеет себя

вести.

Через полчаса под шинами захрустел гравий, машину мягко качнуло на рессорах – асфальтовая дорога осталась позади, они ехали вдоль берега. Берег был длинный и напомнил Ане Палангу, где она отдыхала в прошлом году: сосны и песок.

Они выбрали самое красивое место, и Чермен остановил машину. Открыли багажник и дружно перетаскивали поближе к воде пляжные принадлежности, которых в багажнике оказалось неожиданно много: надувной широкий матрас, и другой, поменьше, для плавания. Махровая простыня, разноцветные полотенца, соломенные широкополые шляпы, разрисованный под арбуз мяч (его так и хотелось разрезать и съесть), сумку-холодильник с бутербродами и салатами, бутылки с минералкой и Розиным любимым крюшоном, полосатый арбуз, который Чермен поспешил забрать из дочкиных рук – «Осторожно, это не мячик, это настоящий!». Последним из недр багажника был извлечён зонтик-тент, с изображенными на нём зелеными пальмами, желтыми ананасами, оранжевым небом и синими океанскими волнами с белыми шапками пены.

Роза с размаху бросилась на матрас и растянулась на нём, блаженно жмурясь, но Чермен сгрёб её в охапку и потащил к воде, хохочущую и брыкающуюся. Аня подняла упавшую соломенную шляпу, положила её на матрас и стояла, потерянно озираясь и не решаясь сесть.

– Не стой столбом. Снимай платье, доставай своё полотенце, постели вот здесь, и иди скорее в воду. Мы через три часа уедем, так что время терять не стоит, – сказала ей Инга. Аня послушно разделась и, расстелив на траве полотенце, с опаской вошла в воду. Вода оказалась тёплой, дно – песчаным, а озеро – необыкновенно большим, просто огромным.

Роза знала, что Аня умеет плавать только «по-собачьи» и только когда под ногами есть дно. Она немедленно приплыла на выручку, и девочки затеяли в воде веселую возню, плескаясь и брызгаясь. Чермен с Ингой были уже на середине озера. Оба отлично плавали и Розу научили, отдав её с полутора лет в секцию плавания и водной аэробики. Девочка могла надолго задерживать дыхание, плавала и ныряла как дельфин, так что за неё можно было не беспокоиться. Но Чермен не мог – не беспокоиться. Обнаружив, что дочка улизнула с «тренировки», он немедленно за ней вернулся.

– Кто это здесь квакает, как лягушка? Неужели наша дочка? Не стыдно у берега барахтаться? Ну-ка, давай, за мной. Что значит, не хочу? Пять минут поплавала и устала? А мы с мамой на другой берег поплывём, а потом обратно. Давай-давай, нечего тут прохлаждаться. Будешь филонить, на озеро больше не поедешь, – добавил Чермен уже другим, строгим голосом, и Роза поняла: шутки кончились. Ей не очень-то хотелось – на другой берег, это далеко, и обратно – тоже далеко, Аня не сможет, она боится глубины.

– Ничего, я пока одна побуду. Я на тебя смотреть буду, –

словно угадав её мысли, сказала Аня. Чермен посмотрел на неё как-то странно. Как на пустое место. Не хватало ещё, чтобы его дочь, вместо того чтобы плавать, болталась на мелководье с этой девчонкой.

Аня смотрела им вслед, пока они не уплыли так далеко, что превратились в чёрные точки на воде. Как же Роза может – так далеко, без круга и даже без надувных нарукавников! И родители хороши – полчаса уже плавают, а в воде холодно. Аня забыла, что стоять в воде без движения нельзя – будет холодно даже в тёплой. Она замерзла так, что покрылась гусиной кожей. Стуча зубами, выбралась на берег и, завернувшись в полотенце, уселась на траву. Лечь на надувной матрас не посмела: ей никто не предлагал, даже Роза.

Сидела, скучно жуя травинку. Зря она поехала с ними. Родители Розы её словно не замечали, разговаривали только с дочерью. Гуляют сейчас, наверное, по тому берегу... Но сколько ни всматривалась Аня в далекие деревья на противоположном берегу, ничего не могла разглядеть.

Прошел час, когда они наконец вернулись. Аня хотела сказать, что она волновалась (а если честно, испугалась не на шутку – вдруг они все утонули?!), но ничего не сказала: Розины родители вели себя так, словно Ани здесь не было. Роза рухнула на матрас, тяжело дыша. Инга бросила ей полотенце – «Вытирайся!»

– Снимай трусы, в мокрых нельзя, простудишься, – велел дочери Чермен. Роза помотала головой, кутаясь в полотенце.

– Не простужусь. Мне не холодно почти.

– А зубами почему стучишь? И в мурашках вся! – Чермен стянул с неё под полотенцем трусики и не слушая её «я сама» надел ей сухие, после чего стащил с неё мокрое полотенце, набросил ей на плечи другое, сухое, а на голову нахлобучил широкополую шляпу.

Аня не взяла второй купальник и теперь сидела в мокром. Купальник зябко облепил тело и никак не желал сохнуть. Полотенце у неё тоже мокрое, другое она не взяла, а Аглая ей не напомнила. Правильно, Аня уже большая, тринадцать лет, может сама о себе позаботиться. Но глядя на Розу, вокруг которой хлопотали родители – вытирали, одевали, согревали, – Ане стало невыносимо обидно, к глазам подступили слёзы, и она поспешно моргнула несколько раз. Не хватало только зареветь перед всеми, для полноты ощущений.

– Обедать будем минут через пятнадцать, потерпишь, дочь? Сразу после такой нагрузки есть нельзя, надо подождать.

– Я знаю, нам тренер говорил. Я подожду, – улыбнулась согревшаяся и довольная Роза. И только теперь заметив неподвижно сидящую Аню, похвасталась:

– А мы на тот берег плавали!

– Красивый?

– Кто?

– Берег красивый?

– Я откуда знаю? Там дно илистое, топкое, не выбраться.

Мы на берег не пошли, на воде отдохнули и обратно поплыли.

– Так вы вообще из воды не выходили? Целый час?! – ужаснулась Аня.

– А что такого? Мы в бассейне каждый день по часу плаваем, на время. На время тяжело, а здесь я только немножко устала.

– Немножко, а сопишь как паровоз! – встряла в разговор Инга. – Я в сентябре тренеру твоему скажу, чтоб гонял тебя как следует. Сорок минут плавала и умерла, куда это годится? И хватит валяться, бери тарелки, накладывай салат, а Аня салфетки разложит. – Инга достала из сумки скатерть и принялась раскладывать на ней вкусно пахнущие помидоры, пупырчатые зелёные огурчики, завернутые в плёнку сэндвичи с яйцом и пекинской капустой, пластиковые контейнеры с салатами...

Аня достала свои бутерброды и несмело положила на край скатерти.

– Ешь! – проигнорировав бутерброды, Инга поставила перед девочкой бумажную тарелку. – Я тебе положила всего понемногу. Розовый салат – с крабами, фасолевый с орехами, а зелёный – это творог с чесноком и зеленью. Начни с крабового, в нём крабы настоящие, не рыбные "палочки". А бутерброды оставь на потом. Что ты будешь пить, минералку или крюшон?

– Мы будем крюшон, – ответила за Аню Роза. – И арбуз.

Папа, я хочу арбуз. Нарезь, пожалуйста.

– Арбуз потом. Давайте сначала поедим, – сказал Чермен, и ему никто не возразил – есть хотели все. Вчетвером они с аппетитом уничтожали салаты и закуски, запивая их минералкой и заедая помидорами. Аня таких никогда не ела. Дорогие, наверное. И где они их покупают?

Потом они загорали, играли в мяч, купались (Аня бродила по воде, распугивая стайки мальков и не зная чем себя занять, а Роза плавала, с мамой и с папой). Потом они ели арбуз – необыкновенно сладкий, с черными зёрнами, которые тоже оказались вкусными. У Розы блестели глаза – чёрные как арбузные зёрна, блестели измазанные арбузным соком щёки, и вся она словно светилась от радости, переполнявшей её, как арбузный сладкий сок.

Аня вспомнила, как ели арбуз у них дома – придерживая вилок ломтик, от которого полагалось отрезать ножом маленькие кусочки. Аня представила, что ей сказали бы, если бы она ела как Роза – зарываясь по самые уши в толстый арбузный ломоть, с хлюпаньем втягивая в себя арбузный сок и вытирая ладонями мокрые щёки, а ладони вытирая о голый живот. Это называлось – усвинячиться. Аню бы попросили выйти из-за стола и умыться, и впредь вести себя за столом прилично. А Розе родители не сделали ни одного замечания, только переглядывались и улыбались.

Когда с арбузом было покончено, Инга сложила корки в пакет и отнесла в машину, а Чермен взял сразу несколько

салфеток и, перехватив дочку поперек груди «стальным» захватом, принялся вытирать ей щеки и живот. Роза визжала и лягалась, потому что было щекотно.

– Не нравится? Тогда придётся вымыть тебя целиком! – Чермен схватил дочку на руки и, добежав до берега, бросил в воду... Инга смотрела на них и улыбалась.

Всю обратную дорогу Аня молчала. Она больше никогда не поедет с Баринковыми на озеро.

Глава 12. Чайкин пруд

– Назагоралась? Накупалась? Бутерброды все съела? – равнодушно спрашивала Аглая Петровна, и Аня утвердительно кивала в ответ – так же равнодушно. Выполоскала в тазу полотенце и купальник, повесила сушить. Потом заперлась в душевой и наплакалась всласть, стоя под прохладными струями и слизывая с губ воду.

– Ты там ночевать собралась? – осведомилась Аглая, подёргав запертую дверь. – Ужин на столе.

Аня выключила воду, наспех вытерлась и оделась тоже наспех – невежливо заставляя себя ждать, говорил отец. А ещё он говорил, что нужно уважать чужой труд. И Аглаю Петровну, которая о ней заботится, делает для неё всё. Вот – ужин ей приготовила.

Аня тяжело опустилась на стул и, пробормотав извинение, уткнулась невидящим взглядом в тарелку с пельменями. Пельмени не лезли в горло. Аглая Петровна молча смотрела, как падчерица возит пельменем по тарелке – уже пять минут. Поставила перед девочкой сметану, достала из буфета абрикосовый джем. Но Аня ни к чему не притронулась, чуть слышно сказала спасибо и сидела со скучным лицом, гоняя вилкой по тарелке уже остывшие пельмени. Да что с ней такое? Полдня купалась-загорала, а приехала мрачнее тучи...

Аглая молча забрала у неё тарелку и повинувшись непонятному чувству присела рядом. – «Не хочешь пельмени? Ты же их любишь. А хочешь, блинчиков тебе напеку? Будешь?» Аня молча уткнулась лбом в мачехину грудь и заплакала, давясь слезами и судорожно всхлипывая.

Утром она поднялась как ни в чём не бывало, поплескала в лицо водой из умывальника, полила клубничные грядки, открыла окна в парнике, выдернула пяток мохнатых редисок и срезала острым ножом стебель сельдерея, которым Аглая Петровна заменяла соль – берегла фигуру. Впрочем, для Ани с отцом на столе стояла солонка.

Аглая коснулась рукой Аниного лба.

– Ты не заболела? Не перегрелась вчера?

– Нет, со мной всё нормально. То есть, хорошо...

Больше вопросов не последовало. Анины вчерашние слёзы Аглая Петровна предпочла забыть, за что Аня была ей благодарна. Не рассказывать же о том, как обращались с Розой её родители. О той безмерной, безграничной любви, в которой, словно в солнечном тёплом свете, блаженствовала её подруга. О том, как улыбалась Инга Августовна и смотрела на мужа влюблёнными глазами, а Чермен не отпускал от себя дочь, дурачился вместе с ней и радовался её радости. А она, Аня, сидела и завидовала. И чувствовала себя лишней.

Аглая Петровна украдкой наблюдала за Аней, которая старательно полола редиску, прореживала морковь, подвизывала помидоры... В огороде обе работали с раннего утра,

по холодку, пока солнце не начало печь. На солнце много не наработаешь... В десять ушли в дом, завтракать. После завтрака Аглия Петровна мыла посуду и прибиралась в доме. Аня поливала из шланга грядки, собирала крыжовник и сладкие стручки молодого гороха.

Помня о том, что девочка вчера не ужинала, Аглия встала пораньше и поставила тесто на оладьи. Нажарила целую горю – пухлых, румяных, пахнущих подсолнечным маслом. И теперь смотрела на падчерицу, которая отщипывала от оладьи маленькие кусочки и скучно жевала. На языке у Аглаи вертелось замечание, что оладьи едят ножом и вилкой. Что неприлично сидеть, подвернув под себя ногу. Что за столом надо есть, а не спать... Но взглянув на Аню, сидевшую с каменным лицом, она сказала совсем другое.

– В воскресенье у отца выходной, хочешь, съездим... на озеро это. Ты дорогу-то запомнила?

– Запомнила. Вы езжайте. Я не хочу.

Да уж... Благодарности от неё не дождёшься. Сколько волка ни корми, он в лес смотрит, подумала Аглия. А больше ничего не успела подумать, потому что в калитку постучали.

– Здравствуйте, Аглия Петровна. Мы на Чайкин пруд идём, на пикник! Алле бабушка разрешила, и мне тоже. Можно, Аня с нами пойдёт?

– Да пусть идёт, кто её держит, – только и сказала Аглия Петровна. Аня неверяще на неё посмотрела, и Аглия отвернулась, чтобы не видеть её глаз. Муж велел, чтобы девочка

не уходила с участка и не болталась по чужим дачам, неизвестно с кем. Дружить Ане разрешалось только с Юлей и Катей, жившими по соседству, и с Розой Барыноковой.

Аглая Петровна строго за этим следила: Виктор Николаевич не любил, когда не выполнялись его распоряжения. И чего девчонке не хватает? Ежедневные прогулки на ферму, телевизор, книжки, вышивание (набор для вышивания стоил восемьсот рублей, но у Виктора Николаевича были свои представления о воспитании дочери: если нравится – пусть вышивает, денег не жалко). Подружка к ней каждый день является, как красно солнышко. После того, как Виктор познакомился с Розиным отцом, Ане разрешено у неё бывать хоть каждый день, никто не препятствует. А что дружит она только с Розой, а с Катей и Юлей знаться не желает, так это её право. И проблемы её. А не нравится – так пусть с отцом своим говорит, Аглая тут ни при чём. Что она может сделать? Слово мужа в семье – закон, и плохого он дочке не желает.

Кажется, теперь проблемы будут у самой Аглаи... Но не отпустить Аню на пруд она не могла. Девчонка со вчерашнего вечера сама не своя, и что с ней такое? Переходный возраст, наверное. Да пусть идёт. Чайкин пруд недалеко, метров семьсот по дороге вдоль дач. Купаться в нём нельзя – берега заросли камышом, а в воде кишат головастики и мелкая рыбёшка, которой питаются чайки, в изобилии кружащие над прудом. Прогуляются девчонки, ноги разомнут, ничего с ними не случится. И Виктор ни о чём не узнает, если у Ани

хватит ума не посвящать отца в детали своего времяпровождения.

– Иди собирайся, одевайся, косынку на голову не забудь, да поесть возьми с собой, на весь день идёте. Бутерброды возьми и печенье, и хлеб возьми чёрствый, чайкам побросаете. И воды с собой возьми, и не вздумай из скважины общей пить, она железом пахнет, а наша чистая, вкусная. Девочки подождут, без тебя не уйдут... И чтобы в семь дома была. Отец приедет, а тебя нет, что я ему скажу? Часы не забудь!

– А... за молоком мне надо идти? – зачем-то спросила Аня, удивлённая столь длинной тирадой обычно немногословной мачехи. Ей же ясно сказали – вернуться не позже семи.

– За молоком я одна схожу, не заблужусь, дорогу знаю.

Аня вздохнула («Вздыхает она... С чего ей вздыхать-то?») и пошла собираться.

Всю дорогу Роза рассказывала девочкам школьные анекдоты. Алла тоненько хихикала. Аня хохотала, запрокинув голову, охваченная бурным весельем, в котором психолог усмотрел бы повышенную возбудимость и угнетённую психику. Ноги у всех троих были неутомимые, и за день они обошли если не сто, то все девяносто участков.

На Птичьем пруду устроили пикник, с аппетитом уминая Анины бутерброды с салом шпиг по-венгерски и беляши, которые Эмилия Францевна нажарила на троих. Беляши запивали Аниной водой, которая оказалась холодной и необык-

новенно вкусной, и компотом из вишен, который сварила Эмилия Францевна. Глупенькая Алла вместо воды взяла жестяную коробочку с леденцами. Впрочем, не такая уж она глупая: если пить воду с леденцами, получится газировка! С красными кружон, с жёлтыми лимонад, а с зелёными яблочная!

Молодец всё-таки Алла. И весело с ней, и ничего она не говорит такого, и почему она дурочка, Роза не понимала. Наверное, Аллочка выздоровела и теперь такая же, как все. Даже ещё лучше!

Потом они кормили хлебом чаек. Алла исчезла в густом кустарнике и крикнула оттуда: Нашла! Идите сюда!

– Что нашла? – спросила Аня, продираясь сквозь густо переплетённые ветки и придерживая подол сарафанчика, чтобы не порвался.

– У нас тут секретный лаз, – объяснила Роза, пролезая в дыру в сетчатой ограде. От дыры убежала в лес неприметная тропинка.

– Вы куда? Нам же за ограду не разрешили, только на пруд, – пробовала остановить девочек Аня. Но никто её не слушал.

– Знаешь, куда мы идём? В волшебный лес, за волшебной земляницей! – сообщила Ане Аллочка, блестя глазами. И Аня удивилась – как это бабушка отпустила её, восьмилетнюю, так далеко (Алле с Розой строго-настрого запрещали ходить одним в лес, но они всё равно ходили).

Для Ани устроили экскурсию и показали ей волшебную ель. Мохнатые еловые лапы опускались до земли, образуя шалаш. Вслед за девочками Аня пролезла внутрь и уселась на пружинящую подстилку из рыжей хвои. Шалаш оказался неожиданно большим, в нём уместились все трое, тесно прижавшись друг к другу и воображая, что они прячутся от разбойников.

Следующим чудом было заколдованное болото – глубокая вмятина метров семи в поперечнике, в форме правильного квадрата, заросшая светлой травой и ярко-зелёным мхом. Сделав страшные глаза, Роза поведала Ане, что трава на самом деле не трава, а трясина, шагнёшь и не выберешься, засосёт.

Про болото она выдумала. Когда-то давно на этом месте упал спортивный самолёт. Островерхие ёлки спружинили, ослабив удар, неудачливый пилот отделался синяками, а самолёт развалился на части, которые выкопали и увезли. На месте падения образовалась глубокая вмятина, которую копатели превратили в квадрат с прямыми откосами. Про самолёт Розе рассказала бабушка, когда они ходили за грибами. Аня о самолёте ничего не знала, и теперь с ужасом смотрела, как девочки, взявшись за руки, дружно прыгнули в «трясину».

– Нет здесь никакой трясины, это просто трава!

– Как нет? Вы же сами говорили... – кипятилась Аня, а Роза с Аллой хитро переглядывались и хохотали.

Потом они собирали на вырубке землянику. Переспелые ягоды срывались со стеблей и сладко таяли на языке. Их было много, не собрать. Но они собрали и съели, потому что были голодны. От ягод голод не прошел, напротив, только усилился, и девочки вспомнили о бутербродах. Вкуснее всего оказались Анины – с салом шпиг на ржаном хлебе. Они развели костерок и поджарили сало на палочках, отчего оно стало ещё вкуснее. Ане очень хотелось научить мачеху жарить сало на костре, но ведь тогда придётся рассказать... И земляникой угостить хотелось. Но если увидит отец, оправдаться ей будет нечем, а земляника послужит вещественным доказательством.

Домой она пришла счастливая.

Часть 3. Суд да дело

Глава 13. Лето 1996-го. Повестка дня

Говорят, не так сближает общая радость, как сближает общая беда. Но это для взрослых, в детстве бед не бывает, мама с папой защитят от любой беды. А радоваться в одиночку у детей не очень-то не получается, получается только вдвоём, а ещё лучше втроем. За лето девочки ни разу не поссорились, сдружились крепко-накрепко. Утро для всех троих проходило в трудах, оставляя приятное чувство удовлетворённости собой, день был заслуженной наградой и праздником, а вечером Алла с Розой стучались в Анину калитку, всегда в одно и то же время. Хоть часы по ним проверяй.

– Аня, это за тобой. Косынку не забудь, и перчатки возьми обязательно, без перчаток руки травой изрежешь, – говорила Аглая и долго смотрела вслед «батракам». Ишь, смеются. Им, похоже, нравится ходить к Пилипенкам, да и работой их там не особо нагружают, возвращается Аня довольная, ужинает с аппетитом, засыпает как убитая, и утром вскакивает ни свет ни заря. Не узнать девочку!

Виктор Николаевич приезжал поздно, уезжал рано, и о «штрафных работах» ничего не знал, поскольку ни с кем не общался. Аглая не проговорила, молчала, и Ане велела

молчать. Не буди лихо пока тихо. Картошку Чермен привёз на следующий день, как и обещал. Вика не верила, что картошка успеет вырасти, но Чермен, привыкший к ферганской тёплой зиме, считал, что если её хорошенько поливать, то вырастет. Так что к обязанностям троицы добавился полив. Вредная Вика не разрешала девчонкам пользоваться шлангом (всё равно его не дотянешь, грядки-то длиннющие, метров на десять, отец постарался). Так что картошку они поливали, набирая из пруда воду и бегая с лейками вдоль грядок как заведённые. Вика не разрешала им набирать лейки доверху, а только до половины. Анька дохлятина, а малым тяжёлого нельзя таскать. «Мальё» злились, но слушались.

Так продолжалось около месяца. Днём девочки были свободны и предоставлены сами себе, в пять приходили к Вике и работали до семи. Видя как они стараются, Вика сократила время «исправительных работ» на полчаса, и Аня облегченно вздохнула: теперь можно не бояться, что отец приедет пораньше, не застанет её дома и обо всём узнает.

К чести Вики, она не заставляла девочек делать больше того, что они могли: Алла поливала из лейки цветы и грядки с зеленью, Аня рыхлила мотыгой приствольные круги у яблонь, Роза, как самая честная из них троих, пропалывала клубнику, срывая украдкой ягодку и отправляя в рот. Застав её за этим занятием, Вика не рассердилась, но отпустив Аллу с Аней, оставила её ещё на час – отрабатывать съеденную клубнику. Пришлось поливать картофельные грядки за че-

ремушником, размешивая в лейке коровяк (коровий навоз), грядки были длинные, и Роза устала.

– Долго ещё?

– От тебя зависит.

– Никто картошку не поливает, она сама растёт. А тебе больше всех надо, ещё и навоз разводить...

– Хорошо. Я сама буду разводить, а ты поливай, дело быстрее пойдёт.

– Я у тебя всего-то две ягодки съела, – отбивалась Роза.

– Я не считала, я не знаю. Две сегодня, две вчера, две позавчера. Ты закончила? Иди щавель полоть, и без разговоров. Закончишь и пойдёшь домой. Там грядочка маленькая.

– Ба, у меня спина отламывается! – пожаловалась Роза, вернувшись с «барщины».

– Ну что ж теперь... Потерпишь. Не то они председательше нашей пожалуются, Пилипенки эти, и будут все пальцем тыкать, вся «Калина». Отцу позор какой, дочка воровка! Молчи, терпи, и чтобы я не слышала больше... А что ты долго так? Почему задержалась?

Роза объяснила, почему.

– Warum bist du das?.. (нем.: зачем же ты...) Вот скажи, зачем тебе чужая клубника? У нас что, своей нет? Или у них вкуснее?

– Вкуснее. У них сорт другой.

– Эх, ты... горе! Пора бы поумнеть. Ладно, хоть собрание собирать не стали, всё обошлось.

Не обошлось. В конце августа вернулись с Байкала Викины родители, которым Вика рассказала обо всём, а как она могла не рассказать? Узнав о загубленной картошке и выслушав Викины сбивчивые оправдания (о том, что она ездила в Загорск за продуктами на велосипеде, экономя выданные ей родителями деньги, Вика не сказала, но Остап догадался сам: за час пол-огорода не выкопать, тем более двум девочкам. Значит, слонялась где-то полдня, а теперь врёт и не краснеет), Остап Пилипенко разозлился.

Припомнив косые взгляды калиновцев, недобрые пересуды о «треугольнике» и кличку «хохол», вдвойне оскорбительную из-за лысины, он потребовал от правления СНТ наказать виновных и возместить ущерб. По «Красной Калине» змеёй поползли разговоры. В объявлении о собрании членов садоводческого товарищества большими жирными буквами значилось: явка участка 72 (Фомушкины), участка 35 (Петраковы), участка 33 (Бариноковы) и участка 1 (Пилипенко) обязательна.

Стоит ли говорить о том, что «виновным» не поздоровилось. На собрании говорили в основном о воспитании, о котором родители девочек не имеют понятия. О безнаказанности (девочек за проступок даже не наказали, бегают и смеются, как ни в чём не бывало). Досталось и Викиным родителям – за картошку, посаженную на самовольно захваченной земле, и за то, что оставили девочку одну на целый месяц. «Приложили» и Вику, которая силой забрала у Розы Бари-

ноковой баснословно дорогой плеер, и ничего ей за это не было. Мало того, она превратила девочек в бесплатных бабтраков, и родители позволили, как такое может быть, что вообще творится в СНТ?

Барининовым припомнили бассейн, на который уходит уйма воды (о том, что вода у Барининовых своя, калиновцы забыли) и второй участок, на который они не имели права (о том, что имели, и что участок был куплен с разрешения правления СНТ, вопрос не поднимался).

Слово предоставили родителям девочек. Чермен пожал плечами: «Раз виноваты, отработают. Месяц уже вкалывают, и будут работать все каникулы, до сентября. Мы так решили. А картошку я месяц назад посадил, новую, даст аллах, вырастет. Девчонки стараются, окучивают, поливают» – и не выдержав, рассмеялся, махнул рукой – да вы и сами знаете, вы ж там наблюдение организовали, каждый вечер, дочка рассказывала. А подглядывать нехорошо.

Петраковы молчали. Аллочкина бабушка развела руками: «Нашей-то девять всего, подружки-то постарше, одна с колокольню вымахала, а ума нет. С них и спрашивайте, с нашей – какой спрос? В коррекционной школе учится, для умственно отсталых... – сдавленным голосом договорила Анна Дмитриевна.

Собрание молчало, осмысливая сказанное.

И как-то так получилось, что всю вину свалили на Аню, хотя зачинщицей была Аллочка. Фомушкиным было сказа-

но, чтобы они лучше смотрели за дочкой, которая оказывает дурное влияние на девочек. Аллочкиной бабушке стало плохо, пришлось вызывать «скорую», а пока дожидались, перемыли косточки правлению, казначею и ревизионной комиссии... Досталось всем.

К приезду «скорой» Анне Дмитриевне полегчало, ехать в больницу она отказалась, врачи потребовали подписать отказ от госпитализации, сделали кардиограмму, дали какие-то таблетки и уехали. Алла вцепилась в бабушку мёртвой хваткой и гудела на одной ноте «Ба-ааа, вставай, пойдём домой, я без тебя не пойду-ууу». Кто-то сказал: «До инфаркта довели человека, им картошка дороже людей, одно слово – бандера. Хохлы неумытые!»

Остап вскипел и кинулся на говорившего с кулаками, кто-то бросился их разнимать, кто-то сказал: «Правильно он ему врезал, Остап хороший мужик, и хозяин крепкий. Ни за что человека оскорбили. Нацист ты, Николаич! Махровый нацист! Получил по морде, фашик, добавить бы надо». Оторопевшие калиновцы дружно встали на сторону Остапа и решили вправить «махровому нацисту» мозги.

Драка была нешуточной, Николаича били всем миром, найдя выход высоковольтному эмоциональному напряжению, грозовой тучей нависшему над собранием. «Да понял я, понял! Не буду больше... Спьяну это я...» – оправдывался «нацист», сидя на обочине дороги и утирая рукавом рубашки разбитое в кровь лицо.

От «фашика» дружно потребовали написать заявление о выходе из СНТ, Николаич мотал головой, то ли соглашаясь, то ли отказываясь.

– Товарищи! Да товарищи же! Давайте продолжим, мы так до вечера не закончим, – надрывалась Татьяна Алексеевна, председатель СНТ. – А ты пойди вон, и завтра же напишешь заявление о выходе из «Калины», – добила она Николаича. Тот послушно поплёлся домой, прижимая к распухшему носу подорожниковый лист и натужно соображая, что – Танька-то дурная баба, это все знают. Может, завтра забудет, что говорила... Никакое заявление он писать не будет. И вообще, председателю надо переизбрать, много себе позволяет.

Забегая вперёд, скажу, что заявление написать всё-таки пришлось: ретивые калиновцы сожгли «фашику» сарай и грозились поджечь дом, если он не уберётся из СНТ. Олег Олегович Николаич (дал же бог фамилию!) не показывался в «Красной Калине» до зимы, а весной на его участке объявились новые владельцы. Отношение калиновцев к хозяину «треугольника» изменилось: Остапа больше не считали чужим.

Девочек на собрание не пригласили, но они всё равно пришли. Устроились в черемуховых зарослях за оградой, подальше от чужих глаз – так, чтобы слышать всё, о чём будут говорить на собрании. И пока собирался народ, дружно гадали, что будет на повестке дня. «Может, пруд выкопают, боль-

шой-большой! Папа лодку надувную обещал купить, надуем и будем кататься!» – мечтала Роза. «Ага! И магазин откроют, с мороженым» – добавила Аллочка. Аня молчала, сидела с отстранённым видом, и нельзя было понять, о чём она думает.

– А ты что хочешь, пруд или магазин? Что ты всё молчишь? – Роза обхватила Аню за плечи, развернула к себе лицом... и испугалась: в глазах подружки плескалось отчаяние. Руки разжались сами собой и соскользнули с поникших Аниных плеч. – Ты чего?

– Ничего. Я ничего. Меня дома ругать будут, за картошку. Вы хоть послушайте, что говорят... Что я одна виновата.

– А меня не будут ругать, меня бабушка пожалеет, я маленькая потому что, – радостно встряла Аллочка, и Роза щёлкнула её по лбу.

– Ты чего?!

– Ничего. Это ты с картошкой придумала, сказала – ничейная. Ты во всём виновата, а свалили на Аньку. И если ты хорошая девочка и любишь правду, ты сейчас выйдешь и честно расскажешь, как всё было, и что Аня не виновата, – твёрдо сказала Роза и взяв Аллу за руку, потянула её за собой. – Пошли!

– Почему это Анька не виновата? Она тоже картошку копала, мы с ней вместе копали. Ещё меня учила, как ловчее выкапывать, чтоб прямо с ботвой... Никуда я не пойду и говорить ничего не буду! Пусти! – Аллочка вырвала у неё ру-

ку. – Сама-то чистенькая осталась, сидела и смотрела, пока мы с Анькой собирали. Мы, значит, виноваты, а ты, значит, ни при чём! И вообще, собрание кончилось уже, все домой пошли.

Забыв недавнюю ссору, все трое приникли к сетке, вцепившись пальцами в крупные ячейки и провожая глазами расходящихся с собрания калиновцев.

Анин отец, однако, уходить не торопился, говорил о чём-то с председательшей, гневно рубя кулаком воздух после каждой фразы.

– Аньку жалко. Нам с тобой ничего не будет, наши давно всё знают... Ань, а пойдём к нам? У нас гостевая комната свободна, бабушка тебе постелет... И вообще, можешь у нас жить!– Роза обернулась, и не увидев Ани, замолчала на полуслове.

– Ой! А где она?

По тропинке вдоль изгороди удалялась тоненькая фигурка.

Глава 14. Преступление и наказание

– Ань, подожди, не уходи! Мы с тобой! – дружно крикнули девочки. Не обернувшись, Аня перешла на бег.

– Не догоним. У неё ноги длинные, а у нас маленькие. – Алла критически посмотрела на свои ноги, загорелые и ищарапанные. Роза согласно кивнула. И девочки, опустив головы, разошлись по домам...

«Дрянь! Эта дрянь ни словом не обмолвилась, что мы весь месяц на неё работали! И не только на огороде, на участке тоже, и в парниках! Не рассказала, как Анька в парнике сознание потеряла от жары, и мы её водой поливали. А Алка полы мыла, во всех комнатах! А Вика в это время в гамаке валялась и клубнику ела» – гневно думала Роза. Ещё она думала о том, что за одно преступление не наказывают дважды. Так папа говорил. А их наказали.

Аллочку мать больно отшлёпала тапочком, сопровождая каждый шлепок словами: «Срамница! Дрянь! Бессовестная! Мне стыдно было людям в глаза смотреть на собрании! Тебя дома не кормят, что ли? Не кормят? Отвечай! Бабушка тебе есть не даёт, что ты на чужое зарисься? Глаза бы на тебя не глядели!»

Мать била не очень сильно, но тапочек оказался жёстким, и Аллочка наоралась всласть. После экзекуции, отойдя от матери на безопасное расстояние, ревела в голос: «Я не ви-

новата, это Анька придумала, сказала ничейная, а я поверила, я не зна-а-ала!» – И тут же оказалась в тёплом кольце бабушкиных рук.

– Конечно, не виновата! Кто ж тебя винит, это всё Аня твоя, большая, а ума у неё нет. Ты зачем с ней водишься? Подружку нашла себе!

– Она с Розой дружит, и Катьку с Юлькой не любит, а Роза моя подруга, она хорошая, – всхлипывая, оправдывалась Аллочка. – Розина мама говорит, что друг моего друга мне друг, и враг моего врага мне друг, а ты говоришь...

На лицах родителей отразилось удивление: для умственно отсталой девочка рассуждала, пожалуй, чересчур здраво. Чтобы запомнить такие пословицы, надо иметь на плечах голову.

Анна Дмитриевна рассуждала иначе:

– Ты бабушке не перечь, бабушку слушать надо. Моду взяла разговаривать... Откуда что берётся! Ужинать что будешь? Яичко сварить всмяточку, или блинцов испечь?

Алла перестала плакать и задумалась.

– Яичко свари. И молока дай!

Поставив перед внучкой чашку с молоком, Анна Дмитриевна с удовольствием смотрела, как она ест. И не слышала, как уехали дочь с мужем.

* * *

Вечером в дверь постучали. Кого в такую темень черти принесли... Или это наши вернулись? Случилось что?! Анна

Дмитриевна набросила халат и поспешила к дверям, торопливо крестясь.

На пороге стоял Анин отец. Глаза под чёрными бровями метали молнии. Губы кривились в нехорошей усмешке.

– Анна моя у вас? – не здороваясь, осведомился Фомушкин. – Нет? А где ж она тогда? У Бариноковых её нет, значит, у вас, больше не у кого. Признавайтесь лучше сразу... Аня! Ты здесь? Выходи, иначе за косы вытащу, дома ещё добавлю.

Отстранив перепуганную Анну Дмитриевну, Фомушкин медведем ввалился в дом, широкими шагами измерил комнату и кухню, заглядывая во все углы, слазил даже на чердак. Не найдя дочери, устало опустился на табурет, протестующе скрипнувший под фомушкинским весом.

– Где она?

– Твоя дочь, ты и ищи. Сказано было, нету её здесь, – поджала губы Аллочкина бабушка.

Алла догадывалась, куда исчезла Аня. Она ни за что не скажет этому страшному злющему дядьке, где его дочь. Ни за какие пряники! При мысли о пряниках Алла шмыгнула в кухню. Анька там голодная сидит, надо ей отнести... Калитка оказалась запертой на ключ, и Аллочке пришлось вернуться в дом. Анна Дмитриевна, взглянув на оттопыренные карманы внучкиного платья, мирно спросила:

– Ну, в правом-то пряники, а в левом что? Промасленный наскрозь, теперь не отстирать. Я тебя спрашиваю, чего в карманы напихала? Есть хочешь, так скажи, разогрею. А

на улицу не пойдёшь, не пушу.

Под бабушкиным требовательным взглядом Алла молча достала из правого кармана пряники, а из левого выудила котлету... Ещё тёплая. Придётся Ане холодную есть. Придётся ждать, когда бабушка уснёт. О том, как страшно идти ночью по тропинке через вырубку, Алла старалась не думать. Аня там одна, ей ещё страшнее.

– Ба, а ты чего сейчас делать будешь?

– А ты чего хочешь-то? Можем в домино поиграть. И кукле платье новое сшить. Или полотенце своё вышивай, за всё лето два стежочка вышила, бессовестная.

– Ну, ба-аа! Я дошью... довышиваю. Я половину уже сделала, там немножко осталось. Я сделаю. Только я спать хочу.... Давай спать ляжем?

– Давай. Я, пожалуй, тоже лягу, сердце не на месте после этого собрания, да ещё ненормальный этот, Фомушкин-то, к нам сюда заявился как к себе домой. Чёрт такой!

Хитренькая Аллочка была довольна собой. «Дождать» бабушку оставалось совсем чуть-чуть, и можно бежать к Ане. А то темно будет...

– Ба, а ты свет погасишь? Я уже легла.

– Гашу, гашу! Спи, детонька, спи, милая. Бабушка и свет погасит, и одеялком потеплей укроет.

Вот только этого не хватало! Алла улеглась в постель не раздеваясь, даже сандалии не сняла, чтоб потом не надевать. Если бабушка увидит, всё пропало.

– Я сама уже укрылась, не надо. Ты спи, ба.

Глава 15. Дядя Витя

Когда собрание объявили закрытым, Виктор Николаевич Фомушкин, красный как варёный рак, торопливыми шагами направился к дому, бормоча: «Ну, я тебе устрою, ты своё получишь...» Но Ани дома не оказалось. Не было её и у Барановых, и у Петраковых. Аглая с Виктором прождали всю ночь, а утром отправились на поиски. Вместе с соседями обшарили округу, но девочка как сквозь землю провалилась. Аглая, бледная до зелени, едва держалась на ногах.

Прошел день. Поиски не дали результатов. А вечером в калитку Фомушкиных постучали.

– Здравствуйте! Аня дома? Она выйдет? – звонкий голос спрашивал уверенно, словно ничего не случилось: не сорвали голоса калиновцы, проведя день в бесплодных поисках; не сомкнула глаз уже вторую ночь Аглая; не уехал на службу Виктор Николаевич, остался на даче, впервые в жизни «прогуляв» работу и не удосужившись даже позвонить (сотовые телефоны в 1996 году были мало у кого, они появились в середине нулевых. Но у следователя генпрокуратуры телефон, конечно, был). Из прокуратуры позвонили сами, Фомушкин долго и сердито кричал в трубку, на том конце ошарашенно слушали...

Алла не имела об этом ни малейшего понятия, стояла перед Аглаей и ждала ответа. Вот же наглая девчонка! Аглая

хотела её отругать, но вместо этого опустила перед «наглой девчонкой» на колени и завывала в голос: «Пропала наша Анечка, ушла и пропала-ааа, и не знаем где иска-ааать... Аллочка, миленькая... Богом тебя заклинаю, если знаешь, где она, скажи!»

Я думала, она уже дома... Уже пришла, – пробормотала Алла, присев на корточки и пытливо глядя в Аглаины опухшие от слёз глаза. – Не плачьте, тётя Аглая. Я знаю. Знаю, где Аня! Она, наверное, в волшебном шалаше, под старой ёлкой. Там желания сбываются, вот она и... Вы не волнуйтесь, она не голодная, я ей вчера котлету отнесла и ещё пряники и леденцы. И водички...

–Так что же ты молчала?! Мы полночи её искали, и весь день... В полиции заявление не взяли, сказали, через три дня только, а как нам эти три дня пережить, не сказали! А ты знала и молчала! – сорванным голосом выкрикнула Аглая. – «Витя! Идём, скорее!»

И опрометью бросилась по дороге, как была, в фартуке и босая. Анечка, девочка! Только бы тебя найти, только бы ты – была! Я раньше не любила тебя, не понимала, как ты мне нужна, как без тебя плохо. А теперь знаю.

Алла рванула с места как породистая лошадка. Не догнать. Но Аглая догнала, через лаз в сетчатой изгороди пролезла по-девчоночьи лихо, по тропинке вдоль вырубки бежала не чуя под собой ног. Виктор Николаевич сопел где-то позади, падал, поднимался и снова бежал, задыхаясь и хватаясь

руками за левую сторону груди. Почему она ему не верит, за что не любит? Он всё для неё делает! Вещи все импортные, спецшкола английская, дорогая. Дачу вот купил, клубника своя, огурцы свои, вишни, яблони... Скважина своя, воды хоть залейся, бассейн ей обещал, а она... А она...

Перед глазами плыли радужные круги, сердце колотилось где-то в горле, и болело, и горело, но он заставлял себя бежать.

– Дядя Витя... ой, Виктор Николаевич! Вам плохо? Вы посидите, отдохните, а потом уже пойдём. Вы такой красный, как варёный рак. Мы с бабушкой варили, с укропом, вкусная. Да вы садитесь!

Следователь генпрокуратуры был бесцеремонно усажен на землю. Алла примостилась рядом и сказала бабушкиным голосом: «Вот и ладно. Посидите чуток, а то «скорую» вызывать придётся, как моей бабушке, на собрании. Идти-то далеко ещё...»

А говорили, что она в коррекционной школе учится, для дураков. А рассуждает как взрослая, подумал Фомушкин. И отвернувшись, незаметно стер со щеки слезу. Но Алла заметила. Она вдруг прониклась доверием к Аниному отцу, который вчера был жестоким и страшным, а сейчас выглядел потерянным и несчастным. Алла разглядела дрожащие губы и слезинки в уголках серых глаз, таких же, как у Ани.

– Вы не плачьте, Аня жива, и ничего у неё не болит... Я дорогу знаю. Сначала вырубка будет, мы там землянику

собирали, а за вырубкой волшебная ель, а под елью шалаш, в нём желания исполняются. А ещё мы бревно прикатали, большое. Это наше место, мы часто ходим... ходили, – рассказывала Аллочка, доверчиво вложив прохладную ладошку в широкую ладонь Виктора Николаевича, которого она больше не боялась. До неё вдруг дошло, что Аня не вернулась домой, просидела всю ночь в шалаше. И утром не пришла. И обедать не пришла. Как же ей было страшно, одной! А домой идти ещё страшнее.

Алле стало горько, как никогда в её девятилетней жизни: она съела вкусный ужин, спала в теплой постели, и Роза тоже спала – у себя дома. А Аня осталась в лесу, совсем одна, на всю ночь!

– Мы с Розой не хотели её отпускать, а она убежала. Она быстро бегает, не догонишь... Там дальше тропинка на две разделится, волшебная ель налево, она большая такая, самая красивая. Там близко.

Виктор Николаевич отпустил её руку и легонько подтолкнул в спину:

– Дальше мы с Аглаей сами... А ты беги к бабушке. И спасибо тебе! – крикнул ей вслед Фомушкин.

Сколько раз они проходили мимо этой ели, кричали до хрипоты, умоляя Аню откликнуться... Виктор Николаевич осторожно раздвинул еловые лапы. Аня равнодушно взглянула на отца и уронила на колени голову. Виктор Николаевич крепко взял дочь за руку и повел по тропинке к дому.

* * *

Алла неслась через вырубку по прямой, не разбирая дороги. Долго искала дыру в изгороди, проклиная себя за глупость: если бы шла по тропинке, не бегала бы сейчас как собачонка, отыскивая лаз. Удержавшись от желания напиться воды из Птичьего пруда, она побежала к Бариноковым, задыхаясь и облизывая сухие губы. Распахнула дверь, загнанно выдохнула «Здрас... Миль-Фран...» и кинулась по лестнице наверх.

Через минуту железные ступеньки загрохотали от ударов: две пары сандалий простучали по ним лошадиными копытами.

– Was ist los? (немецк.: что случилось?) Куда вы, как оглашенные? Завтрак на столе, поешьте, потом пойдёте.

– Ба, извини, мы потом поедим. Там Аня!

– Нашлась беглянка?

– Она и не терялась, она в шалаше сидела. За ней её папа пошел, и Аглая с ним. Алка, дубина дубовая, всё им рассказала, – путано объяснила Роза.

– Ничего я не дубина, это ты дубина. Сидишь тут... а Анькины папа с мамой плачут, я сама видела! И Анька тоже плачет! – вскинулась Аллочка.

– Девочки, девочки! Это что за слова такие?

– А как мне её называть? – упорствовала Роза. – Ну, скажи, ба? Как мне её называть, если она Аньку выдала?

Ответить Эмилия Францевна не успела. В комнате взмет-

нулся ветер, дверь оглушительно хлопнула, на веранде звякнули стёкла... «Пречистая Дева! Сохрани дитё неразумное, защити от гнева, и Виктора сохрани, ибо не знает, что творит, – шептала Эмилия Францевна. – А девчонкам урок хороший, на пользу, и Пилипенкам тоже. Далось им это собрание, на кой чёрт было народ собирать, с кем судиться-то, с детьми? – вопрошала Эмилия. Но никто ей, понятное дело, не ответил.

* * *

– Вон они идут! – Аллочка дёрнула Розу за руку.

Аглая плакала навзрыд, Виктор Николаевич с каменным лицом шёл позади, процессию замыкала Аня. В наброшенной на плечи мачехиной кофте она походила на птицу с волочащимися по земле сломанными крыльями. Мимо девочек прошла словно их здесь не было.

– Ань! – окликнула её Роза. – Приходи после обеда к нам. Придёшь?

Аня помотала головой, отказываясь. Роза догнала подружку и пошла рядом.

– Ань, ты чего такая? Ты в шалаше ночевала? Алка говорит, она к тебе ночью приходила.

Молчаливый кивок в ответ.

– У тебя щека распухла. Зуб болит, да?

Аня кивнула. Фомушкин не выдержал: «На всю округу отца опозорила, на все дачи!»

Аня оглянулась, и Роза увидела её глаза, полные застыв-

шего ужаса.

Аглая молча захлопнула перед девочками калитку, но они не ушли. Стояли, прижавшись лицом к шершавым штакети-нам забора, и смотрели. Виктор Николаевич втолкнул Аню в сарай и вошёл следом, закрыв за собой дверь. Почему они не пошли в дом? Аня же голодная, и замёрзла, наверное. Ей надо в горячую ванну...или хоть в душ, и поесть тоже надо... Роза устала искать ответы на мучившие её вопросы. Алла, обычно не закрывающая рта, громко сопела, не произнося ни слова.

Из сарая Фомушкин вышел один. Постоял у двери, вздохнул (у него это получилось в несколько приёмов, словно он задыхался) и ушел в дом. Дождавшись, когда за ним закроется дверь, девчонки юркнули в переулок, к которому при-мыкала стена сарая. В крепких, плотно подогнанных досках не нашлось ни одной щели. Роза приложила ухо к шершавой стене и слышала тихие всхлипы.

– Побил... Он её избил! Ал, что делать будем? – Роза обернула к подружке залитое слезами лицо, и Аллочка поняла, что она плачет, уже давно. Забыв, что Алла умственно отсталая и учится в спецшколе, Роза с надеждой всматрива-лась в её лицо. Может, Алла подскажет, что теперь делать?

Алла не обманула её ожиданий

– А тут и думать нечего. В милицию надо, и в трамвай-ный... в трамвопункт, показания снимать. Я видела, в кино. Аньку у родителей заберут и в детдом отправят, а мы к ней

будем приходиться, – увлечённо тараторила Алла. И вдруг замолчала, о чём-то вспомнив. – Роз, а может, не надо Аньке в детдом? Дядя Витя плакать будет...

От злости у Розы высохли слёзы.

– Какой он тебе дядя Витя? Что ты несёшь? Нет, ты всё-таки дура. Дубина. Плакать он будет, как же... Это Аня из-за него будет плакать.

– Вот вы где! Ночь-полночь, а вы орёте на все дачи... – Анна Дмитриевна ухватила внучку за руку. – идём домой. Розочку проводим, и домой. Нечего вам тут делать, без вас разберутся...

Алла послушно тащилась за бабушкой, держа за руку Розу, с которой ей почему-то расхотелось ссориться. Они остались вдвоём, поняла Алла. А Роза не поняла, и верила, что дружба сильнее обстоятельств, так ей говорил папа, а папа никогда не врёт.

Глава 16. Смягчающие обстоятельства

Виктор Николаевич Фомушкин, следователь генпрокуратуры, который на службе никому не давал спуска и никого ни о чём не просил, а только требовал, – грозный неуступчивый следователь завёл дочь в сарай и, отпустив её руку, тихим голосом попросил:

– А теперь скажи, чего ты испугалась? Ты думаешь, я не понимаю, что тебя стрелочником выбрали, зачинщицей, потому что тебе четырнадцать, а подружкам твоим по десять. Думаешь, не понимаю? Ответь мне честно, чья была идея? Даже если твоя. В принципе, идея неплохая, и картошку вы не воровали, вы же думали, она ничья. Набегались-наплавались, проголодались, а домой не хотели идти... – говорил Виктор Николаевич, и Аня изумлённо на него уставилась.

– Смягчающих обстоятельств более чем, на сто пятьдесят восьмую не тянет (Уголовный кодекс РФ, статья 158 «Кража»), это семь двадцать семь КоАП, мелкая кража (Кодекс РФ об административных правонарушениях, статья 7.27 «Мелкое хищение»), административный арест на срок до пятнадцати суток либо обязательные работы на срок до пятидесяти часов. А вы больше отработали. И следовательно, Пилипенкам ничего не должны.

Тэ-ээк... Что мы имеем? Эксплуатацию детского труда

до четырнадцати лет. А это уголовно наказуемо, это статья. Так чья была идея?

– Алла картошку нашла, за черёмухами. А я очень кушать хотела, а домой не хотела, ещё семи не было, я и согласилась копать. А Роза не хотела... то есть, копать не хотела, а есть она тоже хотела. И Аллочка. Мы все хотели... – запуталась в «признательных показаниях» Аня.

Виктор Николаевич Фомушкин, следователь генпрокуратуры с приличным стажем и длинным послужным списком, явственно ощутил, как мозговые извилины в его голове вздрогнули и недоумённо переглянулись. В таких неординарных случаях выход один – сбить своего «визави» с толку.

– I don't claim to know what you're going through but whatever it is, it's not worth dying for.

– А я хотела... – чуть слышно ответила Аня. – И домой не пошла, с Аллочкой. Она... она котлеты принесла.

Сбить с толку не получилось.

Виктор Николаевич с опозданием сообразил, что сморозил несуразное: «Я не утверждаю, что понимаю, каково тебе было, но чтобы там ни было, умирать не стоит» /Брэдфорд/.

– Даже если ты инициатор... Что ж ты мне не рассказала, я же следак! Какой-никакой, а с юридическим образованием. Вот же сукины дети, опэгэ нашли (ОПГ – организованная преступная группировка), судилище устроили детям. Это ещё разобраться надо, кого надо судить и за что. Сто пятидесятая УК налицо (уголовный кодекс РФ, статья 150 об

эксплуатации детского труда), восемь-восемь КоАП налицо (Кодекс РФ об административных правонарушениях, статья 8.8. о нецелевом использовании земельных участков) – перечислял Фомушкин, загибая пальцы. – Ничего, дочка, мы им перцу под хвост насыплем.

– Восемь-восемь это что?

– Восемь-восемь это статья, дочка. Самозахват земли частным лицом.

– Ничего они не захватывали, они картошку посадили. И черёмухи не рубили, только кусты. Это общая земля, значит, и их тоже. У них участок четыре сотки, а взносы платят такие же, как все, и целевые – как все, – резонно возразила отцу Аня. – Пап... не надо их судить, ладно?

Виктор Николаевич, не ожидавший такого от дочери, резко сменил тему.

– Я что сказать хотел... Ты виновата, все трое виноваты, и ты об этом знаешь. А за поступки надо отвечать, а не в лес убегать, как заяц. Неужели ты подумала, что мы с мамой тебя не защитим? Мы чуть с ума не сошли, пока тебя искали! Всё СНТ на уши поставили!

– Она мне не мама, – перебила отца Аня. – Она мне никто. Вырасту и уйду от вас. И вам не надо будет меня защищать.

– Оба-на! Не мама. А кто же она тебе, мачеха что ли? Мачеха бы по тебе не плакала, убежала и ладно, пусть её там волки съедят. А у Аглаи с сердцем плохо стало, да и меня, честно сказать, прихватило, чуть не умер.

– Better would die, – прошептала Аня. И заплакала, уткнувшись лицом в колени. Отец попытался поднять её на ноги, но Аня вцепилась руками в шведскую стенку и замотала головой:

– Пусти! Не трогай меня! Ненавижу вас! Вы меня не любите, ты и мама!

Виктор Николаевич опешил, но не обиделся. Он и не такое видел, и не дай Господи дочке знать, что ему приходилось видеть... Это нервы. Нервный срыв. Допекли девчонку, сволота калиновская.

– Пойдём, там мать ужин приготовила, ждёт, а мы с тобой разговоры разговариваем... Пойдём.– Фомушкин взял дочь за руку.

Аня вырвала руку и вцепилась в шведскую стенку, как упавший за борт вцепляется в верёвочный штормтрап.

Виктор Николаевич погладил дочь по голове и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Аня ждала, что он останется. И скажет, что она не права и что он её любит. И Аглая, которую она называла мамой. А её настоящая мама умерла пять лет назад, диагноз – черепно-мозговая травма, не совместимая с жизнью. На похороны девятилетнюю Аню не взяли, и попрощаться с матерью не дали, не надо девочке на такое смотреть.

Уже тогда, в свои девять лет, Аня знала, что в маминой смерти виноват отец. Молчаливо сидевшие за поминальным столом мамыны дальние родственники, выйдя из подъезда,

развязали языки, а окно Аниной комнаты на втором этаже было открыто. «Её из-за Виктора убили, посадил ни за что или срок пожизненный кому-то обеспечил, вот и отомстили» – услышала Аня. И помнила до сих пор, не могла простить. Хотя Аглаю приняла спокойно: а куда деваться?

Аню не обижали – ни отец, ни мачеха. Не наказывали за разбитый папин любимый бокал или принесённую из школы двойку. С кем не бывает... За бокал попросит у отца прощения, за двойку – мать засадит за учебники. А вот нарушение установленного родителями регламента (тройка в четверти, недопустимое поведение или возвращение с улицы позже семи вечера) грозило серьёзными «санкциями». Прощения просить бесполезно.

Выкопанная пилипенковская картошка – это не просто нарушение регламента и не статья 213 «Мелкое хулиганство» (хотя картошка была мелкая), это гораздо серьёзней, размышляла Аня сидя в шалаше под «волшебной» елью. Это называется воровство, а «не знали» и «не хотели» в расчёт не принимаются. Незнание закона не освобождает от ответственности, Аня в курсе, дочка следователя, как-никак.

Нет, домой идти нельзя, собрания ей не простят. Может, загадать желание, чтобы простили, не наказывали, и волшебная ель его исполнит? Если бы на самом деле было так... Ей вдруг захотелось закрыть глаза, чтобы мир исчез, и ничего бы не было, и Ани тоже не было, и она не сидела бы здесь одна и не знала, как жить дальше... Better would die. Better

would die! (англ.: лучше бы я умерла).

«Там, где всё слёзное море выпито до дна,

Будет идти война.

Живые будут завидовать мёртвым,

А мёртвые будут завидовать тем,

Кого ждёт смерть.

Тем, кто ищет её в облаках.

Мёртвые знают, как легко умирать.

А живые боятся остаться в дураках».

(Эдуард Старков Рэдт, 1969 – 1997, рок-музыкант и поэт, покончил жизнь самоубийством 23 февраля 1997 года в Санкт-Петербурге).

Глава 17. Послевкусие

Она не знала, утро сейчас или уже вечер, не помнила, как пришла домой, кажется, её привёл отец. Втолкнул в сарай, вошёл следом и закрыл за собой дверь. Аня привалилась спиной к стене и сползла на пол. Она не станет просить прощения. Просить прощения бесполезно. А за поступки надо отвечать.

Виктор Николаевич смотрел на Анино бледное лицо, на распухшие от слёз глаза и распухшую от удара щёку. Ей плохо. Ей очень плохо. А он её ещё и ударил. Не удержался. Это тебе не с подследственными разговаривать, – осадил себя Фомушкин (который, к слову, рукоприкладством на службе не занимался, давил «клиентуру» корректно и вежливо, оперируя неопровержимыми фактами и не допуская грубости и фамильярности). – Это ребёнок. Твоя дочь. Которая тебя должна любить, а она боится.

Виктор Николаевич опустился рядом с дочерью на деревянный чисто вымытый пол (Аглая мыла каждый день, выливала ведро воды и собирала чистой тряпкой, отжимая её в ведро) и обнял Анины угловатые плечи: «Ну и чего ты испугалась? Поду-уумаешь, собрание собрали. И колосились два часа кряду. Общественных обвинителей до х... ммм, до хрена, вот про защитников как-то забыли. Ну ты чего, дочь? Я всё-таки следователь, какой-никакой. Справимся. Кого и за

что судить, это с какой стороны посмотреть. А за картошку деньги заплатим, и забудем это всё.

Фомушкин говорил с дочерью мягким доверительным тоном, забывая о том, что она прочитала всю имеющуюся в их доме юридическую литературу от корки до корки. Видя в следователе человека, переживающего вместе с ним, обвиняемый проникается к нему доверием и идёт на контакт. По механизму зеркальности допрашиваемый "заражается" эмоциональным состоянием следователя. Аня об этом читала. Контакта не будет, на работе у себя контакты будешь устанавливать.

Аня подняла на отца глаза и ровным голосом (тон следователя должен быть эмоционально спокойным) твёрдо выговорила: «Замылин, Тактико-психологическое основы допроса в конфликтной ситуации. Исаева, Тактические особенности допроса женщин. Авторефераты диссертаций».

Виктор Николаевич замолчал, остановившись «на скаку». У него есть четыре секунды, дольше паузу держать нельзя. Контакта не будет, вину «обвиняемая» признала, «следователь» ей не нужен, нужен адвокат. Фомушкин улыбнулся. Они с Аглаей уже всё решили. Такой подарок Ане и не снился. Сейчас бросится на шею... или хоть спасибо скажет.

– Осенью в Англию поедешь, в колледж. Нечего тебе здесь делать, нашла, понимаешь, компанию... Нечего тебе с ними. Я об этом позабочусь, дочь.

На шею отцу она не бросилась. Не поблагодарила даже.

Ничего, ничего. Это просто реакция на стресс, завтра будет прыгать от радости и вещи собирать. – думал Фомушкин.

Ишь, заботливый, – неприязненно думала Аня. – и наказывать не стал, хотя есть за что, и в Англию отправит... А меня ты спросил?! Не нужна мне твоя Англия, как я там одна буду, ни подружек, никого.

Аня не обиделась на отца за пощёчину, хотя щека болела и горела до сих пор. Пощёчина заработана честно. Она обиделась за его равнодушный тон, за наигранное веселье, за... Он даже не понял, как ей плохо, как больно, и не хочется жить. За калитку теперь не высунешься, все на неё пальцем показывать будут – смотри, смотри! вон воровка пошла...

А почему собственно ей не поехать в эту Англию, с её почти свободным английским? Там её никто не будет любить, но ведь и здесь не любят. Аглая не в счёт, Ане она чужая. Хорошая, заботливая, но чужая. И забота – чужая, равнодушная. Аглая не в счёт. А отец... Он даже не спросил, не замёрзла ли она, ночью, в сарафанчике... Потому что ему всё равно.

С холодом Аня смирилась, стерпелась, а вот со страхом совладать не могла. Она устала бояться – одна, в чёрной пугающей тишине «волшебного» шалаша, который ночью во все не казался надёжным убежищем, ведь кто угодно может раздвинуть еловые ветки и войти...

В шуршащей и шепчущей лесной тишине ей чудились чьи-то шаги, сначала едва различимые, потом всё ближе,

ближе... Обмирая от страха и сжавшись в комочек, Аня ждала утра – которое ничего не изменит, ничего не исправит, оставит всё как есть. Утром съела Аллочкину котлету.

Алла прибежала к ней поздно вечером, когда тропинка через вырубку утонула в серых сумерках, а в лесу совсем стемнело. Выложила перед изумлённой Аней пряники и котлету, за которую Алла извинилась, что холодная, и ёжась от ночного холодка, долго уговаривала её вернуться и переночевать у них с бабушкой.

Она не вернётся, останется под волшебной елью, под которой сбываются желания. Будет собирать ягоды и орехи, а потом... Аня не успела додумать, заснула, вытянувшись на рыжей хвое, пахнувшей ёлкой и новым годом. И не слышала, как кричали Аглая с отцом, которые прошли мимо елового шалаша, не заметив его. Аглая даже споткнулась о ветку.

...Отец всё говорил и говорил – что он всё понимает, что надо это пережить и что он ей поможет с этим справиться. А ей хотелось в душ, и стоять долго-долго, и чтобы от воды шёл пар. И есть хотелось. И чаю. Горячего-горячего.

Мама бы её простила. Не спрашивала бы, чья идея и кто начинщик, а простила – сразу, за всё, навсегда. Если бы с ней была сейчас её мама, если бы её не убили, она бы накормила Аню, уложила спать, укрыла одеялом... Так хочется спать, и чтобы мама сидела на краешке кровати.

Мама всегда так сидела. А потом целовала её, спящую, и уходила, оставив зажжённым ночник. Так было всегда, пока

у неё была мама, а Аня была маленькой. А в девять лет стала большой, пришлось стать. Отец так и говорил: ты большая уже...

Если бы он её любил, то сейчас сидел бы с ней рядом и утешал, и гладил по волосам. А он перечислял статьи уголовного кодекса и строил планы мести. Почему он её не любит? Никто не любит. Слезы, выплаканные досуха в лесу, вдруг подступили к глазам.. Никто не придёт её утешать. Никто.

В темноте сарая тренажёры казались призраками – гакк-машина, гравитрон, скамейка для пилатеса, степпер, беговая дорожка... Призраков Аня не боялась, они были свои, были друзьями, и темнота была своей, домашней.

Аня вытерла слёзы и встала на степпер... На тренажёрах она занималась до полной усталости, после которой ни на что не остаётся сил, тяжело держать глаза открытыми, тяжело даже думать.

«Всё, больше не могу. Так хочется спать...»

Аня легла на беговую дорожку и закрыла глаза. И не слышала, как пришла Аглая, подсунула ей под голову подушку и укрыла одеялом.

* * *

К Бариноковым Аня больше не приходила, на «барщине» не появлялась. За картошку Фомушкин выплатил Остапу требуемую сумму, о размере которой с увлечением судили-рядили калиновцы.

После инцидента с картошкой Фомушкин поставил вме-

сто штакетника сплошной забор из профильного металлического листа, и заглянуть за калитку не получалось. О заборе судачили все соседи, равно как и о семействе Фомушкиных.

За забором было тихо, словно там никто не жил. Аглая Петровна на улицу почти не выходила, но женщины (ох, уж эти женщины!) нашли выход: караулили Аглаю у ворот – и дождавшись когда она отправится в деревенский продмаг, как бы невзначай шли в ту же сторону. Сетовали на погоду, кляли на чем свет стоит председательшу СНТ (Аглая молчала) и, сочтя вступительную часть достаточной, заводили «душевный» разговор. Аглая вежливо улыбалась и отмалчивалась, хотя вопросы задавали, что называется, в лоб.

– Вы в магазин? А что ж одна-то? Вон у вас помощница какая вымахала, помогла бы сумки донести.

– Донесу. Ничего. Сами потом скажете, что дочку не жалею, сумки таскать заставляю.

– Уж вы жалеете... Взперти девчонку держите, как в тюрьме. Отпустили бы погулять.

– На участке погуляет. Нечего ей на улице делать. Нам пилпенкиной картошки хватило, – обрывала разговор Аглая, и тут уж нечего было сказать.

Так ничего и не добившись, женщины оставили Аглаю Фомушкину в покое. И только Алла с Розой каждый день караулили в кустах у забора, дожидаясь, когда Аня с мачехой отправятся на ферму. Аглая Петровна натянуто с ними здоровалась, Аня молча кивала. Девочки пробовали увязаться

следом, но разговора не получалось.

– Ань, ты приходи завтра к нам, – приглашала Роза. – Ты же к нам каждый день приходила, а сейчас... не хочешь?

– Не хочу.

– Может, ты обиделась за что-то? Так скажи, – не унималась Роза.

– Что вы привязались к ней, слышали ведь, не хочет она, – обрывала Аглая Петровна начатый разговор. – Шли бы вы отсюда, нечего тут каждый день высиживать. Спрячутся, как воровки, под кустом, и сидят, людям на смех.

При слове «воровки» девочки густо краснели и исчезали. Аня с сожалением смотрела им вслед.

Глава 18. Когда лютеране читают хадисы

В предпоследний день августа (который пришёлся на пятницу, а первое сентября будет в воскресенье, занятия в школах начнутся со второго) к Бариноковым пришла Вика Пилипенко. Отдала Эмилии Францевне плеер и потребовала: «Проверьте, как работает. А то скажете потом, что я сломала». Поразившись такой предусмотрительности, Эмилия всунула в уши наушники и тут же их выдернула, услышав арабскую «кунту-майтан». Вика ухмыльнулась. Ей было жаль расставаться с музыкой, которой она никогда не слышала и которая ей очень нравилась.

Чермен был мусульманином. То, что его тёща лютеранка, его нисколько не смущало. Более того, Чермен не отрицал существования Девы Марии и Иисуса Христа.

– Так если ты веришь, что Он был, почему же ты в Него не веришь? – не выдерживала Эмилия.

– Аллах существовал всегда. А Христос родился две тысячи лет назад, прожил на земле тридцать три года и вознёсся на небо, и стал пророком, – соглашался Чермен с говорливой тёщей, вот же дал аллах язык... – Аллах видел, он тогда уже был. Он всегда был, а Иса только последние две тысячи лет – говорил Чермен, поглядывая на жену, которая только улыбалась, благоразумно не вступая в переговоры.

– Пфуй! Какой он тебе Иса? Иисус! – не выдерживала Эмилия Францевна.

– Ну, так я и говорю, Иса, – улыбался довольный Чермен. – Пророки во всех религиях одни и те же, только зовут по-разному. У вас Иисус, у нас Иса, у вас Моисей, у нас Муса, у вас Елисей, у нас Аль-Иса...

– А Иоанн Креститель?

– Иоанн Креститель это Яхья. Одни и те же люди. Пророки. Пророков много, Всевышний один.

У Эмилии Францевны опускались руки. Зять с ней не спорил, соглашался, но выворачивал всё по-своему. Ладно, главное что верит, значит, правильный человек. И со мной уважителен, зовёт всегда по имени-отчеству, и Ингу мою без памяти любит, утешала себя Эмилия. Она звала зятя сынком и любила материнской любовью, которой ему недоставало всё детство.

Вику она вытолкала за порог, сунув ей в руки плеер со словами: «У Розочки забрала, ей и отдашь. Они завтра придут».

Вика пожала плечами и ушла.

Эмилии вдруг вспомнилось, как расстроился Чермен, вернувшись с собрания. Откупорил бутылку ирландского виски, стоявшую в баре среди множества пузатых экзотических бутылок (в винах Чермен разбирался, что попало не пил). Молча налил, и выпил тоже молча. Переживает, поняла Эмилия. И поспешила в кухню за закуской.

– Ты бы присел, сынок, что ж ты стоя пьёшь, тебе ж нельзя (прим.: в хадисах говорится, что нельзя принимать пищу и пить воду стоя. О спиртных напитках в хадисах не упоминается, но конкретного запрета на алкоголь нет. Коран Эмилия прочитала из любопытства, и с удивлением поняла, что он ни в чём не противоречит её убеждениям).– На-ка вот, поешь. Ничего, ничего... Обойдётся всё, пошумят и забудут. Наша-то Розочка чужой огород не копала, отца не позорила.

Чермен согласно кивал. Хорошая у него тёща. Кораном его попрекает, вот – надо же! И не поспоришь. Правда, в Коране говорится о воде. Но он же не фанатик, он нормальный мужик, а все нормальные мужики пьют виски. И зачем люди про тещ небылицы рассказывают, зачем врут? Или это ему так повезло... С братом повезло, с тещей, с женой, с дочерью...

– Садись, мать. Не чужая ты мне, что ты всё сторонишься? Посиди со мной, мне легче будет... И бутылку убери. Давай, что там у тебя... Посидим.

Эмилия Францевна подавила вздох. Зять ушел с собрания победителем. А ведь – хотели сломать. Приструнить. Пристыдить. Да не получилось. Получилось – с Фомушкиным, который покинул собрание сам не свой... Как ему сейчас тяжело, не знает никто. И Остапа оскорбили ни за что. И девочкам устроили судилище. А ведь можно было решить всё миром!

Эмилия побрызгала в лицо водой, прогоняя воспомина-

ния, и поспешила в кладовку: завтра они приедут, в холодильнике ещё осталась баранина, она приготовит хинкалы, которые так любит Чермен, нажарит ароматных беляшей, которые обожает внучка... И будет праздник!

Глава 19. Музыка красок

За плеером отправились вдвоём. Перед калиткой Роза остановилась и со страхом посмотрела на отца: как-то их примут... Чермен ободряюще улыбнулся и распахнул калитку.

– А где твои? Опять не приехали? – по-свойски спросил Чермен, и Вика – заносчивая, наглая, невыносимая и какая там ещё... – обрадованно затараторила, словно Чермен был её приятелем:

– Они к дедушке поехали, в санаторий, он там соскучился один, вот и поехали навестить. Завтра вечером приедут.

Вечером... Девчонке в понедельник в школу, а мать приедет в воскресенье вечером, и конечно, останется. Вика поедет домой одна, и всю неделю будет жить одна, до субботы. Нехорошо это, неправильно. – подумал Чермен.

Вика, как гостеприимная хозяйка, предложила гостям осмотреть дом. А посмотреть здесь было на что: искусно вышитые рушники, массивный комод на гнутых ножках, стулья с затейливыми узорами на спинках, стол из деревянных плах медового цвета.

От столешницы, казалось, пахло соснами. Не удержавшись, Роза наклонилась, и забыв что она в чужом доме, вос торженно завопила: «Папа! Иди понюхай, стол лесом пахнет!» Чермен с улыбкой наклонился над столом. Отскоблен-

ные до масляного блеска доски и вправду пахли сосновой смолой. Ручная работа. Вся мебель сделана своими руками, понял Чермен. Если бы калиновцы это увидели, засыпали бы Остапа заказами...

В углу Роза обнаружила лестницу, ведущую на чердак. Интересно, что там? Она хотела спросить у Вики разрешения, но передумала (вдруг не разрешит, и Роза никогда не узнает, что там, наверху). Взбежала по скрипучим ступенькам, которые словно напевали мелодию. Несмело толкнула единственную дверь...

Об архитектурном приёме, когда задумана асимметрия фронтона и помещение мансарды сдвинуто к одной стене (один скат крыши с изломом, а другой прямой), Роза не знала. И теперь удивлялась: под ломаной крышей из грубо оструганных досок стоять в полный рост можно было только у одной стены, от пола до потолка густо завешанной натюрмортами, пейзажами и портретами в простых деревянных рамках и вовсе без рам.

Висящие на тонких верёвочках, стоящие вдоль стен, сложенные аккуратными стопками, картины были нарисованы (или написаны, Роза не знала, как правильно сказать) неизвестным художником на холсте, на картонках от обувных коробок, на обрезках фанеры...

Роза осторожно потрогала масляно блестящий холст, шероховатый от густо наложенных красок. Да это же... это же луг! Она его тысячу раз видела из окна и не представляла,

какой он красивый! А вот калитка! И черёмушник! И дорога, по которой хочется идти, вот прямо сейчас – встать на неё и пойти... Интересно, куда приведёт её нарисованная дорога? Может быть, на станцию, где задорно свистят электрички, требовательно гудят скорые поезда, гроыхает порожняк, и дежурный по станции объявляет «Осторожно, поезд!»

Дорога была настоящей, с желтеющими на обочинах ромашками и пыльными листьями подорожника. Пыль тоже была настоящей – бежево-белёсой, тёплой на ощупь. Как у неё получилось – нарисовать нагретую солнцем дорожную пыль, которая всегда светлее дороги, бежевая или сливочно-белая, с едва уловимым сиреневым оттенком... Как ей это удалось?

Здесь же стоял складной мольберт с наброшенным на него выцветшим покрывалом. Роза стащила покрывало и застыла в немом изумлении: с портрета на неё смотрели глаза отца – живые, настоящие! Портрет был выполнен углём, небрежно, свободно, раскованно. Но это был он, и улыбка его – чуть обозначенная, с хитрецей. Портрет Чермена Баринокова. Похож, но это не Розин папа, что-то у Вики не получилось... Или всё-таки – получилось?

Роза запуталась, узнавая и не узнавая отца. Портрет словно жил своей жизнью. Глаза смотрели выжидательно, в углах губ пряталась усмешка, такая знакомая, такая... папина!.

Роза осторожно опустила покрывало и перевела дух. Стояла – вбирая, вкушая, впитывая в себя музыку красок, ощу-

щая всем существом незримую ауру этого мира, созданного рукой художника. Вика?.. Неужели это она – так рисует? И этот необыкновенный мир, из которого не хочется уходить, в котором хочется остаться, этот мир создан её воображением, её рукой.

Снизу позвали: «Эй, вы там где? Идите чай пить, у меня всё готово!» – «Я сейчас!» – крикнула Роза. И не ушла, осталась в волшебном, магическом мире картин.

Южный маленький городок, оглохший от полуденной горячей тишины, раскинувшийся в ленивой истоме. Дом с ослепительно белыми стенами, весь облитый солнечным светом. Чисто выметенный зелёный дворик. Развешанные на верёвке разноцветные детские платица, штанишки и рубашки. На распялке сушилось чьё-то пальто. Выбеленная солнцем, вышарканная подошвами дорога поворачивала от дома налево. Наверное, к другим таким же домам с тенистыми двориками, обещающими уютную прохладу... А может, дорога вела к морю, которое – совсем близко, ворочает тяжёлые зелёноватые валы, лижет тёплые камни...

Роза подошла поближе – и ахнула. Стена дома вовсе не была белой! Выписанная беспорядочными, хаотически расположенными цветовыми пятнами, она была – палевой, желто-лимонной, грязно-розовой, серо-горчичной, салатно-лимонной... И только белого цвета не было в этом хаосе красок, в этой мешанине цветов. От неожиданности Роза попятилась – и дом как по волшебству снова стал белым, отражая

солнечные слепящие лучи.

Солнцем было пропитано всё – дом, двор, дорога с пирамидальными высокими тополями... Ой, что это? Дорога прямая как стрела, и смотрит прямо на неё, Розу! А ведь сворачивала влево, Роза помнила! Не понимая, в чём тут секрет, она осторожно приблизилась к картине на два шага. Дорога больше не изгибалась, она вела прямо к дому.

Роза подошла к картине вплотную. Висящие на верёвке платица, кофточка и брючки потеряли свои очертания, превратились в бесформенные пятна, ничем не напоминающие одежду. Заинтересовавшись, Роза попятилась, и розовые и зеленые небрежные мазки в тот же миг стали платьями, штанами и рубашками, а чёрное размытое пятно превратилось в пальто. Или шубу!

Но это было ещё не всё, чудеса продолжались. Дорога изменила направление и теперь сворачивала вправо – вслед за Розой, идущей вдоль стены... словно приглашала её вернуться!

А вот ещё один пейзаж – цветущий куст с неизвестным названием, значившимся под рисунком. Куст утопал в густой холодной росе (которую неведомый художник как-то исхитрился нарисовать, и она получилась холодной!). Фоном служило розовое утреннее небо. Солнце ещё не поднялось, всё вокруг сверкало росой – земля, трава, цветы... Куст словно бы наслаждался, каждым листочком, каждым розово-лиловым цветком жадно вбирая в себя росу. Да он же живой! Он

же дышит! – подумала Роза.

За её спиной негромко сказали:

– Это Крым. Мы с мамой там отдыхали, две недели. Я мало успела написать, краски долго подбирала. Там всё другое – звонкое, яркое, другая палитра нужна. Пока разобралась, пока научилась краски смешивать... Это всё что написала, две картины всего, – с сожалением сказала Вика.

Роза отдыхала на море каждый год, – в Испании, в Греции, в Черногории, а в прошлом году на Гоа.

– А почему только на две недели?

– Потому что у нас денег нет.

Вот, значит, как? Оказывается, Вика вовсе не богачка, какой её считали в «Красной Калине».

– На трёхэтажный дом хватило денег, а на Крым не хватило? – лягнула Роза. И испугалась: Вика обидится, и вообще, разве можно такое говорить, разве так ведут себя в гостях?

Не глядя на Розино красное от стыда лицо, Вика грустно кивнула:

– Не хватило. У дедушки рука парализована, бабушка болеет, мама за ними ухаживает и ещё работает, в архитектурной мастерской, но там копейки платят... Папа тоже работает, но мы ведь участок купили, дом построили, и квартиру снимаем в Загорске. Думаешь, мы миллионеры? Думаешь, мы картошку для красоты посадили? И огород...

Викин дедушка, профессор кафедры реставрации монументальной и декоративной живописи, член секции скульп-

туры Московского Союза Художников, был когда-то в фаворе. Вот именно – когда-то. За восемь лет, которые он прожил, не пробуя взять в руки инструмент (парализованная правая рука не работала и даже не слышала прикосновений), о Мацковском благополучно забыли...

Вика сама не понимала, зачем она рассказывает об этом сопливой малолетке, которой нравились её картины. Нравились так, что Роза даже не спустилась к столу, и за ней пришлось идти наверх...

Роза вихрем скатилась по лестнице, прихватив с собой стопку акварелей.

– Это тоже твоё? Эти картины.

– Это не картины, это домашние задания, нам в художке задавали. Тебе нравятся? Если хочешь, возьми одну.

– Подожди... Это же ты! Сама себя нарисовала?

– Сама. В зеркале. Ещё акварели есть, сейчас принесу. –

Вика исчезла и через минуту вернулась с папкой в руках.

У Розы загорелись глаза. О плеере, висящем у неё на шее, она забыла. И жадными глазами смотрела на акварели...

– Тебя в художке научили так рисовать? Это трудно?

– Не очень, – усмехнулась Вика.

– Меня научишь? Я тоже хочу – писать акварели, у меня краски есть, и альбом, только у меня ничего не получается, мазня выходит, – призналась Роза. Вика с Черменом улыбнулись и посмотрели друг на друга. Чермен чуть заметно кивнул.

– Научу, что с тобой делать, ты ж теперь не останешься...

К чаю Вика подала творожное печенье, которое испекла в жарочном шкафу. Роза откусила и зажмурилась от удовольствия. Надо папе сказать, чтобы шкаф купил, который такое печенье печёт, вкусное-превкусное!

– Сама пекла? Ты и печь умеешь... Меня научишь?

Чермен отметил, что вопрос прозвучал риторически. «Наша кровь, Бариноковых, просит как приказывает, заведомо зная, что всё получит...»

– Пап, ты зачем смеёшься? Не веришь, что научусь? Не веришь? – надулась Роза. Лицо у Чермена сделалось расстроенное: обидел дочку ни за что, надо следить за мимикой, да как тут уследишь, когда рот набит хрустящим, тающим во рту печеньем (татарские творожные эпочмаки, и кто её научил их печь, вот мастерица какая!), и губы улыбаются сами собой...

Поймав его одобрительный взгляд, Вика улыбнулась.

– Уроки рисования и кулинарии? Тариф будет двойной, – полушутя-полусерьёзно предупредила Вика..

– Тройной, – то ли в шутку, то ли всерьёз пообещал Чермен.

О том, что Чермен платил Вике за уроки рисования, не знали даже Викины родители.

Глава 20. Потомки атлантов

Ады́ги, или черкесы (самоназвание – адыгэ) – общее название народа, разделенного на кабардинцев, бесленеевцев, черкесов, темиргойцев, бжедугов, шапсугов и абадзехов(абхазов). Есть все основания полагать, что адыги– прямые потомки древних атлантов. Роза об этом знала, и гордилась отцом.

Мальчиком он прошёл адыгскую школу воспитания, которая научила его выдержке и храбрости и была практически идеальной, но не годилась для девочки с нежной кожей и таким же нежным, чувствительным сердцем. Чермен отдавал себе отчёт в том, что женщины изначально слабее мужчин. Это заложено в них природой, это ничем не исправить. Но можно подкорректировать.

В воспитании дочери Чермен использовал методы, скажем так, не одобряемые детскими психологами, педагогами и педагогинями, и прочими «воспитателями». Пресловутую политику кнута и пряника Чермен заменил «пряниками». То есть, материальным поощрением успехов, достигнутых каждодневным трудом и потому материально весомых (подарки были дорогими, и даже баснословно дорогими, но их надо было заработать).

Обучая девочку корейскому таэквондо и черкесской «банэ», Чермен проводил занятия в виде игры, в нацио-

нальных традициях физического воспитания. Не упрекал за неуклюжесть и усталость. И никогда не унижал, ни в коем случае: останется на всю жизнь и непоправимо снизит самооценку.

Комнату, служившую тренажёрным залом, Инга в шутку называла игровой: на тренажёрный зал она походила меньше всего, ни спортивных снарядов, ни даже шведской стенки. Название прижилось. Чермен так и говорил – пойдём в игровую, поиграем. В его детстве не было беговых дорожек и навороченных тренажёров, так зачем усложнять дочке жизнь? Обойдёмся своими силами.

«Своими силами» обходились на втором этаже, где кроме «игровой» были ещё две комнаты детская и гостевая. Чермен хвалил дочку не жалея слов, стараясь говорить погромче, чтобы слышала бабушка, которая жарила в кипящем масле ароматные беляши. Запах поднимался с кухни в «игровую», щекотал ноздри и заставлял сглатывать слюну. Запах был беспощаден. Как и Чермен.

– Ничего, дочка, ещё немного, и пойдём есть беляши. Ты сегодня молодец, хорошо постаралась, ещё немного постарайся и пойдём.

– А сколько немного? Я уже не могу.

– А-аа, вот ты и попалась! На штрафную скамью – шагом марш!

(«Не могу», «не получается» и «я боюсь» были штрафными словами, за них полагался штраф в отжиманиях, присе-

даниях, «планке» и прочих радостях жизни.

Роза, пыхтя и отдуваясь, отработывала неосторожно сказанные слова, Чермен громко удивлялся и цокал языком.

– Оба-на! Молодец! И это делает моя дочь? Любая девчонка давно бы сдохла... Медленно, Роза, медленно, это надо делать медленно.

– Медленно я не могу, могу только быстро... Ой! Пап! Это не считается, это провокация!

– Что за слова знает моя дочь... какой начитанный ребёнок! Как не считается, очень даже считается, «не могу» сказала второй раз. Сказала? Или мне послышалось?

– Ска... за...

Физическая форма Розы, скажем так, оставляла желать: пухленькая (бабушка кормила на убой), маленькая ростом, слабенькая на вид девчушка. Потому и отдали в студию современного танца: аппетит хороший, а двигается мало, раздельное питание не помогает, а в студии обязательная диета, и взвешивание каждую неделю, и гастролы – для тех, кто не ленится и у кого «получается».

У Розы загорелись глаза. Появился стимул, появилась мечта. К десяти годам она выправилась, выпрямила спину, голову держала гордо, но по-прежнему оставалась пухленькой. Не морить же ребёнка голодом? Инга махнула на дочку рукой. Чермен – не махнул. И добивался своего, действуя вразрез с традиционными методами и правилами. Бариноков хвалил дочку не уставая, превращая сомнительные успехи в

блистательные победы, а неуклюжие движения – в уверенные и сильные. За каждое упражнение, сделанное через немогу и на последнем выдохе, он превозносил Розу до небес, и девочка старалась изо всех сил.

Инга не волновалась за дочь: она же не на силовых снарядах занимается, как Аглая. Эмилия Францевна ворчала, перевертывая беляши: «Хеквандо это треклятое, нашёл забаву для ребёнка, смотреть страшно».

Розе нравились поединки, из которых она почти всегда выходила победителем, и тренировки, на которых она была – «молодец», «спортсменка» и «умница», ей тоже нравились. Ну, или почти нравились. Вот только усталость, после которой не хотелось уже ничего...

Чермен был прирождённым актёром: охал, хватался за голову, восхищённо цокал языком, когда у неё «получалось», и увлечённо проигрывал поединок за поединком, старательно падая и морщась. Потирая ушибленное место, ворчал: «Ну и дочку я вырастил, отца родного приложила, алыхь-алыхь!» (возглас удивления и восхищения у черкесов). Скоро она меня в бараний рог скрутит, как в глаза людям смотреть буду?»

Роза устало улыбалась. Отца было жалко, вон – лежит, никак не встанет... И откуда-то появлялись силы, она поднимала его за руку, с удовольствием повторяя его же слова: «Отдохнул уже, вставай». И добавляла извинительно: «Я больше так не буду, я буду тихонько».

Чермен поднимался, по-стариковски кряхтя и пряча

улыбку. Роза хохотала, запрокидывая голову и изнемогая от смеха.

Такое неправильное, непедagogичное воспитание приносило – нет, не плоды даже, а обвальные урожаи. Детская неуклюжесть сменилась отточенностью движений, бессилие – гордостью, а страх – уверенностью в себе. В студии современного танца, куда её отдали по инициативе Инги, девочке пообещали участие в международном конкурсе. О чём она с торжеством объявила отцу.

Чермен развёл руками. И подарил дочке бассейн. Она давно просила. Но не покупать же надувной, как у всех! В нём только мокнуть, плавать не получится. И Чермен купил соседний участок, соблазнившись фундаментом и подвалом, которому нашёл применение. Бассейн был подарком из разряда запредельных. Но дочь у него одна, и она заслужила.

Вода в бассейне цветом напоминала морскую, потому что дно было выложено зелёной мозаикой, изображающей шёлковое покрывало со звёздами и хвостатыми стрелами цвета солнца. Звёзд было двенадцать, стрел – три.

Двенадцать звёзд это двенадцать административных округов Черкессии, три перекрещенные стрелы – три главенствующих княжеских рода, символ единства и миролюбивых намерений, зелёный цвет – цвет зелёных лугов Адыгеи, её покрытых лесами гор, символ жизни (ни христианства, ни ислама тогда еще не было). Жёлто-золотой – символ языческого бога Ра, бога солнца.

Зелёно-золотой флаг адыгов, потомков древних атлантов...

Чермену мозаика обошлась в круглую сумму, но он не жалел. Под толщей воды переливалась зелёным шёлком, вспыхивала солнечными звёздами его Адыгея, где осталось его детство, осталось его сердце.

– Бассейн твой, купайся сколько влезет, разрешения не спрашивай. Но учти, вода колодезная, из скважины, ей надо нагреться, – сказал Чермен дочери, уже зная, что Роза не станет дожидаться, пока согреется вода, полезет в ледяную. И Эмилия Францевна вытряхнет из него душу... Дал же аллах тещу, – беззлобно думал Чермен.

* * *

Всю осень, до самых холодов, Вика Пилипенко приходила к Бариноковым каждое воскресенье и терпеливо учила Розу рисовать. А когда выпал снег и дачный сезон закончился, Чермен нанял дочери преподавателя, к негодованию Эмилии Францевны, которая считала, что девочка перегружена «дополнительными образованиями». Роза всерьёз пугалась, что папа послушает бабушку и не разрешит ей рисовать. Чермен только усмехался. Ничего. Этот год пусть учится, посмотрим, как у неё пойдёт. А через он заберёт её из школы, и будет учиться дома. Экстернат, два класса за один год, и экзамены тоже экстерном. Чермен наймёт ей преподавателей по рисунку, будет прилежно заниматься, и всё у неё получится, и будет поступать в Архитектурный. Пусть только

попробует не поступить.

Роза о планах отца ничего не знала и с увлечением рисовала пейзажи и цветы. Больше у неё ничего не получалось. Репетитор, доцент МАРХИ (Московский Архитектурный институт), честно сказал об этом Баринокову, но тот только улыбнулся: «Не получается, значит будет архитектором ландшафтов». В том, что его дочь поступит на дизайнерский факультет, он не сомневался. Не зря же он платит «честному» доценту такие деньги...

Часть 4. Год спустя

Глава 21. Домашняя девочка

В детстве горе кажется океаном – навсегда и непоправимо. А потом солнце выглянет из-за облаков, брызнет в глаза, и снова захочется улыбаться. Потому что впереди новый день и новая радость.

Не так – у взрослых. Но они же взрослые, это как другая галактика, там всё по-другому. Мир детства от неё – невозможно, запредельно далеко. Я бы даже сказала, непоправимо далеко. И дружба в этом мире сильно отличается от взрослой. Детские клятвы в любви, заверения в вечной дружбе, обещания типа «я больше никогда...», и «буду слушаться» – даются с лёгким сердцем и честными глазами. Но им нельзя верить, даже если они искренни. Клятвы забываются, обещания не выполняются, а заверения испаряются из памяти аки бес перед заутреней.

Детская дружба не выдерживает испытания временем. Взрослая тоже не всегда выдерживает, но не исчезает бесследно, остаётся в сердце прогоревшим угольком, оплывшим кусочком пластмассы, бывшей некогда кувшином, полным молодого не выстоявшегося вина.

Перебродило, перекисло, а уксус – кто же станет пить?

С детьми такого не бывает: всё перегорает в момент и ничего не остаётся. Долгая разлука стирает дружбу как ластик-стёрка, оставляя после себя чистый лист.

Они встретились через год, когда снова наступили летние каникулы – двенадцатилетняя Роза и Аллочка, которой скоро исполнится десять. И нечего Розке воображать, что она старше. Подумаешь, на два года всего.

Выскочив из машины и взглядом испросив у отца разрешения, Роза со всех ног помчалась к Аллочке. – «Ой, ты стала длиннее!» – «Ты тоже!» – «А я алфавит выучила! И книжки сама читаю, без бабушки!» – «А я на английском умею читать, и на французском, у нас в школе два языка» – «Не ври!» – «Я не вру, я со словарём...»

После взаимного вранья и взаимных заверений в дружбе и искренности девочки побежали к Фомушкиным.

Вместо нарядного штaketника участок окружал металлический забор. Калитка оказалась запертой. На стук вышла Аглая Петровна. Лицо у неё было скорее испуганным, чем приветливым.

– Ани нет. Не приехала.

– А когда она приедет?

– Она не приедет. Она в Англии учится.

– И в каникулы? – изумилась Роза.

– И в каникулы.

Обратно они плелись нога за ногу, срывая растущие у дороги ромашки. Роза машинально обрывала лепестки: лю-

бит не любит, помнит не помнит, встретимся не встретимся. У неё получилось «встретимся». Значит, они увидятся. Ромашки никогда не врут. Но разве в каникулы учатся? Так не бывает. Ведь сейчас лето, и можно спать до девяти, и за земляничкой они с бабушкой пойдут, и купаться поедут с папой...

* * *

Вечером к Инге пришла Аглая, и они долго шептались о чём-то в беседке, где Эмилия Францевна накрыла чайный стол. Тя но ю, японская чайная церемония, улыбнулся Чермен и ушёл в дом. Он уважал чужие секреты и право на уединение.

Когда взрослые разговаривают, то нельзя крутиться поблизости, вступать в разговор, обращаться с просьбами. Это было непреложным правилом. Хочешь спросить о чём-то – спросишь потом.

Розе не хочется ждать, не хочется спрашивать. Ей бы послушать...

Эмилия Францевна прошла мимо неё, катя по дорожке сервировочный столик. Столик был пустым. Можно пойти на кухню, бабушка нальёт ей чаю, отрежет яблочного штруделя и будет с удовольствием смотреть, как она ест, откусывая маленькими кусочками (если большими – то сразу всё съешь, а ей хотелось растянуть удовольствие) и запивая душистым чаем с мятой-мелиссой, вкусно пахнущей лимоном.

Роза не пошла. Потом. Штрудель никуда не денется.

В беседке пили чай и разговаривали. Роза с невозмутимым видом уселась на веревочные качели. До неё долетали отдельные слова: «Английское произношение... лондонский акцент...». Говорили об Ане!

Роза спрыгнула с качелей, и переместилась поближе к беседке, стараясь не хрустеть гравием, которым были посыпаны дорожки. Уселась за смородиновым кустом и попросила бабушкиного Христа и папиного Аллаха, чтобы их подопечные не вышли ненароком во двор и не увидели, что она подслушивает.

– ...Устроилась в русскую семью, в пригороде Лондона, помощницей по дому, – рассказывала Аглая. – Они в Англию месяц как переехали, девочке шесть лет, по-английски говорит, но плохо, а надо чтобы – свободно. Аня с ней только по-английски разговаривает, и книжки ей читает английские, а с родителями по-русски, ей ведь там не с кем на русском общаться. Ну и по хозяйству помогает.

Аглая ждала слов одобрения, но Инга сказала совсем не то, что она хотела услышать:

– Как же она там, одна? Она у вас такая... домашняя.

– Слишком домашняя. Нелюдимая, робкая, необщительная... («Сами её такой сделали») Витя говорит, ей надо это в себе преодолеть. Вот и отправил... преодолевать. («Сказала бы я твоему Вите... А ты не сказала, промолчала. Тебе всё равно, тебе даже лучше, что её нет»).

– Она наверное, не привыкла там? Там же всё по-другому,

и еда другая, и порядки, и школа другая... Она, наверное, весь год ждала этих каникул. А вы её там оставили. Ей пятнадцать всего, а вы её гувернанткой...

– Да какая гувернатка! – перебила Ингу Аглая, принимаясь за второй ломтик штруделя. – Ммм, вкуснота! Говорю же, она им по хозяйству помогает, и с девчонкой на английском... Они с ней только по-английски разговаривают, и родители, и няня... – Аглая запнулась, поняв, что сказала лишнее.

– Няня? А Аня... она что, прислугой работает?!

– Ну, а что тут такого? Работает, ей за это платят. Ты хоть знаешь, во сколько нам её учёба обходится?! Они там, в колледже этом, все в каникулы работают, кто репетитором, кто кем.

– Кем?

– Ну... В банке информацию вводят в компьютер, с бумажных носителей. В кафе официантами, или в супермаркетах работают... Или в фирме курьером.

(«Курьером... А вы свою – домработницей!»)

– Работают, но ведь не всё лето. На путешествие себе заработают и поедут отдыхать.

– А куда ей ехать? Она и так за границей живёт, в графстве Суррей. Там воздух свежий, и этот, как его... вереск. И от Лондона недалеко, там у них всё недалеко, страна-то с гулькин нос, – умехнулась Аглая. – Да не волнуйся ты за неё («А ты – за неё волнуешься?»), там семья хорошая, они её не

обижают («Да откуда тебе знать?»), у неё и комнатка своя, и платят хорошо, за репетиторство и за уборку, и выходные дают. Стиральная машина-автомат, с программой, сама стирает, сама отжимает, досуха. Ей только бельё вынуть да погладить, да по шкафам разложить. Готовить не надо, у них кухарка своя, русская. И девочка послушная. Аня говорит, хорошая. Осенью в школу пойдёт, так что заниматься надо усиленно. Чтобы свободно говорила, падежи не путала, и запас слов был достаточный.

(Послушная. Как Аня. Будет сидеть за учебниками всё лето, а осенью пойдёт в школу, а летом у неё будут каникулы. А у Ани? Сейчас бы ходила с Аглаей на ферму за молоком, собирала землянику на вырубке, и купаться поехали бы на озеро, все вместе).

– Вы купаться-то ездите с Виктором? – спросила Инга, и Аглая удивилась.

– Ну да. Шашлыки жарим на Барских прудах (прим.: бывшая усадьба купцов Гребневых, г. Фрязино Моск. обл. Красивая усадьба, красивая природа, и много воды). Вчера на Торбеево озеро смотались, вода тёплая, мягкая, я прям душу отвела, и Витя тоже. Он устаёт сильно, домой приезжает совсем никакой. Ему отдыхать надо.

(Ну да, ну да... Отдыхать надо, и Виктору, и Аглае, и Ане, о которой Аглая рассказывает как о постороннем человеке. Которую оставили в Англии, хотя могли бы забрать домой. В чужой стране, в чужой семье, и неизвестно, как

там с ней обращаются. Да никак. Как с прислугой. Инга читала, у них там прислуга не член семьи, не человек даже, а робот. Молча сделала, молча ушла. У прислуги не спрашивают – как ты? не устала? не замёрзла? Что будешь, котлеты или блинчики тебе разогреть? У прислуги своя семья и свой дом, где её ждут. Где её любят.

А если – не ждут?)

– Но на каникулы – можно же было девочку домой забрать?

– Девочка, – хохотнула Аглая. – Ей пятнадцать лет, взрослая уже. Пусть учится жить самостоятельно.

Инга помнила Аню угловатым нескладным подростком, с детски тонкими руками и странным выражением глаз. Ей, наверное, не радостно было в чужой неприветливой стране, и очень хотелось домой, дни считала, наверное. А за ней не приехали. «Что касается каникул, то с вашего разрешения она будет проводить их в Ловуде» – некстати вспомнилось Инге.

– Она хоть пишет вам?

– И пишет, и звонит, Витя телефон ей купил, сотовый. У них там у всех... Сначала письма приходили ворохами, в каждом одно и то же – заберите меня отсюда. И восклицательные знаки на весь лист. Виктор отвечать не велел, говорил, адаптация пройдёт, и она привыкнет, – увлечённо рассказывала Аглая, не замечая, как у Инги менялось лицо.

– Теперь не звонит, Витя сам ей звонит иногда, звонить-то

недёшево... – вздохнула Аглая. – И письма присылает де-
журные, «учусь хорошо, до свидания». Словно времени ей
жалко – родителям написать. Следующий год отучится, на
каникулы в английскую семью устроится.. Там, правда, пла-
тят меньше, русские больше платят, но зато языковая прак-
тика с носителями языка, лондонское произношение...

Розе неинтересно было слушать про языковую практику,
и она нечаянно заснула. Ей приснилась Англия, которая во
сне была похожа на Антарктиду, и было ужасно холодно. Ро-
за хотела убежать, но ноги не слушались. Надо найти Аню, –
поняла Роза, и тогда Антарктида её отпустит, их вдвоём..

Сон продолжался, и Антарктида, которая —Англия.
Графство Суррей, Роза запомнила. Вот и замок, серый, гро-
мадный, увитый плющом. Как в фильме «Джен Эйр». Роза
найдёт Аню, и они вместе уедут домой. Полы в замке были
традиционно каменными, а Роза где-то оставила обувь, она
не помнила где. Идти было холодно, но она шла. В коридорах
гулко отдавались шаги. Где же Аня? Надо её позвать. «Ааа-
няаа! – изо всех сил крикнула Роза. Ей было холодно, дав-
но уже холодно, а Аня не отзывалась. Может быть, ей здесь
нравится, с мистером Рочестером и Аделью, и она не хочет
уходить?

– Вот ты где! Я думал, ты в своей комнате, думал, спишь, а
ты оказывается здесь улеглась... Ты с ума сошла?! Холодная
вся, как лягушка. А мама где? В беседке беседы беседует?
Ну-ка, вставай. Вставай-вставай, тебе надо под горячий душ,

а то заболеешь завтра. – И не слушая её «папа, подожди, там Аня...», Чермен подхватил двенадцатилетнюю дочку на руки и понёс в дом.

Внутри клокотала злость – на себя, что не досмотрел, девчонка отколола номер, на холодной земле улеглась, теперь простудится, а у неё каникулы... На жену, которая болтала два часа кряду и не вспомнила о дочери. На Аглаю, которую – вот же шайтан принёс, дома не сидится...

Дверь хлопнула протестующе громко. Инга выглянула из беседки, но Чермен уже ушёл, и о том, что Роза слышала их с Аглаей разговор, она так и не узнала. Фонарь над крыльцом погас. («Разозлился, дверью хлопнул от всей души. Вот не надо было замуж выходить за дикого горца. А за кого тогда? Инге никто не нужен, только Чермен, больше никто... И свет на крыльце погасил. Темнотища-то какая! Проболтали два часа... Как теперь в потёмках идти? Ох, чуть ногу не... Шайсс! (нем.: дерьмо)»)

– Всё, побежала я. Пока! – Аглая чмокнула её в щёку холодными губами, замёрзла, наверное, в беседке, – и Инга вздрогнула. Вот так же, холодно поцеловав она попрощалась с дочерью. И облегчённо вздохнула. Не любят они её, ни она, ни Виктор.

Им с Виктором хорошо вдвоём. Хорошо и комфортно. А Аню отправили в Англию, чтобы не мешала. И о том, хорошо ли ей там, Фомушкины думают меньше всего. То есть, вообще не думают.

Глава 22. Файф-о-клок

С того дня между Ингой и Аглаей словно выросла стена. Инга перестала её понимать. И не получалось, как раньше, болтать и смеяться, и жарить «в четыре руки» беляши, и печь швабские кренделя. Это стало навязчивой идеей: при появлении Аглаи думать об Ане. Она бы сейчас тоже ела пирожок с мясом, со смешным названием эчпочмак. Дула на начинку, смешно оттопыривая губы, обжигалась горячим бульоном, стекающим по пальцам... Качалась с Розой в гамаке, болтая загорелыми ногами. Сидела у них на веранде, поджав под себя ногу и жмурясь от бьющего в глаза солнца. Откусывала рассыпчатый штрудель, подставляя ладонь, чтобы не сыпались крошки, а они бы сыпались, а Инга беззлобно ругалась: – А усвинячились обе... Роза! У тебя вся юбка в крошках! Только стряхни мне на пол, и будешь мыть веранду.

Аня с Розой переглядываются и хихикают. Говорить они не могут: рот занят штруделем. Прожевав, Роза выдвигает условие (отцовская школа, спорить не будет, но сделает по-своему):

– Я веником подмету. Потом, когда съем. Мы с Аней вместе подметём. Ма, отрежь мне ещё. И Ане.

Инге вспомнилось, как мать звала её: «Gehe hierher, Inge! Schaeue an, wie sie tanzen. Es braucht man, zu sehen!» (Инга, иди сюда, скорее! Посмотри, как они танцуют. Это стоит уви-

деть»)

Инга смотрела, *wie sie tanzen*, и Аня не попадает в такт, потому что не может запомнить фигуры, и топчется, и вскрикивает...

– Ай! Ты мне на ногу наступила!

– А потому что ты не в такт...

– А помедленней можешь?

– Не могу. Это тебе не пасадобль, это джайв. Ты же сама просила показать. Вот и терпи.

Аня старается изо всех сил, и у неё начинается что-то получаться. Розовая от усилий, счастливая, смеющаяся... Роза тоже смеется, и Инга, и Эмилия Францевна... Зрелищное мероприятие, что и говорить.

Инга вынырнула из воспоминаний и неприметно вздохнула. Вздох получился тяжёлым, и Аглая всё равно заметила.

– Что ты всё вздыхаешь? Заболела?

– Да, наверное, – соврала Инга. – Ночью плохо спала, и в горле першит.

– Тогда я пойду, а ты ложись. И морс клюквенный свари, это при простуде первое средство.

Аглая уходила, и Инга оставалась наедине со своими мыслями. Мыслям не солжёшь, что заболела, даже если улечься в постель и закрыть глаза, они всё равно не уйдут. Чермен вчера на неё наорал за дочь, и не извинился даже. Кто её заставлял спать под смородиной, ведь большая уже, а такие номера откалывает. А Инга виновата.

Виновата. Сидела и болтала с Аглаей, а о дочери забыла. Ничего, она закалённая, не заболит. А Аня... Слабенькая, хрупкая, а в Англии зимы сырые и дождливые. И туман. Ей там не скажут – «ты ложись», не нальют горячую ванну, не напоят клюквенным морсом и не укроют вторым одеялом. Заболела – в изолятор, в английских колледжах, наверное, есть изоляторы. Или нет?

Ещё она удивлялась, что Роза не вспоминала о подруге, ей вполне хватало Алочки, с которой они весело проводили время и на которую Роза больше не жаловалась. Девчонка торчала у них целыми днями и болтала без умолку. Инге хотелось послушать, о чём они шепчутся, уединившись в беседке или плавая по бассейну в надувной лодке, которую Чермен всё-таки купил, потому что Роза очень просила, а он не смог отказать.

* * *

Роза смотрела на отца, и в её глазах читалась безнадёжность: по английскому четвёрка, по испанскому тройка, а пятёрка только одна, по физкультуре. Чермен понимал, что перегнул палку с «дополнительным образованием». Роза не справляется с алгеброй и геометрией, английский путает с испанским и говорит на двух сразу. И втемяшилась Инге эта испанская школа! Отдали бы в нормальную, с одним языком, немецкий Роза знает, английский выучит, что ещё надо?

Ничего. Вместе с уроками справимся, шестой класс худо-бедно окончит и перейдёт на экстернат, на домашнее обу-

чение. За два года четыре класса, потом экзамены и аттестат. Ничего. С экстернатом ей полегче будет.

Чермен взял дочку за подбородок:

– Никогда не опускай голову. Ни перед кем. Ты меня поняла? А лодку обещал, значит куплю. Хочешь, вместе поедем? Ты какую хочешь?

– Жёлтую. Или золотую. Хочу чтобы красиво было – лодка и флаг, – ответила Роза, и Чермен в который раз удивился: девочка мыслила как он сам.

Нет, всё-таки у него замечательная дочь!

* * *

Инга смотрела, как Роза с Аллой плавают в лодке и едят клубнику (Чермен привёз с рынка, своя не выросла ещё). Интересно, о чём они шепчутся? Раньше громко разговаривали, а теперь сплошные секреты...

Эмили Францевне было всё равно, а Ингу это раздражало. Дружила бы с Викой, а с дурочкой дружить зачем? Она попробовала «решить вопрос» с мужем, но лучше бы не начинала. Чермен припомнил ей, как год назад Роза жаловалась на Аллочку и не хотела с ней дружить, а она, Инга, читала дочери нотации о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Теперь девчонок водой не разольёшь, друг без дружки дня прожить не могут. А тебе опять не так. Остановись, женщина.

Больше Чермен ничего не сказал. Обнял Ингу за плечи, развернул к себе лицом, пытливо заглянул в глаза. И улыб-

нулся. Длинных разговоров Чермен не любил...

После обеда к Бариноковым приходила Вика и начинался урок рисования. Аллочкин рот закрывался на два замка. – «Хочешь смотреть, молчи. Рот откроешь хоть раз, пойдёшь домой». Роза, как и её отец, умела выбирать слова и выражалась предельно кратко. Алла энергично кивала головой. Говорить она боялась. Приоткрыв от волнения рот, смотрела, как на плоском белом листе возникали свет и тени, и мёртвая бумага становилась живой.

С Викой дружбы не получилось, она держалась отстранённо, хотя и отвечала на все Розины вопросы и водила её рукой, показывая, как набирать на кисть масляную краску и как накладывать её на холст. За ошибки не ругала, за успехи хвалила, замечания делала в виде советов. Так договорено было с Черменом. Закончив урок, убежала, ссылаясь на занятость и вежливо отказываясь «перекусить». Эмилия Францевна совала ей пакет с пирожками – «Бери-бери, дома съешь». Вика благодарила и исчезала.

А Алла оставалась, вкусно жевала беляш и увлечённо рассказывала о чём-то Розе...

Если бы Инга могла знать, о чём её дочь разговаривала с дурочкой, она бы удивилась. Девочки говорили об Ане, которую, как считала Инга, они обе «хорошо забыли». Sie haben gut vergessen, haben fest vergessen...

– Повезло Аньке, в колледже учится, в английском... – с завистью говорила Роза.

– Ага, и в школу ходить не надо. А меня мама с папой в интернат хотят отдать, потому что бабушка устала, я слышала, как она маме говорила. Я хочу, только мне бабушку жалко, как она без меня будет?

– У них там компьютеры, планшеты у всех, страна-то развитая, не то что мы...

О планшетах Розе рассказывал отец, который знал всё обо всём. В «игровой» они с Черменом не только отработывали приёмы черкесской банэ, но и вели долгие беседы, о чём не догадывалась Эмилия Францевна («Второй час над ребёнком измывается, бога не боится» – с болью в сердце думала бабушка, в то время как её внучка сидела на соломенном коврике-татами, купленном Черменом «из любви к искусству», и зачарованно слушала... «Пап, а расскажи ещё, ну па-аап...») – «Давай, дочка, в следующий раз. Мы и так почти час проговорили. Там бабушка переживает, живая ты или уже нет».

Роза спускалась вниз, прыгая через две ступеньки. – «Роза, spring so du nicht, du wirst abstürzen!» (не прыгай так, разобьёшься). – «Ба, не переживай, мы закончили уже»).

Роза не преминула щегольнуть перед дурочкой знаниями, Алла вылупила глаза и поверила. В действительности же – первый в истории персональный планшет, выпущенный в 1993 году брендом Apple, не был доступным для обычных пользователей из-за невероятно высокой цены, но Роза об этом не знала. Как и о том, что в качестве беспроводного со-

единения в нём использовался инфракрасный порт, а меню было довольно примитивным: календарь, калькулятор, часы, блокнот, адресная книга и программа для чтения книг (устройство Newton распознавало рукописный ввод).

Первый интернет-планшет фирмы «Нокиа» вышел в 2005 году, прототипы были уже в начале 2000-х. В России персональные планшеты появились в 2010 году, взорвав потребительский рынок электроники.

– А ещё у них есть five o'clock (буквальный перевод «пять часов», английское традиционное чаепитие) и lunch (ланч, ленч – английский обед, обычно в полдень).

– Файф-о-клок это чего?

– Не «чево», а «что». Это чай такой, с шоколадным пудингом (пудинг — традиционный английский десерт: изюм, финики, брэнди, масло, сахар, вчерашний хлеб, яйцо, лимон, имбирь, мускатный орех, гвоздика).

– Весело живут! – восхитилась Алла.

– Весело. Но могла бы написать, – грустно сказала Роза. – Как живёт, с кем дружит... У неё там новые подруги, а про нас забыла. Ни одного письма не написала!

О том, что – написала, на свой домашний адрес, ведь Розиною она не знала, а Аглая письмо не передала – о том, что Аня писала им с Аллой каждый месяц, Роза не знала. Не хочет, ну и не надо. У неё теперь есть Вика, она художница, учит Розу рисовать. Не нужна ей никакая Аня, если она, Роза, ей не нужна....

Роза наморщила лоб, вспоминая слова отца. Когда оставляешь кого-то, значит, он тебе больше не нужен. Ане она не нужна.

Вот бы Аня увидела, как она рисует!

Глава 23. Капля за каплей

Лето упало в ладонь спелой земляничной, угостило лесными сладкими орехами, поманило коричневой шляпкой подберёзовика – и облетело порыжелой листвой. В одну из суббот сентября к Барининовым не пришла Алла, и Роза вздохнула с облегчением: хоть не будет над душой стоять. Вздох получился почти настоящим: Роза не любила проигрывать. Но и в следующие выходные дурочка не объявилась.

Роза терпеливо ждала, и о том, что она ждёт, догадывался только Чермен. Он знал свою дочь. Скучает, но вида не подаст, и к Петраковым не побежит как собачонка.

Сидя на складном стульчике, Роза рисовала «перспективу» – беседку за домом, бассейн, забор... и поглядывала на калитку: вдруг откроется? Алла ткнётся носом в мольберт, и скажет что-нибудь вроде «мазня такая, только краски переводишь», и Роза на неё не обидится. Потому что Алка шутит, она всегда так шутит, когда поблизости нет взрослых и никто не слышит. Роза рассмеётся и скажет: «Нет, серьёзно, посмотри, у меня получается? Или нет?» – «Получается. Только у тебя беседка меньше забора, а он же дальше! Наоборот надо».

И правда, беседка меньше. У Алочки глаз алмаз, подсказала, и ничего она не дурочка, и почему её так называют? Просто учиться не может. Был бы у неё папа как у Розы, за-

нимался бы с ней кровь из носу, и Алка бы выправилась. Капля за каплей точат мрамор...

Роза сняла с мольберта испорченный лист. Не получается. С Викой всё получается, а без Вики – гуашь попадает на руки, беседка выходит ненастоящей, кукольной, а вода в бассейне вообще не выходит.

Вика учила её, как закреплять на мольберте бумагу, как безопасно отрывать от бумаги скотч, как смешивать краски. И уходила. А Роза оставалась одна. Аллочки не хватало ощутимо, зрительно, захлёб.

– Где ж подружка твоя, поссорились вы, что ли? – добиwała Розу бабушка, которая привыкла к Аллочкиным визитам, привыкла кормить её пирогами с сыром, которые любил Чермен... и Аллочка тоже. А как с ней весело Розе! То они танцуют, то рисуют, то в бассейне в лодке болтаются, сидя с двух сторон на бортах и играя в кораблекрушение.

Ещё Эмилия Францевна разрешала Алле брать книги, которые у Баринковых были, а у Петраковых, наверное, не было. Иначе бы у девочки так не загорались глаза, когда она получала из рук Эмилии «Деревянную армию» Александра Волкова или «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери. И не пролиwała бы слёзы над «Девочкой со спичками» Ганса Христиана Андерсена. Нормальная она, и воспитана нормально, и мозги на месте, а вот – прилепилось к ней это липкое, унижительное слово «дурочка», и никак не отвяжется.

* * *

... Роза подошла к знакомой калитке и несмело постучала. И разозлилась на себя: откуда взялась эта робость? Роза вздёрнула подбородок и постучала ещё раз, сильнее. На стук вышла Анна Дмитриевна (а Роза надеялась, что – Алла...)

– Розочка, девочка... А чего ж ты стучишь, у нас же открыто всегда. Иди, у меня булочки свежие, чаю попьём с тобой... По подруге соскучилась? В интернате она. Учитесь-то надо, а там у них учителя хорошие. В школе-то не получалось у неё, вот и посоветовали интернат. А по мне так занимались бы с девочкой получше, да воспитывали построже, а то всё леденцы да пряники, а воз и ныне там. В десять лет таблицу умножения не знает.

– На выходные они её домой забирают, а ей всё равно, говорит, в интернате хорошо, и подружек много, и дурочкой никто не обзывает. Скучают родители-то без неё, любят всё-таки, – подперев рукой щеку, рассказывала Аллочкина бабушка, и внутри у Розы становилось пусто и холодно, как в осеннем лесу. – А сюда уж не приедут, последнюю осень мы тут. Председательша помочь обещалась покупателя найти, вот и сижу-караулю, кто смотреть придёт. Так что весной новые соседи у вас будут...

Это «всёшки» резануло её сильнее, чем отсутствие Аллы. Анна Дмитриевна Розе как бабушка, и киселём клубничным угостит, и косы ей переплетёт по-новому, колоском. Красиво. А теперь её не будет, и Аллы не будет, и это не умещалось в голове. Сначала у Розы отняли Аню, теперь вот – Ал-

лочку... Отдали бы её в Розину спецшколу, там не пофилонишь. И таблицу умножения, и английский выучила бы как миленькая. И испанский. Роза фыркнула, и Анна Дмитриевна её не поняла.

* * *

Вике не хотелось заниматься с Розой, у которой совсем не было способностей, вот ни на капельку! Цветочки-листочки может рисовать, а перспективу – нет. Плоские как блин натюрморты, деревья, похожие на цветы, и цветы, похожие на... Нет, ни на что не похожие.

Но за «репетиторство» Вике платили, а деньги в их доме были не лишними. Она будет приходить к Бариноковым. Будет терпеть Эмилию Францевну, которую ненавидит за историю с плеером, за то что унизила её при всех, привела зрителей. Вика не забыла.

Она будет учить девчонку рисовать, пока Розе это не надоест и она попросит папочку найти ей новое занятие. И чего он с ней носится? Прямо сияет весь, когда она лепит на стены свои «пейзажи», за такие из художки давно бы вытолкали в шею.

Вика терпеливо объясняла, терпеливо показывала, терпеливо улыбалась. Никому на свете, даже Розину отцу, она не расскажет о разговоре, который нечаянно подслушала.

Остап обвинял жену, по всем статьям.

Квартиру родительскую просрала, не могла с отцом поласковой (о том, что «поласковой» с Иваном Андреевичем

мог бы быть он сам, Остап не думал).

Марью не могла дожать с завещанием, говно за ней выносила, на цырлах ходила, в своей-то квартире! А квартира теперь не твоя. Она ведь на тебя её хотела переписать, Марья-то, и жили бы сейчас как люди.

Дочку упустила, с этой школой искусств. Реставратором хочет стать, Лучше бы на дизайнера училась, или на модельера, профессия хлебная... Ты хоть знаешь, куда она поступать собирается? В училище художественное, а после в академию, там шесть лет учиться, это что же, нам с тобой до тридцати лет её кормить? Да и работу найдёт ли после Академии, ещё вопрос. Туда поступать – репетитора надо, вот мы с ней вдвоём и пашем, как проклятые. Будет ей репетитор, кровь из носу, но будет. Раз обещал, слово сдержу. И поступит сразу в Академию.

Вика слушала и не могла поверить услышанному. Оказывается, после суда, который они с Натальей проиграли (а Марькина нахрапистая родня выиграла, зубами выгрызла – и суд, и квартиру, и смотрели презрительно, когда они приехали забрать кое-какие вещи. Вещи им отдали, а картины не отдали) – после истории с квартирой на Фрунзенской набережной с Остапом Пилипенко случился инфаркт. Микроинфаркт. Он перенёс его на ногах, перетерпел, а надо было лежать. И теперь сердце прихватывает постоянно, с работы его «попросили», а частным извозом работать – то густо, то пусто, это только в кино «бомбилы» живут припеваючи. Да-

чу бы продать, а как её продашь, если она троих кормит?

Репетитору плати, кредит плати, за участок садовый плати... Где денег взять? Ты в мастерской своей... на хлеб работаешь, масло в уме.

Остап говорил, Наталья молчала, и от этого было ещё страшнее.

Глава 24. Жизненный опыт

В свой последний учебный год Вика вступила с определённым жизненным опытом. Её одноклассники – те, кто после десятилетки будут поступать в вуз, – после школы занимались с репетиторами, без этого в «серьёзные» вузы не попасть. В классе только и было разговоров – кто куда собирается поступать. Названия институтов и академий, перед которыми, по Викиному разумению, полагалось благоговеть, произносились в фамильярно-небрежной манере: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана именовали Бауманкой, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова – Плешкой, а факультет журналистики МГУ – трепологическим факультетом. Впрочем, на «трепологическом» абитуриентов ждал творческий конкурс, и Викиным одноклассникам, что называется, не светило.

Названия вузов ввергали в трепет и внушали уважение – Московский банковский институт, Финансовый университет, Московский государственный университет информационных технологий радиотехники и электроники...

Викиным одноклассникам всё казалось решаемым, они обязательно поступят, кто же, если не они? И только Вика на вопрос о том, где она собирается учиться, молчала. Если расскажет, уж точно не поступит. Как все творческие лично-

сти, Вика была суеверна.

В художественной школе искусств она тоже училась последний год. Викины одноклассники все младше её на два года (в подготовительный класс принимают с восьми лет, Вика училась с десяти, два года подготовительный класс, пять лет основной), художку они окончат в пятнадцать, потом почти четыре года будут учиться в МАХИ (Московское академическое художественное училище) – и при поступлении в Академию (Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова) у них не будет проблем, с такой подготовкой.

А она, Вика? Она не может себе позволить художественное училище, потому что тогда академию она окончит в двадцать семь: по специальности живопись, графика, скульптура уровень подготовки «специалист» требует шести годов обучения, по специальности архитектура – на один год меньше. Сидеть на шее у родителей Вика не сможет, и без Академии она тоже – не сможет. Значит, поступать придётся сразу после школы, без специальной подготовки. В прошлом году Вика была в Академии на дне открытых дверей и теперь всё знает.

* * *

...Она стояла перед стендом объявлений, и у неё разбежались глаза.

«Подразделение: Художественное стекло (кафедра, мастерские), место проведения: 2 этаж, правый переход.

Подразделение: Реставрация художественного металла (кафедра, 801 аудитория), место проведения: 8 этаж нового корпуса.

Подразделение: Монументально-декоративная скульптура (кафедра, мастерские), место проведения: 1 этаж главного корпуса, левое крыло.

Подразделение: Средовой дизайн (кафедра), место проведения: 2 этаж, левый переход» – читала Вика, и у неё оставалось дыхание.

Она поступит. И будет здесь учиться, и все эти мастерские, кафедры, переходы и коридоры, у которых есть крылья – правое и левое – всё это будет её, Викино, на долгих шесть лет.

– Альма-матер... – произнёс кто-то за спиной. Вика обернулась и встретилась с такими же как у неё, горящими глазами. Альма-матер. Мать-кормилица. Теперь она понимала, почему. Образование – духовное питание знаниями и мудростью.

Факультет она выбрала сразу: «Искусство реставрации». Ещё Вике очень хотелось «Дизайн», но нельзя учиться на двух факультетах сразу.

Кафедры имели магические названия, от которых невозможно оторваться: "Искусство графики", «Коммуникативный дизайн», «Академическая живопись», "Академическая скульптура", "Академический рисунок», "Основы архитектуры, композиции и графики", "Художественное стек-

ло", «Художественный металл», "Реставрация монументально-декоративной живописи", "История и теория декоративного искусства и дизайна"...

Платное обучение стоило невозможно, невообразимо дорого, триста пятьдесят тысяч рублей в год, за шесть лет два миллиона сто тысяч, таких денег у отца нет, ей придётся поступать на бюджетное отделение. Интересно, сколько там мест? Вика вглядывалась в прыгающие перед глазами строчки, и сердце медленно падало.

Графика. Специалитет. Очная. Бюджетные места: 30 мест.

Дизайн. Бакалавриат. Очная. Бюджетные места: 55 мест.

Дизайн. Магистратура. Бюджетные места: 45 мест.

Живопись. Специалитет. Очная. Бюджетные места: 15 мест.

Искусствоведение. Аспирантура. Очная. Бюджетные места: 7 мест.

Реставрация. Бакалавриат. Очная. Бюджетные места: 5 мест.

Реставрация. Магистратура. Очная. Бюджетные места: 30 мест.

Очно-заочное и заочное обучение предлагалось только по специальности «Теория и история искусств», бюджетных мест 10, стоимость обучения – 350 000 руб./год, как на всех факультетах.

Сердце провалилось в ледяную, обжигающую холодом бездну. И билось всё реже, и медленно холодело.

Огонь в глазах погас. Вика вздохнула и медленно пошла в главный корпус – через левое крыло коридора, через правый переход... который никогда не станет её, Викиным. Шла не разбирая дороги по длинным коридорам, а перед глазами стояли строчки: «Реставрация. Бакалавриат. Бюджетных мест 5. Стоимость обучения 350 000 руб./год».

Ей надо поступить, у них не хватит денег на шесть лет учёбы, это даже смешно, они платят за квартиру и за дачу, а мама получает очень мало, потому что работает неполный рабочий день и ухаживает за Марькой...

– Девушка! А вы куда идёте? Вы не заблудились? Вам какая кафедра нужна?

– Реставрации, – опомнилась Вика. И глупо спросила: – А я – где?

– В альма-матер, – улыбнулся профессор. – В вашей будущей вотчине. Это на восьмом этаже, пойдёмте, я как раз туда направляюсь. А вы, значит, будущий реставратор. Специальность уже выбрали, или ещё не определились?

С Викой так никогда не разговаривали – как с равной. Профессор улыбался ей так, словно был уверен, что она его будущая студентка. Будущая студентка!

– Прошу вас, – профессор распахнул перед Викой двери аудитории. Сидящие в зале (а это был именно зал!) будущие абитуриенты с любопытством на неё уставились. Профессор привёл, знакомая его, или дочка... Эта-то поступит. Тут и думать нечего.

Сердце вылетело из ледяной расщелины молодой сильной птицей и радостно забилося. Она поступит. Обязательно поступит. Нельзя – не поступить.

* * *

Абитуриентов, допущенных к экзаменам, ожидали испытания (так официально назывались представляемые в приёмную комиссию рисунки, этюды с натуры и композиции). Те, чей уровень художественной подготовки комиссия признавала достаточным, допускались к экзаменам – по рисунку, живописи и композиции. Письменный реферат на заданную тему и устный экзамен по истории искусств – это уже после.

По каждой художественной дисциплине даются два задания, на исполнение которых отводится несколько дней. Графика, эскизы, композиции... Поступить в Академию без спецподготовки нереально, даже если ты рисуешь так, как не рисует никто другой, как не рисовал никто ранее. Платное обучение нереально (триста пятьдесят тысяч в год, учиться пять или шесть лет).

Дома Вика заикнулась было о подготовительных курсах (занятия с ноября по май, в режиме экзаменов Академии Художеств), но Наталья Ивановна не хотела для дочери художнического будущего. С выставками, которые не окупаются, потому что аренда галереи стоит баснословно дорого, а посетители, забредшие случайно – кто же ещё пойдёт на выставку никому не известной художницы, много вас таких, за

билет заплатишь а смотреть не на что – посетители не спешат расставаться с деньгами...

С лаками и красками, которыми приходится дышать, постоянно, каждодневно. С картинами, которые не скоро пишутся и не скоро продаются. С вечным безденежьем и неслабыми тратами (холсты, подрамники, краски, всё придётся покупать им с Остапом, от дочери не дождёшься, в Союзе художников денег не платят, членам только стаж идёт, на него хлеба не купишь. Значит, так и будет сидеть на родительской шее...

Наталья Ивановна ответила дочери, как всегда, в уклончивой манере: «Ну, не знаю... Курсы денег стоят, а помогут ли они – бабушка надвое сказала».

Остап промолчал. Выбрала профессию – сама в неё пробивайся, за ручку никто не поведёт.

И Вика решила – пробиваться. Стоили курсы восемь тысяч двести, денег взять неоткуда, на школьных завтраках и обедах много не сэкономишь. Значит, надо искать работу на полставки, после уроков. Она может разносить письма, может работать курьером, она согласна даже мыть полы в ближней парикмахерской. Впереди ещё год, и деньги она зарабатывает.

Но на почту её не взяли: несовершеннолетняя, а там работа с материальными ценностями. В парикмахерской надо было мыть и подметать с утра до вечера, каждые два часа. А школа – как же?

И Вика устроилась курьером. Ей даже нравилось, но курьерская доставка оценивалась смешно, половина денег уходила на оплату проезда, да и с уроками она не успевала и нахватала двоек. Наталья Ивановна имела с завучем неприятный разговор, и на этом Викина трудовая деятельность закончилась, а заработанные деньги родители отобрали.

– Пока ты живешь за наш счёт, будешь слушаться, и никаких заработков! Ишь чего надумала, бисово отродье! Тебя дома не кормят, не одевают?! На одни краски сколько денег транжирим... Ты о чём думаешь? На второй год хочешь остаться? Второгодницей чтобы звали? – гремел Остап, красный от гнева и от стыда за дочь. Что теперь учителя школьные подумают? Что девчонку работать заставили? Да они знать ни о чём не знали, пока мать в школу не вызвали, глаза ей не открыли – на доченьку ненаглядную, ей бы ума вложить в задние ворота. – Школу закончишь и делай что хочешь, а пока будет так, как велют родители!

* * *

...Постановки на экзамене придётся писать акварелью, с этим проблем не будет, акварель она знает, дед научил... Плохо, что он совсем забыл о ней, будто она, Вика, виновата, что мама не ладит с Марьей, что теперь они живут в Загорске, а к Ивану Андреевичу приезжают в гости... будто она виновата! Ну и пусть. В Академию Художеств она поступит, чего бы ей это ни стоило! Статус внучки именитого академика должен сработать.

Вика не знала – да и откуда она могла знать! – что дедов неоспоримый авторитет и его именитые друзья в Академии Художеств – были всего лишь утешением на старости лет. Что в Академии Мацковского почти не вспоминали, шутками, восемь лет как уволился, а незаменимых, как известно, нет. Что через месяц деда не станет.

Марья переживет мужа на полгода. Квартиру, которая принадлежала маминым родителям и которую Вика считала своей, Иван Андреевич приватизирует и переоформит на Марию, обидевшись на дочь «на всю железяку», как выразился Остап. После смерти Марьи все трое Пилипенко окажутся бомжами: наследники потребуют освободить квартиру, согласно решению районного суда.

«Согласно царскому указу, боярам выбили по глазу» – сказал тогда Остап. И уговорил хозяйку малогабаритки, где они ютились втроём в двух смежных комнатёнках, продать ему квартиру с выплатой в рассрочку (уговаривать Остап умел). Первый взнос составил две трети суммы, и хозяйка успокоилась: кто ж у неё купит эту малогабаритку со смежными комнатами, совмещёнными «удобствами», четырёхметровой узкой кухонькой и окнами на помойку? Два года продать не могла, покупатели приходили, смотрели, уходили. А этих прижало, видать, вот и купили... Видать, свекруха невестку вытурила, ну и сыночка следом, раз ему жена дороже матери. Мас-кви-чи недоделанные.

«Недоделанные» оформили сделку нотариально, в дого-

воре значилось, что квартира общей площадью 35 кв.м, жилая площадь 24 кв.м продана с рассрочкой платежей и в случае прекращения ежемесячных выплат подлежит отторжению и возврату прежнему владельцу. То есть, владелице. («Пусть живут, будут платить аккуратно, квартира ихняя будет, а нет – так вылетят пробкой, и деньги не отдам») – решила владелица.

Остапу повезло – успел взять кредит, предъявив в банке справку о зарплате. Зарплата была приличная, кредит тоже, и проблем с покупкой квартиры не возникло. Зато возникли проблемы со здоровьем – у Остапа не выдержало сердце. А кредит надо было возвращать, с процентами, а директор фирмы за постоянные больничные листы потребовал написать заявление «по собственному желанию», иначе уволит по статье «недоверие», а с такой записью в трудовой книжке Остапа возьмут разве что дворником.

Вика об этом не знала. И с незнакомым ей волнением распахнула массивные двустворчатые двери Академии Художеств... На дне открытых дверей будущие абитуриенты писали на листочках вопросы и передавали в «президиум». Отвечали подробно и всем. Вика узнала о том, что при работе с масляными красками потребуется регулярное вдыхание паров разбавителя, а при ручной росписи мелких фигурок нужно будет постоянно сидеть с согнутой спиной. Вика согласна была – и на разбавители, и на сколиоз.

На заданный ею вопрос – возможно ли поступить в Акаде-

мию сразу после окончания школы? – ответ был бескомпромиссным: из всех факультетов поступить без окончания Художественного училища и без специальной подготовки можно только на факультет архитектуры. Там не такой высокий ценз. В архитектуре потребуется умение делать точные расчёты, а иногда и руководить строительными работами... Выпускники факультета архитектуры – инженеры-строители, там с третьего курса сплошная инженерия, Вике это не надо, она хочет стать художником, а художник-архитектор – это как врач-теоретик...

Выбора у неё нет. Вывешенные в вестибюле Задания для абитуриентов Вика читала с опустошенным сердцем. Рисунок (два задания), живопись (одно задание), композиция (одно задание). Гипсовая голова, карандаш, двенадцать часов; рисунок интерьера, карандаш, пятнадцать часов; композиция из заданных геометрических фигур...

Для специальности архитектура учитывается результат ЕГЭ по русскому языку и математике. Для специальностей – живопись, графика, скульптура, история и теория изобразительного искусства – ЕГЭ по русскому и истории. На предварительном допуске к экзамену абитуриенты пишут цветовые и колористические клаузуры на чувство цвета, тона и цветовых отношений. Вика собиралась писать маслом (холст).

Клаузуры – это задания, направленные на подтверждение практических навыков студентов и на развитие творческого мышления. Результатом клаузуры является макет, набро-

сок, эскиз – любая форма графического представления, демонстрирующая проектную идею в её полноте. Кратковременная клаузура концентрирует творческую энергию студента, побуждая к творческой интенсивной работе фантазии. При первом знакомстве с темой надо «схватить» её основную суть, выявить свое отношение к теме, определить в общих чертах архитектурный и композиционный замысел.

Архитектурная и проектная графика – не её конёк. Но придётся постараться. Вика удивит всех, напишет – подвесные дворы, у неё в запасе год, она над этим поработает...

Вика не знала, что зимой у отца случится инсульт.

Кредит они с Натальей возвращали вдвоём.

Глава 25. О том, как разбиваются мечты

Вика осталась верна себе и через три года поступила в Колледж дизайна и декоративного искусства МГХПА им С.Г. Строганова. В группе она была старше всех: им по пятнадцать, а ей почти двадцать. Ничего, она вытерпит, выдержит и поступит в Академию. Во что бы то ни стало. Садовый участок можно продать, маму она почти уговорила. А там посмотрим...

«Посмотреть», как оказалось, было на что. Обучение на подготовительных курсах, которые именовались дополнительным образованием и обойтись без которых не представлялось возможным, стоило запредельно. То есть, запредельно для Вики. Уровни обучения – 1-й базовый, 2-й основной, 3-й продвинутый, 4-й продвинутый плюс.

Вика выбрала третий. Академический рисунок 59400 руб., академическая живопись, 46350 руб., композиция 30000 руб. Она заработает. На мамину зарплату они будут жить, а Викину откладывать. Ещё она продаст садовый участок и дом... Папин дом, там всё сделано его руками, как же она сможет его продать...

Она сможет. И денег хватит, и надо-то всего сто тридцать шесть тысяч. Вика прочитала объявление повнимательнее и с ужасом поняла, что цены значились за один семестр.

«В стоимость обязательных предметов для слушателей, ориентированных на технику масляной живописи, на 3-м и 4-м уровнях, во втором семестре включена оплата демонстратора пластических поз (натурщика) 51 750 руб..

Оплата производится до начала учебных занятий каждого семестра.

Рассрочка на оплату не предоставляется.

Запись в группы осуществляется по факту оплаты.

Количество мест в группах – не более 13 человек.

За более подробной информацией обращайтесь по телефону...»:

В Академию Вика так и не поступила.

Глава 26. Сюрприз

Роза всё реже вспоминала об Ане и Аллочке. Они больше не встретятся, а папа сказал, что если долго мечтать о невозможном, мечта может замучить. Роза старалась не мечтать, и у неё это почти получалось. Почти.

Домашнее обучение оказалось скучным, ведь теперь она не виделась с подругами, не бегала на перемене по коридорам, не сидела за красным пластиковым столиком в школьном буфете, запивая сосиску несладким чаем (в танцевальной студии взвешивание каждую неделю) и повторяя школьную расхожую поговорку: «хорошо, но мало». Не делилась секретами с подругами, взяв с них клятвенное слово молчать «до могилы» (в клятве не уточнялось – чьей). Не писала сочинения, за которые её всегда хвалила учительница. Не ездила на школьные экскурсии, когда в окна автобуса лезет горячее солнце, ветер играет со шторками, а салон звенит детскими радостными голосами и содрогается от хохота.

Программу с седьмого по десятый класс Роза одолела за два года, «дистанционно», со всеми вытекающими. То есть, сами понимаете...

А весной 2000 года сдала экзамены экстерном, получила аттестат о среднем образовании и поступила в Архитектурный институт, на факультет арт-дизайна. В ноябре ей исполнилось шестнадцать, а в декабре Чермен, хитро улыбаясь,

предложил им с Ингой встречать Новый год на даче.

– Фомушкины обещали приехать, и вообще, новый год на природе это что-то. Ёлку из леса притащим, я договорился с кем надо. На лыжах покатаемся... Деда Мороза живого увидим! А тебя, дочь, ждёт сюрприз.

Роза от предложения отца была не в восторге. В институте будет новогодний вечер, ей так хотелось пойти! Она умеет танцевать, почти профессионально, и на вечере блеснула бы... А на даче ей что делать? Снег в лесу месить? И что за сюрприз, которого надо ждать целую неделю? Самое бесполезное занятие, это когда чего-то ждёшь. Она подождёт.

Сюрприз оправдал ожидания.

Ёлка во дворе сияла гирляндами (когда Роза была маленькой, елку наряжали каждый год, она была живая, и не надо было жалеть, что – вот, росла, а теперь умрёт). В этом году гирлянды были голубыми, и звёзды светились голубыми огоньками, и если задрать голову и покружиться, а потом упасть в снег, то в голове всё перемешивалось, и было непонятно, где земля, а где небо.

Роза повторила детский трюк со звёздами, и немного полежала на снегу, уставясь в небо. Звёзды это чьи-то солнца, а значит, там, в запредельной дали, есть другие планеты и другая жизнь. У Розы тоже другая жизнь, учиться в институте интересно, у неё много друзей, а Розин бывший репетитор преподаёт у них в МАРХИ и, встречаясь с ней на лекциях, всегда улыбается и кивает. «Поможет, если что» – ска-

зал Чермен, и Роза поняла – «что». Она понятливая девочка. Теперь уже – девушка, шестнадцать лет, через два года получит права, а машину ей папа уже купил, спортивный «Diattozagato» сине-стального цвета, и Роза сразу в неё влюбилась.

Ей не стоит лежать на снегу и смотреть в небо. Детство кончилось, и детские забавы кончились. А звёзды остались, и ёлка, и подарки! У Бариноковых подарки всегда клали под ёлку, и так смешно было их искать, раздвигая мишуру и натываясь на коробки... «Ой! Тут коробок столько! А где моя?» – «А ты на надпись посмотри, они подписаны» – «Дед Мороз подписал?» – «Ну а кто же ещё, я такими глупостями не занимаюсь» – уверял Чермен. Его тоже ждал подарок, но сначала – женщины и дети, шутил Чермен. А ему – что останется. Если останется... ха-ха-ха!

Взвизгнула железом калитка, взвизгнула от радости Инга, зазвенели в морозном воздухе голоса, перебивая друг друга, тараторя взахлёб. Гости пришли! Тётя Аглая и Виктор Николаевич. Больше никто не придёт, они никого не пригласили, новый год семейный праздник, чем меньше соберётся народу, тем уютнее сидеть за столом, смотреть телевизор, водить вокруг ёлки хоровод... Хоровод водили вчетвером – мама, папа, бабушка и Роза, а потом цепочка рук распадалась и все куда-то пропадали... Роза смеялась и тоже «пропадала», закапываясь в сугроб, чтобы папа её не нашёл.

Роза заставила себя перестать вспоминать, отряхнула с шубки снег и отправилась встречать гостей.

Фомушкины явились в полном составе: Аня прилетела в Москву вчера. Роза её не узнала – изменившуюся до неузнаваемости. Вместо нескладной голенастой девчонки перед ней стояла красивая девушка, странно и стильно одетая, не для нашей зимы. Лицо у девушки было чужое, не Анино. Взрослое. Девушка улыбнулась – «Здравствуй, Роза. Не узнала?» – и стала Аней! Роза повисла у неё на шее, гладила по щекам, шептала что-то хорошее... Летом она приедет в Англию на машине, папа ей подарил машину! И они будут кататься по Лондону, и Аня покажет ей Тауэр и Виндзорский замок. Она обязательно приедет! Честно-честно!

Роза говорила, Аня согласно кивала, обе знали, что это не так, и не могли перестать улыбаться.

– Ты надолго приехала? Насовсем? Или на каникулы?

– Я... I here for a while. I have arrived for three days (англ.: Я здесь ненадолго. Я приехала на три дня).

– Почему на три? – надулась Роза, и Аня подумала, что она совсем ещё ребёнок, несмотря на свои шестнадцать. Воспитание. Слишком любят, слишком опекают. Наверное, это правильно, хотя совсем не по-английски. Своих детей надо любить, тогда они не будут приезжать на три дня и не знать как их поскорее прожить, чтобы уехать.

– Я тебя ждала, долго-долго! Зачем ты уехала? Зачем? Мне было без тебя так плохо, и Алле, а ты нам ни одного письма не написала...

Ни одного письма? Но она же писала... Ей тоже было –

плохо, она звонила, писала, говорила об этом родителям, а они отвечали: «Учи язык, учись там как следует, и всё наладится, привыкнешь». Аня писала Розе, а она не получала писем. Значит, письма не передавали, но Розе не надо об этом знать, она расстроится.

Родители были правы, она привыкла (никогда не привыкнет! Там всё чужое, а здесь... чужая она сама), у неё «всё наладилось», в Москву она не вернётся, в Лондоне тоже не останется, найдёт работу переводчика-синхрониста, собственно, она уже её нашла: Ане помогла русская семья, в которой она работала в свои первые в жизни английские каникулы. А девочка Маша, Мэри, с которой Ане запрещали разговаривать по-русски, мило болтает с ней по телефону на чистом английском, через слово вставляя cockney rhyming slang (кокни – лондонский слэнг, просторечие), к ужасу родителей.

– Писем не писала, прости. Well excuse please. Мне некогда было. I will eat my hat! Честное слово!

– Ты останешься? Ты насовсем приехала?

– Я тебе уже ответила на этот вопрос.

– Роза, слезь с неё! Что ты как маленькая, тебе шестнадцать уже, забыла?

– Nothing, everything is normal, всё нормально, мы с ней давно... так не сидели.

Роза слезла с Аниных колен, на которых она так уютно устроилась, и потянула подругу за руку – пойдём наверх, в

моей комнате поговорим, и ты мне всё расскажешь.

– In den oberen Zimmer kalt, komm wieder, Роза (нем.: в верхних комнатах холодно, вернись, Роза)

– Ну ба-аа... Wir werden kurz dort, wir werden bald zurückkehren (нем.: Мы недолго там будем, мы скоро)

– Мама, оставь ты их, пусть идут. Не умрут. Девочки, пальто наденьте, наверху холодно, бабушка правду говорит.

– Аня! Do you go? (англ.: Ты идёшь?)

– I now! I go! (англ.: Сейчас! Я иду!), – Аня сняла с вешалки своё пальто, Эмилия Францевна покачала головой, забрала пальто и сунула ей лохматую меховую доху – «На, бери. А ты застынешь там... Наша-то закалённая, а ты как была лебедёнком, так и осталась».

Назвать Аню, как когда-то, гадким утёнком, у Эмилии не повернулся язык. Красивая стала, и стрижка стильная, ничего не скажешь. Гадкий утёнок вырос, превратился в лебедя... и навсегда улетел.

Сидя в нетопленной спальне (ну и ничего, зато никто не слышит, а то ещё скажут, что она хвастается), Роза не закрывала рта, рассказывая подружке об институте и о своей будущей профессии. Арт-дизайн – воплощение и использование авангардных течений появившихся на стыке декоративно-прикладного искусства, скульптуры, архитектуры и дизайна. Арт-дизайн это синтез художественного и архитектурного формообразования, арт-дизайн это философия. Объекты, комплексы объектов, изделия – лишаются утилитарного

значения и становятся почти декоративными, выставочными. То есть, практически – проектируются эмоции.

Щёки у Розы разгорелись, глаза сияли. Аня зябко куталась в доху и думала о том, что у подруги всё хорошо и за неё можно не волноваться. У Розы будет своя, яркая и прекрасная жизнь, длинная как лето, как детство... которое кончилось, и кончилась их дружба. Наверное, они больше не увидятся, это последняя встреча. Как жаль, как мне жаль, as I am soggy...

Фомушкины принуждённо улыбались: что с ней сделаешь, из-за стола ушла и пропала. По подруге соскучилась... Хотя какие подруги, выросли обе, детство кончилось, и их ничто не связывает.

Если не умеешь дружить, не умеешь любить, то никогда не поймёшь тех, кто – умеет. И никогда не научишься, этому нельзя научиться, это или есть или нет, думала Инга. А ещё она думала, что девочки больше не увидятся. Если только...

Если только Чермен не купит своей ненаглядной девочке тур в Англию. С него станется, отправит её, шестнадцатилетнюю, одну. Английский она знает. И испанский знает, правда, хуже. Но объясниться может. Они с Черменом дали своей дочери всё что могли, и теперь пора выпустить её из клетки на волю, пусть – летит.